

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXIV • 2021 • № 1

Санкт-Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIV • 2021 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

**Посвящается 110-летию национально-освободительной
революции в Монголии**

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*

Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*

М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*

А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*

Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*

Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*

И. В. Зайцев, *доктор исторических наук (Россия)*

Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*

В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*

С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*

К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*

М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*

Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,
профессор (Россия)*

С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*

Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*

Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*

Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

**Выпускающий редактор номера — доктор исторических наук
К. В. Орлова (Москва)**

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: http://www.pvost.org

Подписано в печать 05.03.2021

Формат 60×90 1/8. Объем 13 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/4d4v-4q30

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

- В. В. Грайворонский.** К 110-летию национально-освободительной революции в Монголии в 1911 г. 5
- Ж. Урангуа.** Первый министр Министерства внутренних дел Монголии Цэрэнчимид и русско-монгольские переговоры 1912 г. 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Е. В. Асалханова.** Система живописного убранства храмов северного буддизма 17
- А. Ж. Бальжурова.** Развитие жанровой системы бурятской буддийской танка во второй половине XIX в. (на материалах коллекции Национального музея Республики Бурятия) 21
- С. Г. Батырева.** «Джангариада» В. А. Фаворского в истории изобразительного искусства Калмыкии 30–40-х годов XX в. 26
- И. Р. Гарри.** Святые места Нгаба: по материалам экспедиции 2017 г. 38
- Ю. И. Елихина.** Находки из Хирхиринского городища, хранящиеся в Эрмитаже. 47
- Р. Ю. Почекаев.** Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием иностранцев (по запискам И. С. Унковского) 51

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- К. В. Алексеев.** О топосе «похода» в монгольском сочинении «Эрдэни тунумал» 58
- И. А. Алимов.** Заметки о сяошо: «Сюй ши шо» 67
- О. К. Бабаева.** Анализ стихотворения Д. Н. Кугультинова
«Оонин үкл, эс гиж эвдрсн өрүн», «Смерть сайгака, или расстрелянное утро» 74
- А. В. Зорин.** Заяц «Тибетского сказа» А. М. Ремизова и его тибетские прототипы 79
- Б. В. Меняев, Б. Х. Борлыкова.** Из истории записи сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар». . . 85

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Литература по калмыцкой фольклористике. Сост. **Т. Г. Басангова (Борджанова)** 94
- «Вторые Ковалевские чтения». Казань 1–2 декабря 2020 г. (**И. В. Кульганек**) 98

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies
Vol. XXIV • 2021 • No. 1

The journal is published four times a year.
Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 110-th anniversary of the national
liberation revolution in Mongolia**

Editorial board:

- I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*
D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*
M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian Federation*
- G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*
A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*
S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*
L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*
J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*
V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*
E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*
N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*
S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*
K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*
M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*
R. Pop. *Ph. D., Romania*
T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*
R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*
N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian Federation*
I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

Issue Compiler — D. Sc. (History) K. V. Orlova

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/4d4v-4q30

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2021
© Group of authors, 2021

IN THIS ISSUE:

V. V. Grayivoronsky. To the 110-th anniversary of the national liberation revolution in Mongolia in 1911	5
Urangua J. Tserenchimid: The First Minister of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia and the Russian-Mongolian negotiations in 1912.	12

STUDIES IN HISTORY

E. V. Asalkhanova. The System of the Temple Decoration in the Northern Buddhism.	17
A. Z. Balzhurova. The Development of the genre system of the Buryat Buddhist thang-ka in the second half of the XIX century (based on the collection of the National Museum of the Republic of Buryatia).	21
S. G. Batyreva. “Dzhangariada” by V. A. Favorsky in the history of fine art of Kalmykia in the 1930s and 1940s XX century	26
I. R. Garry. Ngaba Holy place: based on the 2017 expedition materials	38
Yu. I. Elikhina. Findings from Khirkhirinsky settlement in the Hermitage collection.	47
R. Yu. Pochekaev. Judicial proceeding in the Zunghar Khanate with the participation of foreigners (based on the notes of I. S. Unkovskiy).	51

STUDIES IN LANGUAGE AND LITERATURE

K. V. Alekseev. On the Topos of Military Campaign in the Erdeni Tunumal	58
I. A. Alimov. Notes on Xiaoshuo Prose: «Xu shi shuo»	67
O. K. Bavaeva. Analysis of a poem by D. N. Kugultinov	74
A. V. Zorin. The Rabbit of “A Tibetan Tale” by A. M. Remizov and His Tibetan Prototypes.	79
B. V. Menyaev, B. Kh. Borlykova. From the history of the recording of the Sart-Kalmyk version of epic “Jangar”	85

REVIEWS

Issues on Kalmyk folklore studies. Comp. by T. G. Basangova (Borjanova)	94
Second readings dedicated to O. M. Kovalevsky (by I. V. Kulganek)	98

В. В. Грайворонский

К 110-летию национально-освободительной революции в Монголии в 1911 г.

© В. В. Грайворонский, 2021
DOI 10.25882/уx87-wp83

Статья посвящена одному из наиболее важных событий в истории Монголии и двусторонних отношений, которое до недавнего времени было малоизвестно широкому читателю, в том числе и потому, что недостаточно объективно и полно освещалось в советской исторической литературе и официальной пропаганде. Так, до 1990 г. в советской и монгольской научной литературе революционные события 1911 г. в Монголии рассматривались не как отдельная, самостоятельная национально-освободительная революция, а лишь как прогрессивное событие в борьбе монгольского народа за национальное освобождение от цинского владычества. После победы в Монголии в 1990 г. мирной демократической революции и перехода к многопартийной политической системе, демократии западного типа, рыночной экономике и открытой внешней политике в монгольской исторической науке начался процесс пересмотра некоторых ключевых событий истории МНР и монголо-советских отношений в 1921–1990 гг., восстановления исторической правды, реабилитации многих политических и других деятелей, ставших жертвами необоснованных политических репрессий, которые имели место в Монголии под влиянием аналогичных событий в СССР в 1920–1930-х гг. Это в полной мере относится к оценке событий 1911 г.

Ключевые слова: Монголия, национально-освободительная революция, 1911 г., Джебдзундамба-хутухта VIII, Цинская империя.

Грайворонский Владимир Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Монголии отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН (Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12).

graiv2000@mail.ru

В декабре 2021 г. исполняется 110 лет с тех пор, как в соседней с Россией Внешней Монголии (Северная Монголия, Халха, современная Монголия), произошли важные исторические события, которые на многие годы вперед повлияли как на ход развития самой Монголии, так и на взаимоотношения между Россией, Монголией и Китаем. События более чем вековой давности с позиций современности представляются, по нашему мнению, как одно из «чудес» в истории Монголии XX в. Даже сейчас, в первой четверти XXI в., трудно себе представить, как, каким образом в далекой Внешней Монголии, которая в то время, по свидетельству многих российских и европейских путешественников и исследователей, посетивших Монголию, представляла собой удаленную, отсталую национальную окраину, полуколониию полуколониальной Цинской империи, могла произойти одна из первых национально-освободительных революций в Азии. Между тем исторические факты говорят о том, что в конце 1911 г. местным монгольским князьям и высшим иерархам буддийской церкви во главе с Богдо-гэгэном Джебдзундамба-хутух-

той VIII удалось собственными ограниченными военными силами выдворить представителей центральной власти Цинской империи с территории страны, официально провозгласить отделение Монголии от Цинской империи и образование нового независимого государства Монголии в форме абсолютной теократической монархии. Именно в этом, на наш взгляд, состоит одна из исторических загадок, парадоксов, «чудес» в истории Монголии начала XX в. Между тем, как известно, чудес в истории в виде революции не бывает. Для этого должны быть и действительно были объективные и субъективные предпосылки, определенное сочетание внутренних и внешних факторов, благоприятные внешние условия. К настоящему времени усилиями многих монгольских, российских и других зарубежных ученых опубликовано большое количество архивных документов, материалов, воспоминаний, научных исследований об истории «революции года беловой свиньи» (по монгольскому календарю 1911-й год вошел в историю именно под таким названием) [Монгол улсын түүх, 2003; История МНР, 1983; История Монголии, 2007;

Златкин, 1957; Белов, 1999; Лузянин, 2000; Батсайхан, 2005; 2008; 2018; Монголын үндэсний хувьсгал, 2007 и др.].

К началу XX в. весь мир уже был поделен на зоны влияния между ведущими империалистическими державами того времени: Великобританией, Францией, Германией, Россией, США, Японией. Внешняя Монголия более 200 лет находилась в составе Цинской империи и испытывала на себе гнет цинской маньчжуро-китайской администрации, китайских торговцев-ростовщиков и местной феодально-клерикальной верхушки, светских и духовных феодалов (монг. *хар, шар феодалууд*, букв.: 'черные и желтые феодалы', т. е. светские и духовные феодалы). Вместе с тем в составе Цинской империи Внешняя Монголия находилась на особом положении по сравнению с китайскими провинциями, имела особый, автономный статус. В Монголии существовала старая монгольская система самоуправления. Монгольские князья, ханы, ваны и хутухты были хозяевами своих подданных. Формально китайцы, ханьцы не имели права на постоянное проживание во Внешней Монголии. В Монголии сохранялся традиционный самобытный строй, основанный на пастбищно-кочевом скотоводстве и архаичных феодально-клерикальных общественно-политических отношениях.

В Цинской империи Монголия играла роль своеобразного буфера между царской Россией и собственно Китаем. Монголы были обязаны нести воинскую пограничную службу на границе с Россией. В конце XIX — начале XX в. после подавления Тайпинского восстания в 1900–1901 гг. власти Цинской империи, желая укрепить свою власть в центре и на национальных окраинах, нашли новые источники и ресурсы для развития, решили провести ряд реформ. В начале 1900-х гг. цинское правительство приняло решение о проведении военной и конституционной реформ на окраинах, в том числе в Монголии. Эти реформы получили название «новая политика правительства», или «новый курс»» (кит. *синьчжэнь*, монг. *шинэ засгийн бодлого*) [Монгол улсын түүх, 2003. С. 41–50]. В 1906 г. центральное ведомство по управлению Внешней Монголией (Лифаньюань) было преобразовано в Министерство колоний (кит. *Лифаньбу*, монг. *Гадаад Монголын яам*). Ему было поручено провести перепись населения и скота Монголии, в т. ч. собрать сведения о наличии свободных пахотных земель, которые могут быть заняты китайскими переселенцами. В 1911 г. по указанию цинского наместника амбаня Сандо в столице Халхи г. Урге было учреждено бюро по колонизации халхаских земель китайскими переселенцами, начато строительство казарм для китайских войск. Многочисленные архивные документы, а также результаты исследований российских, монгольских, китайских, японских, европейских, американских и других ученых показали, что «новая политика» цинского правительства, по сути, была направлена на изменение традиционной системы управления Монголией, ликвидацию ее особого, автономного статуса, на лише-

ние правящих верхов страны их прежних прав и привилегий, на укрепление северной границы с Россией регулярными частями китайской армии, на активную колонизацию Внешней Монголии переселенцами из внутренних провинций Китая по примеру колонизации Внутренней Монголии в 1900–1910 гг., на превращение Монголии в обычную китайскую провинцию и тем самым на постепенную китаизацию монголов, ассимиляцию их с китайцами. Естественно, все эти планы и практические действия сильно беспокоили монголов, прежде всего правящие верхи, князей, ванов, гунов, дзасаков, главу буддийской церкви Богдо-гэгэна VIII, хутухт, хубилганов и их окружение.

Таким образом, одной из основных причин событий во второй половине 1911 г. в Хурэ (Урге) была, с одной стороны, «новая политика» цинской администрации, с другой — глубокое осознание правящими кругами Внешней Монголии реальной угрозы утраты относительно автономного, самобытного строя Внешней Монголии, лишения своих прав и привилегий, территории, пастбищ, земли, превращения Монголии в обычную китайскую провинцию, последующей китаизации и ассимиляции по примеру Внутренней Монголии.

Используя благоприятный момент, когда в результате Синьхайской революции Цинская империя перестала существовать как единое централизованное государство и начала распадаться на отдельные самостоятельные государственные образования, и центральное правительство в Пекине было не в состоянии контролировать ситуацию на местах, правящие круги Монголии во главе с Богдо-гэгэном VIII самостоятельно приняли решение попытаться реализовать заветную мечту многих монголов — отделиться от Китая и создать новое, независимое монгольское государство. Для многих монгольских князей и высшего слоя духовенства (ламства) это была возможность решительно выступить не только за сохранение своего привилегированного положения, но и за спасение своей нации, монгольского народа от угрозы окончательной колонизации, китаизации, утраты национальной идентичности. В данном случае интересы правящих феодально-клерикальных кругов Внешней Монголии совпали с интересами других классов и социальных групп Внешней Монголии, включая князей, ванов, гунов, буддийское духовенство, чиновничество, простых скотоводов-кочевников и другие слои населения. Благодаря этому планы и действия правящих верхов Внешней Монголии получили всенародное понимание и поддержку. Общественное движение во Внешней Монголии носило в этот период национально-освободительный характер. Более того, правители Внешней Монголии выступали не только за освобождение монголов Внешней Монголии, но и за освобождение и объединение всех «племен монгольского корня», т. е. всех этнических монголов Внутренней Монголии, Барги и других территорий в рамках одного, единого монгольского государства. В тот момент политика правите-

лей Внешней Монголии отвечала чаяниям и коренным интересам других монгольских народов, общин и групп Внутренней Монголии, Синьцзяна, Алашаня, Кукунора и получила поддержку с их стороны. Их борьба во многом носила общемонгольский, этнонациональный характер. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что сразу после объявления о создании нового, независимого государства — Монголии князья и высшие ламы 36 из 49 хошунов шести сеймов Внутренней Монголии, а также ряда других монгольских территорий в Китае приветствовали создание нового государства и заявили о своем желании присоединиться к нему [Монгол улсын түүх, 2003. С. 64].

27–28 июля 1911 г. по инициативе сайн-ноён-хана Т.-О. Намнансурэна, командующего войсками Тушетуханского аймака чин-вана Ханддоржа и ближайшего советника Богдо-гэгэна — да-ламы Г. Цэрэнчимиды под предлогом подношения даншига Богдо-гэгэну в Хурэ (Урге) состоялось тайное собрание политической элиты Внешней Монголии того времени — князей, ханов четырех аймаков, ванов, Богдо-гэгэна, хутухт, хубилганов и высших руководителей буддийской церкви. На собрании в связи с революционными событиями в Китае обсуждался вопрос об отделении Внешней Монголии от Цинской империи и о создании нового, независимого монгольского государства. Иначе говоря, речь шла о восстановлении монгольской государственности, утраченной более 220 лет назад, высказывались различные точки зрения. Большинство участников собрания поддержало идею отделения от Цинской империи и образования независимого монгольского государства. При этом с самого начала было ясно, что добиться этого собственными силами монголам будет невозможно, поэтому было принято решение о направлении в Россию специальной тайной миссии с просьбой о помощи и покровительстве в осуществлении задуманного плана. В состав тайной миссии вошли чин-ван Ханддорж, да-лама Г. Цэрэнчимид, князь Хайсан из Внутренней Монголии, а также шесть сопровождающих лиц. Эта тайная поездка состоялась с ведома и при содействии генерального консульства России в Монголии.

Монгольская делегация во главе с одним из лидеров национально-освободительного движения чин-ваном Ханддоржем прибыла в Санкт-Петербург 1 августа 1911 г. [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2019. С. 20–22]. 3 августа делегация была принята и. о. управляющего Министерством иностранных дел России А. А. Нератовым и председателем Совета министров П. А. Столыпиным. Делегация привезла «белому хану» — царю Николаю II письмо Богдо-гэгэна и ханов четырех аймаков, в котором подробно, в 21 пункте, излагались притеснения и страдания монголов, причиняемые им китайскими чиновниками. В письме, в частности, отмечалось, что после перехода Монголии под власть маньчжурской династии Цин «монгольские ханы,

дзасаки являлись владельцами своих собственных данников и, пользуясь доходом от своих земель, жили в спокойствии». Однако «за последнее время китайские чиновники, забрав власть в свои руки и всячески вмешиваясь в монгольские дела и в особенности под предлогом реформ заселяя Монголию и изменяя старые обычаи, умаляют туземную власть». «Теперь мы страдаем и просим „помощи и покровительства“ у белого царя» (цит. по: [Белов, 1999. С. 40]). В своем письме хутухта и ханы сделали несколько конкретных предложений: заключить договор о признании независимости Монголии; подписать соглашение о торговле, строительстве железной дороги, расширении телеграфной связи и др.

Официальная позиция и политика царской России по «монгольскому вопросу» была выработана и сформулирована на Особом совещании представителей всех основных министерств, которое состоялось 17 августа 1911 г., под руководством председателя Совета министров П. А. Столыпина. В постановлении Особого совещания было отмечено, что «монгольский вопрос имеет для нас (России. — В. Г.) особое значение». Совещание признало «задуманные Китаем преобразования (реформы. — В. Г.) противоречащими интересам России» и решило поддержать «противодействие» монголов этим преобразованиям. Совещание утвердило следующие основные направления политики правительства по «монгольскому вопросу»: правительство не принимает на себя «обязательства силою оружия остановить задуманное монголами Халхи отложение от Китая»; оно должно выступить посредником между Китаем и Монголией и поддержать «дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами дацинской династии» [Международные отношения, 1938. С. 341]. Было принято решение для усиления конвоя русского консульства в Урге направить туда 200 казаков с пулеметами. Позиция правительства России была доведена до членов миссии. Таким образом, Россия, во-первых, признала проводимые цинской администрацией реформы в Халхе противоречащими национальным интересам России в Монголии, во-вторых, поддержала стремление монголов Халхи сохранить свой самобытный строй, но не любыми способами, а дипломатическим путем, путем переговоров, в-третьих, и это главный, ключевой пункт, не поддержала намерение монголов Халхи полностью отделиться от Цинской империи и образовать новое, независимое монгольское государство, в-четвертых, предложила услуги посредника между правителями Халхи и цинским правительством, в-пятых, обещала принять и приняла меры по обеспечению безопасности членов делегации при возвращении их в Ургу, в-шестых, усилила конвой русского консульства в Урге. Тем самым надежда правящих кругов Халхи (Внешней Монголии), что Россия поддержит их планы в полном объеме, включая согласие на полное отделение от Цинской империи и образование отдельного, независимого монгольского государства, не оправда-

лась. В настоящее время, оглядываясь на события 110-летней давности, можно сказать, что решения по «монгольскому вопросу» были взвешенными, реалистичными, учитывающими интересы трех сторон, обоснованными, соответствующими тогдашней международной обстановке. Дальнейшие события во Внешней Монголии и регионе в 1912–1915 гг. развивались в основном в русле этих решений по российскому сценарию.

Как показали последующие события, осторожная, сдержанная позиция Российского правительства не повлияла на решение правящих кругов Внешней Монголии использовать исключительно благоприятный момент распада Цинской империи для достижения своей цели — восстановления монгольской государственности.

Правящая верхушка (политическая элита) Монголии провела необходимую подготовительную работу. Для непосредственного руководства восстановлением государственной независимости Монголии 30 ноября 1911 г. было создано Временное правительство по делам халхаского Хурэ (монг. *Халхын Хурээний бүх хэргийг түр ерөнхийлөн захиран шийтгэх газар*), т. е. Временного правительства Халхи. В состав Временного правительства, которое возглавил председатель сейма Тушэтуханского аймака улсын-тушээ-гун Чагдаржав, вошли семь человек, в том числе чин-ван Ханддорж, да-лама Цэрэнчимид и др. Главная задача Временного правительства состояла в том, чтобы организовать свержение в Монголии маньчжурской администрации, выдворить ее из Монголии и объявить о создании нового государства Монголия во главе с теократическим монархом Джебдзундамба-хутухтой VIII. Была проведена необходимая подготовка, включая мобилизацию нескольких тысяч монгольских солдат из четырех аймаков. Высшему китайскому чиновнику в Их Хурэ (Урге) амбаню Сандо 30 декабря был предъявлен письменный ультиматум, в котором содержалось требование князей и высшего духовенства Монголии, чтобы он срочно покинул пределы страны вместе со своими чиновниками. Имевшиеся китайские войска не встали на защиту амбана Сандо. 1 декабря 1911 г. было опубликовано Воззвание Временного правительства Монголии к монгольскому народу, в котором, в частности, говорилось:

Наша Монголия с самого начала своего существования была самостоятельным государством, а потому, согласно древнему праву, Монголия объявляет себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в вершении своих дел. Ввиду изложенного сим объявляется, что, мы, монголы, отныне не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых совершенно уничтожается, и они вследствие этого должны отправиться на родину [История МНР, 1983. С. 265].

3 декабря 1911 г. Временное правительство отменило маньчжурское летосчисление и ввело новое, монгольское. 4 декабря 1911 г. при содействии рус-

ского генерального консульства в Урге официальный представитель Цинской империи амбань Сандо вместе с чиновниками под охраной монгольских солдат и русских казаков выехал из Урги в Кяхту, а затем в Пекин [Монгол улсын түүх, 2003. С. 58].

29 декабря 1911 г. в Урге, столице Монголии, состоялась торжественная церемония возведения Джебдзундамба-хутухты VIII на трон теократического монарха (Богдо-хана) государства Монголии, подробно описанная в монгольской и российской литературе [Батсайхан, 2008; 2018; Монголын үндэсний хувьсгал, 2018; и др.]. В этот же день указом Богдо-хана было создано правительство нового Монгольского государства в составе пяти министерств — общих дел, внутренних дел, иностранных дел, финансов, юстиции. Министрами были назначены активные борцы за национальную независимость: министром иностранных дел — командующий войсками Тушэтуханского аймака хошой-чин-ван Ханддорж, министром внутренних дел — да-лама Цэрэнчимид, министром финансов — председатель сейма Тушэтуханского аймака улсын-тушээ-гун Чагдаржав, военным министром — командующий войсками Сэцэнханского аймака Гомбосурэн, министром юстиции — улсад-туслагч-гун Тушэтуханского аймака Намсрай. Функции старшего министра или премьер-министра исполнял министр внутренних дел Цэрэнчимид [Монгол улсын түүх, 2003. С. 58–59]. В июле 1912 г. министром внутренних дел и премьер-министром вместо Цэрэнчимида был назначен сайн-ноён-хан Намнансурэн [Монгол улсын түүх, 2003. С. 60–61]. Тем самым была восстановлена монгольская государственность, утраченная более 220 лет назад. В конце 1911 г. во Внешней Монголии (Халхе) правящие круги Монголии во главе с Богдо-гэгэном Джебдзундамба-хутухтой VIII по своей инициативе и своими ограниченными силами при поддержке народа совершили государственный переворот, который в настоящее время признан как первая монгольская национально-освободительная революция 1911 г.

Исторические события, произошедшие в столице Внешней Монголии в декабре 1911 г., на наш взгляд, следует рассматривать как национально-освободительную революцию. Инициаторы, идеологи и организаторы государственного переворота не ставили перед собой цель изменить существующий традиционный феодально-клерикальный строй в Монголии, следовательно, рассматривать эти события нужно именно как национально-освободительную, а не социальную революцию. В V томе фундаментального обобщающего коллективного труда монгольских историков «История Монголии», в частности, говорится:

Таким образом, восстановление монгольского государства в форме теократического ханского государства на территории Внешней Монголии, которая с давних пор была очагом монгольской государственности, — это победа национально-освободительного движения монголов, государственный переворот. Поэтому мы должны рассматривать ее как победу на-

ционально-освободительной революции [Монгол улсын түүх, 2003. С. 59].

В настоящее время такая точка зрения принята также в современной российской историографии [История Монголии, 2007. С. 5, 28 и др.].

Между тем до 1990 г. в советской марксистской историографии ([История МНР, 1954; 1967; 1983], работы И. Я. Златкина, Е. А. Белова, С. Г. Лузянина и др.) восстановление государственности рассматривалось как важное, прогрессивное событие в национально-освободительной борьбе монгольского народа, но не революция. Имела место недооценка роли монгольской национальной феодально-клерикальной элиты, в том числе Богдо-гэгэна и его соратников, в национально-освободительной борьбе монгольского народа. После демократической революции 1990 г. многие монгольские историки начали пересматривать некоторые прежние чрезмерно идеологизированные оценки ключевых событий истории Монголии XX в., в том числе места и роли провозглашения отделения Монголии от Китая и образования нового, независимого теократического монгольского государства, роли главы буддийской церкви Джебдзундамба-хутухты VIII в этих событиях и в истории Монголии XX в. Особо следует отметить работы О. Батсайхана, посвященные детальному изучению жизни и деятельности Богдо-гэгэна VIII, переоценке его роли в истории Монголии в первой четверти XX в. [Батсайхан, 2008; 2018].

Главными действующими лицами, руководителями и организаторами свержения маньчжурской администрации и создания нового монгольского государства выступила группа радикально настроенных монгольских князей и высших религиозных деятелей, в том числе глава буддийской церкви в Монголии чингисид Богдо-гэгэн Джебдзундамба-хутухта VIII и его единомышленники, командующий войсками Тушетуханского аймака чин-ван Ханддорж, ближайший советник да-лама Цэрэнчимид, сайн-ноён-хан Намнансурэн и др. Особым уважением и поклонением среди монголов-буддистов пользовался глава буддийской церкви Богдо-гэгэн, считавшийся «живым богом» на земле. Опубликованные архивные документы и материалы, а также результаты многих исследований историков разных стран показывают, что Джебдзундамба-хутухта VIII действительно сыграл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении национально-освободительного переворота. Обычно многие исследователи в качестве одного из наиболее известных, авторитетных и часто цитируемых высказываний русских дипломатов о реальной роли Джебдзундамбы-хутухты VIII в событиях 1911 г. приводят оценку, которую дал очевидец и непосредственный участник этих событий генеральный консул Российской империи в Урге Владимир Федорович Люба (1861–1928). В одном из первых своих донесений в Петербург от 18 января 1912 г. В. Ф. Люба, в частности, писал:

Если когда-нибудь будет написана история последних лет Монголии, то она с благодарностью подчеркнет смелую и решительную инициативу Восьмого Богдо-гэгэна, осуществившего то, о чем самые бестрашные умы едва смели помышлять... Первая роль в этом акте, который привел Монголию к нынешней свободе, принадлежит, без всякого сомнения, хутухте (цит. по: [Батсайхан, 2019. С. 52]).

Как показали последующие события, В. Ф. Люба оказался провидцем, он адекватно оценивал ход событий и роль отдельных политических и религиозных деятелей Монголии, в том числе Богдо-гэгэна. В советской и монгольской историографии до 1990 г. роль Богдо-гэгэна в истории Монголии, как правило, оценивалась с классовых позиций, односторонне и преимущественно в негативном плане. После 1990 г. наступило время для более объективной и всесторонней оценки Богдо-гэгэна и его деятельности. Поэтому неслучайно, что большинство ведущих монгольских историков старшего и последующих поколений (Ш. Нацагдорж, Б. Ширендыб, Н. Ишжамц, Ш. Бира, Ш. Сандаг, М. Санждорж, Л. Жамсран, Ч. Далай, Ж. Болдбаатар, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Н. Хишигт и др.) отмечают и отмечают особые заслуги Богдо-гэгэна как духовного лидера национально-освободительной революции 1911 г. В 2011 г. в Монголии было торжественно отмечено 100-летие монгольской национальной революции и в том же году был принят закон, в соответствии с которым день 29 декабря был объявлен национальным праздником возрождения национальной свободы и независимости. В последнее время примером такого уважительного, почтительного отношения современных монголов к памяти Богдо-хана могут служить торжественные мероприятия, которые были посвящены 150-летию со дня рождения Джебдзундамба-хутухты VIII и проведены в Улан-Баторе в 2019 г., а также открытие первого памятника Богдо-хану Джебдзундамбе-хутухте VIII в Улан-Баторе в 2020 г.

В настоящее время в исторической науке Монголии прочно утвердилась концепция, что в 1911 г. произошла национально-освободительная революция, которая ставила основную цель — освобождение от маньчжурского господства и угнетения, восстановление национальной государственности и образование единого независимого монгольского государства, объединяющего все монголоязычные народы Китая.

Нет сомнения в том, что в 2021 г. Монголия торжественно отметит 110-ю годовщину национально-освободительной революции 1911 г., которая стала важной вехой, первым крупным шагом на нелегком пути национального возрождения Монголии, восстановления ее суверенитета. Вместе с тем, на наш взгляд, правы те историки, которые подчеркивают, что Богдо-гэгэн действовал не один, что он опирался на советы и рекомендации своих ближайших советников, единомышленников, последовательных сто-

ронников отделения Монголии от Китая и восстановления монгольской государственности.

Как известно, победа национально-освободительной революции в Монголии в 1911 г. оказалась неожиданной, непредсказуемой, непрочной, она не встретила понимания и признания со стороны ведущих держав того времени. Под воздействием геополитических факторов независимость самопровозглашенного государства Монголии не была признана ни республиканским Китаем, ни царской Россией, ни другими ведущими державами (Англия, Франция, Германия, США, Япония и др.), которые руководствовались своими национальными интересами и не хотели менять сложившийся неустойчивый баланс сил в регионе. Руководители Монголии, несмотря на

отчаянные усилия добиться в ходе дипломатических переговоров официального признания независимости своего нового государства, были вынуждены подписать несколько соглашений, в т. ч. русско-монгольское соглашение о дружбе от 3 ноября 1912 г., монголо-китайскую декларацию «Об автономии Внешней Монголии» от 5 ноября 1913 г. и Кяхтинское русско-китайско-монгольское соглашение от 25 мая 1915 г., которые ограничили правовой статус Внешней Монголии рамками широкой автономии в составе республиканского Китая, который взял на себя обязательства не изменять самобытный строй Внешней Монголии, не вводить войска, не допускать колонизации страны и не превращать Монголию в рядовую китайскую провинцию.

Использованная литература

- Батсайхан, 2018: *Батсайхан О.* Последний великий хан Монголии. Богдо Джебдзундамба-хутухта. Жизнь и легенды / отв. ред. рус. изд. С. Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 406 с.
- Batsaikhan O.* Poslednii velikii khan Mongolii. Bogdo Dzhebtzundamba-khutukhta. Zhizn' i legendy / Ed. rus. izd. S. L. Kuz'min. M.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2018. 406 s.
- Batsayikhan O.* The Last great Khan of Mongolia. The Bogdo Jebtsundamba-khutukhta. Life and legends / Ed. Rus. ed. S. L. Kuzmin. Moscow: KMK Scientific Press Ltd., 2018. 406 p.
- Батсайхан, 2019: *Батсайхан О.* Пересмотр оценки деятельности Богдо Джебдзундамба-хутухты VIII — руководителя национальной революции Монголии 1911 года // Труды ИВ РАН: Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебдзундамба-хутухты VIII — последнего великого хана монголов. Вып. 25. М.: ИВ РАН, 2019. С. 13–61.
- Batsaikhan O.* Peresmotr otsenki deiatel'nosti Bogdo Dzhebtzundamba-khutukhty VIII — rukovoditel'ia natsional'noi revoliutsii Mongolii 1911 goda // Trudy IV RAN: Institut Bogdo-gege-na v istorii Mongolii. K 150-letiiu Bogdo-gege-na Dzhebtzundamba-khutukhty VIII — poslednego velikogo khana mongolov. Vyp. 25. M.: IV RAN, 2019. S. 13–61.
- Batsayikhan O.* Revising the assessment of the activities of Bogdo Jebtsundamba-hutukhta VIII — the leader of the national revolution of Mongolia in 1911 // Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS: Bogdo-gegen Institute in the history of Mongolia. To the 150th anniversary of Bogdo-gegen Dzhebtzundamba-hutukhta VIII — the last great Khan of the Mongols. Issue 25. M.: IOS RAS, 2019. P. 13–61.
- Белов, 1999: *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 239 с.
- Belov E. A.* Rossiia i Mongoliia (1911–1919 gg.). M.: IV RAN, 1999. 239 s.
- Belov E. A.* Russia and Mongolia (1911–1919). Moscow: IOS RAS, 1999. 239 p.
- Златкин, 1957: *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: ИВЛ, 1957. 300 с.
- Zlatkin I. Ia.* Ocherki novoi i noveishei istorii Mongolii. M.: IVL, 1957. 300 s.
- Zlatkin I. Ya.* Essays on the new and modern history of Mongolia. Moscow: IVL, 1957. 300 p.
- История МНР, 1954: История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 423 с.
- Istoriia Mongol'skoi Narodnoi Respubliki.* M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 423 s.
- History of the Mongolian People's Republic. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954. 423 p.
- История МНР, 1967: История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Наука, 1967. 537 с.
- Istoriia MNR, 1967: Istoriia Mongol'skoi Narodnoi Respubliki.* Izd. 2-e pererab. i dop. M.: Nauka, 1967. 537 s.
- History of the Mongolian People's Republic. Ed. 2-nd reprint. Moscow: Nauka, 1967. 537 p.
- История МНР, 1983: История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Наука, 1983. 664 с.
- Istoriia Mongol'skoi Narodnoi Respubliki.* Izd. 3-e pererab. i dop. M.: Nauka, 1983. 664 s.
- History of the Mongolian People's Republic. Ed. 3-d reprint. Moscow: Nauka, 1983. 664 p.
- История Монголии, 2007: История Монголии XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Istoriia Mongolii XX vek.* M.: IV RAN, 2007. 448 s.
- History of Mongolia XX century. Moscow: IOS RAS, 2007. 448 p.
- Лузянин, 2000: *Лузянин С. Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические отношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 268 с.
- Luzianin S. G.* Rossiia — Mongoliia — Kitai v pervoi polovine XX veka. Politicheskie otnosheniia v 1911–1946 gg. M.: IDV RAN, 2000. 268 s.
- Luzyanin S. G.* Russia — Mongolia — China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–

1946 gg. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of RAS, 2000. 268 p.

Международные отношения, 1938: Международные отношения в эпоху империализма. 1878–1917 гг. Серия 2. Т. 18. Ч. 1. М.; Л.: Госполитиздат, 1938. 470 с.

Mezhdunarodnye otnosheniia, 1938: Mezhdunarodnye otnosheniia v epokhu imperializma. 1970–1910 gg. Serii 2. Т. 18. Ч. 1. Москва; Ленинград: Gospolitizdat, 1938. 470 с.

International relations in the era of imperialism. 1878–1917 years. Series 2. Vol. 18. Ch. 1. Moscow; Leningrad: Gospolitizdat, 1938. 470 p.

Российско-монгольское военное сотрудничество, 2019: Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов. Ч. 1. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: ИД «Граница», 2019. 360 с.

Rossiisko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911–1946). Sbornik dokumentov. Ch. 1. Izd. 2e, dop. i isprav. M.: Izdatel'skii dom «Granitsa», 2019. 360 s.

Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946). Collection of documents. Part 1. Ed. 2-nd reprint. Moscow: Publishing House “Border”, 2019. 360 p.

Батсайхан, 2005: *Батсайхан О.* Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946). (Монголия на пути становления государства-нации). Улаанбаатар: Admon, 2005. 353 х.

Batsaikhan O. Mongol undesten bureн erkht uls bolokh zamd (1911–1946). Ulaanbaatar: Admon, 2005. 353 kh.

Batsaikhan O. Mongolia on the path of becoming a state-nation (1911–1946). Ulaanbaatar: Admon, 2005. 353 p.

Батсайхан, 2008: *Батсайхан О.* Монголын суулчийн эзэн хаан VIII Жавзандамба. 1911 оны үндэсний хувьсгал (Последний хан-повелитель Монголии Джавзандамба VIII. Национальная революция 1911 г.). Улаанбаатар: Admon, 2008. 408 х.

Batsaikhan O. Mongolyn суулчийн ezen khaan VIII Zhav-zandamba. 1911 ony undesnii khuv'sgal. Ulaanbaatar: Admon, 2008. 408 kh.

Batsaikhan O. The last ruler of Mongolia — Javdzandamba VIII. National Revolution of 1911. Ulaanbaatar: Admon, 2008. 408 p.

Монгол улсын түүх, 2003: Монгол улсын түүх. Тавдугаар боть (XX зуун) (История Монголии (XX век)). Т. 5. Улаанбаатар: Admon, 2003. 502 х.

Mongol ulsyn түүх. Tавдугаар bot' (XX зуун). Т. 5. Улаанбаатар: Admon, 2003. 502 kh.

History of Mongolia (XX century) Т. 5. Ulaanbaatar: Admon, 2003. 502 p.

Монголын үндэсний хувьсгал, 2007: Монголын үндэсний хувьсгал — 95 (Монгольская национальная революция — 95). Улаанбаатар: Цоморлиг төв, 2007. 240 х.

Mongolyn yndesnii khuv'sgal — 95. Ulaanbaatar: Tsomorlig tov, 2007. 240 kh.

Mongolian National Revolution — 95. Ulaanbaatar: Tsomorlig tov, 2007. 240 p.

Vladimir V. Grayivoronsky

To the 110-th anniversary of the national liberation revolution in Mongolia in 1911

The year 2021 in the history of Mongolia and Russian-Mongolian relations is rich in anniversaries: The 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Soviet Russia and Mongolia, the 110th anniversary of the national liberation revolution of Mongolia in 1911; the 100th anniversary of the Mongolian people's national democratic revolution of 1921, the 100th anniversary of the formation of the Mongolian people's party, 100th anniversary of Mongolian people's revolutionary army, the 100th anniversary of the creation of the Scientific Committee of Mongolia — the prototype of the modern Academy of Sciences of Mongolia and the 40th anniversary of joint space flight Soviet cosmonaut V. A. Dzhanibekov and Mongolian cosmonaut J. Gurragchaa (1981), etc. The author of the article shares some of his thoughts on the 110th anniversary of the historical events in Mongolia, which in modern historiography are considered as the national liberation revolution.

Key words: Mongolia, national liberation revolution, 1911, Jebzundamba-khutukta VIII, Qing Empire.

Vladimir V. Grayivoronsky — D. Sc. (History), associate professor, Chief Researcher, Department of Korea and Mongolia, Head of the Mongolian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia).

graiv2000@mail.ru

Ж. Урангуа

Первый министр Министерства внутренних дел Монголии Г. Цэрэнчимид и русско-монгольские переговоры 1912 г.

© Ж. Урангуа, 2021
DOI 10.25882/a0aj-be79

Национальная революция 1911 г. в Монголии, руководимая высшей знатью Халхи, положила конец двухвековой зависимости Внешней Монголии от империи Цин. В результате было основано независимое государство во главе с теократическим монархом VIII Богдо-ханом.

Царская Россия, заинтересованная в появлении буферного государства на границе с Китаем, поддерживала Монголию. Россия выступала за предоставление Китаю широкой автономии Внешней Монголии, а новое республиканское правительство Китая вообще не хотело признавать независимость Монголии и намеревалось при возможности установить суверенитет над ней, так как считало себя продолжателем политики Цинов. А чего, собственно, хотели сами монголы?

В статье затрагиваются вопросы о политической деятельности да-ламы Цэрэнчимид, который был первым министром внутренних дел Монгольского государства в 1911–1913 гг. Во время переговоров между царской Россией и Монголией Г. Цэрэнчимид отстаивал идею полной независимости страны и объединения всех монгольских земель. Далее затрагиваются вопросы русско-монгольских отношений в те трудные дни восстановления Монголией своей государственности.

Ключевые слова: монголы, лама, суверенитет, договор, патриот.

Урангуа Жамсран — доктор исторических наук, профессор. Монгольский государственный университет. Институт науки. Кафедра истории (Монголия, 210646, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1. Почта-46/46А).

uranguakhereid@gmail.com

Любой человек — продукт общества, в котором он живет. Так, в монгольском обществе конца XIX — начала XX в. появилась незаурядная личность — видный религиозный и государственный деятель по имени Цэрэнчимид (1872–1914), один из руководителей борьбы за освобождение Монголии от Цинского двора. Он был образованным человеком с независимым мнением, усердно изучал международное право, полностью поддерживал хана, управляющего и государством, и религией.

Да-лама Цэрэнчимид происходил из семьи простых крепостных ургинского хутухты (т. н. *шаби*). Став монахом, он благодаря своим личным способностям добился видной должности в Шабинском управлении — стал помощником Шанзодбы, да-ламой, а затем — советником религиозного главы Монголии — Богдо Джебдзундамба-хутухты VIII (1874–1924).

В августе 1911 г. он вместе с его единомышленниками Хайсан-гуном (1857–1917) и чин-ваном Ханддоржем (1869–1915) по решению съезда князей был

послан в Петербург просить у царской России помощи и поддержки в решении вопроса отделения Монголии от Цинской империи. Царское правительство дало уклончивое обещание поддержать стремление монголов [Сборник, 1914. С. 178]. Во время этой поездки русские дали ему следующую характеристику:

Да-лама Цэрэнчимид советник Богда. Большой сторонник России, умный, проницательный и убежденный буддист, образованный, как уполномоченный духовного главы Монгольского Богда стремится найти у России поддержку по вопросам общей политики и буддизма [РГИА, 38].

В середине октября 1911 г. да-лама Цэрэнчимид, харчинский чиновник Хайсан из Внутренней Монголии и князь чин-ван Ханддорж, вернувшись в Ургу, обсудили итоги переговоров с Россией. Учитывая благоприятную обстановку в связи с вооруженным восстанием в Учане 10 октября 1911 г., положившим начало революции в Китае, монгольские князья и

высшие ламы приступили к решительным действиям. 18 ноября по старому стилю был образован Комитет по управлению революционными действиями, в который вошли 7 человек, в том числе Цэрэнчимид.

После победы национально-освободительной революции 1 декабря 1911 г. да-лама был назначен министром внутренних дел Монгольского государства. Обладая большим умом и огромной волей, он довольно быстро взял под свой контроль членов правительства и многих халхаских князей. 22 января 1912 г. российский консул в Урге В. Ф. Люба сообщил в Петербург:

Да-лама Цэрэнчимид — помощник Шанзудба, вошедший в состав депутатий и приобретший впоследствии некоторую известность в Петербурге и Иркутске. Гибкий ум, типичный интриган и царедворец [РГИА, 38].

Да-лама Цэрэнчимид был выдающимся политическим деятелем, он предвидел конец существования империи Цин, предводительствовал в исторически важной борьбе за установление независимого Монгольского государства, затем принимал активное участие в разработке внутренней и внешней политики «многими возведенного» Монгольского государства, участвовал в монгольско-российских переговорах о дружбе и торговле между двумя странами, состоявшихся в 1912 г. в столице Монгольского государства Урге, решительно выражал интересы Монголии и упорно боролся за создание суверенного государства, объединяющего Внешнюю и Внутреннюю Монголию.

В определенный период судьба национально-освободительной революционной борьбы монголов зависела от отношений между державами, установившими сферы своего влияния на Дальнем Востоке, от позиции Китая, находящегося под властью династии Цин, и от их политики в отношении Монголии. Россия стремилась, с одной стороны, добиться от китайского правительства признания своих интересов в Монголии, с другой стороны — поддерживать революционную борьбу монголов за национальное освобождение.

Россия имела прежде всего намерение укрепить свои интересы в Монголии и с этой целью первой выступила с предложением предоставить Внешней Монголии право на автономию [Жамсран, 1997. С. 67].

Национально-освободительная революция волнами перекатывалась из одной части Монголии в другую. Монгольские власти не хотели автономии, и они открыто заявляли о своем намерении добиваться полной независимости своей страны от Цинов и Китая, добиваясь реализации своих далеко идущих внешнеполитических планов.

Министр иностранных дел России Сазонов предложил своему правительству заключить в большой

тайне соглашение с Монгольским правительством, царь Николай II поддержал это предложение. Царская Россия намеревалась помочь Монголии сохранить в определенной степени государственный суверенитет и использовать эту страну в качестве буфера вдоль своей южной границы.

В апреле 1912 г. министр иностранных дел России выступил в Государственной Думе с декларацией, в которой заявил, что Россия будет стремиться к признанию за Халхой автономии, которая может быть обеспечена при следующих условиях: сохранение традиционного административного устройства и управления, недопущение ввода китайских войск и запрет на китайскую колонизацию. Министр добавил, что в споре между Китаем и Монголией Россия согласилась выступить посредником в восстановлении дружеских отношений [Коростовец, 2009. С. 59].

В то же время Китай готовился направить войска на западную границу Монголии, поэтому осенью 1912 г. начались переговоры с монгольским правительством. Российским полномочным представителем в переговорах был отправлен И. Я. Коростовец (1862–1933), бывший посол в Пекине в 1908–1911 гг. Российский консул В. Ф. Люба, секретарь консульства Попов в Нийслэл Хурэ¹ тоже участвовали в переговорах.

Российская сторона явилась со своим проектом договора. С монгольской стороны участвовали первые министры всех пяти министерств во главе с премьер-министром Намнансурэном (1878–1919).

Первый министр внутренних дел да-лама Цэрэнчимид с самого начала принял активное участие в этих переговорах. Когда российская сторона вручила монгольской стороне свой проект договора, наши министры, бегло ознакомившись с его содержанием, выразили полную поддержку, только министр внутренних дел да-лама Цэрэнчимид высказал ряд резких возражений, а также пожелание привлечь к переговорам представителей Внутренней Монголии [Урангуа, 2010. С. 21].

Когда российский полномочный представитель Коростовец проводил 6 октября 1912 г. первую дискуссию в переговорах с монгольскими министрами, да-лама Цэрэнчимид задал такие вопросы: «Помогут ли результаты этого договора Монголии стать независимой от Китая?»; «Попадет ли Монголия в зависимость от России?»; «Признаёте ли Внутреннюю Монголию и другие провинции, например, Кобдо, Урянхайский край, Барга? Почему они не включены в проект договора?»

Затем он высказался о проекте договора российских представителей так: «Настоящее русско-монгольское соглашение не представляет никакой конкретной выгоды для Монголии. Это только как бы поставить монголов на наковальню и стучать молотком по своей воле. Тот факт, что Монголию вынуж-

¹ Название Улан-Батора до 1924 г.

дают принять российское требование безоговорочно... означает стремление превратить Монголию во второй Бухар Гаоли. Мы не желаем стать подданными России после того, как вышли из-под маньчжуро-китайского правления» — и предложил «отложить заседания переговоров до того, как монгольский представитель Ван Наянт будет прислан из Пекинского правительства» [Жамсран, 1997. С. 69].

Монголы составили свой вариант соглашения, но русский уполномоченный не принял его. В конце концов переговорщики с двух сторон внесли несколько существенных поправок и дополнений в проект, предложенный русскими. В контрпроекте было сказано, что Монголия сбросила маньчжурское иго и объявила себя независимым государством под властью своего Богдо-хана. Монголы не довольствовались тем, что Россия предлагает «внутреннюю автономию Халхи», они хотели, чтобы этот акт определенно выражал освобождение Монголии от китайского сюзеренитета и вытекающего из него невмешательства Китая в дела управления Монголией. Монгольские власти сформулировали основное направление внешней политики, или стратегическую задачу:

Монголы, уничтожив маньчжуро-китайскую власть, образовали великую империю, объединившую всю Монголию, которую Российское государство должно в первую очередь признать и соответственно взять на себя обязательство её защиты. После этого мы будем добиваться признания суверенитета нашего государства другими иностранными государствами.

Русские делегаты наотрез отказались признать это.

Монгольские министры подняли вопрос об объединении Барги, Внутренней Монголии с Халхой, о создании единого суверенного монгольского государства, признании его Россией и об открытии монгольского представительства в Петербурге. Российский посланник не принял это предложение. Первый министр Цэрэнчимид последовательно выражал интересы Монголии, неустанно боролся за единое суверенное государство. Так как русская сторона не принимала это предложение, он готов был даже прекратить переговоры.

Да-лама задавал вопрос, будет ли признана независимость Монголии и будут ли отданы ей вся указанная территория и проживающий на ней народ. В противном случае «мы не можем быть государством», утверждал он. Он твердо стоял на своей позиции, заявляя, что Монголия — это суверенное государство, стремящееся объединить всех монголов, в том числе жителей Внутренней Монголии и Маньчжурии, оккупированных китайцами, а также что все земли, находящиеся близ Дальневосточной железной дороги, должны объединиться под властью ургинского хутухты.

Это не соответствовало статье русского проекта, согласно которой суверенитет Монголии означал, что она является автономным государством под властью китайского правительства и что её территория равна размеру нынешней Внешней Монголии. Русские делегаты сделали попытку отстранить Цэрэнчимида от переговоров, о чем сообщили в Министерство иностранных дел России, определяя его как человека с антирусскими взглядами, поддерживающего тайные отношения с Китаем. Однако, как писал российский историк Е. А. Белов, да-лама не был приверженцем китайской стороны, он выражал чаяния и стремления Хутухты и, будучи признан и поддерживаем этими двумя императорскими правительствами, выступал за провозглашение суверенитета Монголии [Болдбаатар, 1997. С. 32].

В то время посол России в Пекине В. Н. Крупенский (1869–1945) в официальном письме правителю Монголии Богдо Джебдзундамба-хутухте VIII потребовал сместить министра Цэрэнчимида с его должности и не допустить его участия в переговорах. Русский консул в Их Хурэ приложил немалые усилия для того, чтобы это требование было удовлетворено. Однако все усилия его оказались напрасными. Ему не удалось на этот раз ни удалить Цэрэнчимида с переговоров, ни сместить его с должности первого министра. Возглавляющий переговоры премьер-министр Намнансурэн в личной беседе с Коростовцом так отозвался о Цэрэнчимиде:

Да-лама не является ни сторонником Китая, ни противником России. Он «прежде всего патриот, борющийся за сохранение суверенитета Монголии от любого посягательства извне, его единственная вина» заключается в том, что он слишком много думает о благе для своей страны.

Поскольку в это время значительные китайские войска продвигались на западе по Кобдо-Алтайскому направлению, что создавало реальную угрозу нежелательного столкновения монгольской и российской сторон с китайской агрессией, 2 ноября (21 октября по старому стилю) 1912 г. было подписано соглашение. В нем констатировалось, что «прежние отношения Монголии с Китаем» прекратились, но вопрос о статусе монгольского государства обходился стороной. Это давало возможность царскому правительству применять термин «автономия», а монгольской стороне утверждать, что имеется в виду государственная независимость. Монгольский министр иностранных дел чин-ван Ханддорж во время официального визита в Россию в конце 1912 г. заявил в Петербурге одному из корреспондентов: «Мы понимали, что этим актом признана полная независимость Монголии от Китая, и мы твердо намерены это отстаивать».

По соглашению Россия обязалась оказать монгольскому правительству помощь в формировании

собственных вооруженных сил и недопущении китайской колонизации и ввода китайских войск.

Этот договор был первым шагом установления автономии, которая стала реальностью в 1915 г. в результате Кяхтинского Тройственного соглашения России — Монголии — Китая. А слово «автономия» впервые появилось в этом соглашении. И хотя это соглашение ограничивало желание монголов создать единое суверенное государство, но, с одной стороны, оно явилось полупотпором грубой попытке китайских властей присоединить всех монголов непосредственно к Китаю, с другой стороны, имело важное международное правовое значение.

Русская сторона рассматривала заключение этого соглашения как крупное достижение русской дипломатии. Министр иностранных дел Сазонов после подписания соглашения раздал его копии послам Франции, Англии и Японии и объяснил им его содержание. Он озвучил причины, которые заставили Россию заключить это соглашение. По его словам, Россия не раз обращалась к Китаю, требуя не вмешиваться во внутренние дела Монголии, вывести китайские войска, а также прекратить колонизацию. Так как Китай не принимал эти требования, Россия и решила заключить с Монголией соглашение.

После того как Россия и Монголия заключили соглашение, правительство России направило китайскому правительству ноту, в которой говорилось: «...Мы верим, что Китай будет участвовать. В случае отказа мы с этого времени выражаем свое намерение более активизировать признание царской Россией суверенитета Монголии». В ответном заявлении китайская сторона писала: «Мы ни в коем случае не признаем никакого соглашения, подписанного Россией с Внешней Монголией. Мы выражаем наш протест. Это является посягательством на суверенитет Китая».

Корреспондент лондонской газеты «Таймс» в Пекине писал: «Если бы молодой Китай захотел поступить по-своему, даже если бы знал, что за незначительными силами Хутагты стоят русские оружие и войска, целая его армия наступала бы к этому времени в направлении Урги». Весть о том, что по договору русская торговля получила особую привилегию в Монголии, вызвала гнев среди китайских торговцев в Маньчжурии и Калгане. Содержание этого договора не разглашалось, держалось в тайне от общественности, поэтому распространилось много слухов, состоялось несколько митингов протеста и президенту Юань Шикаю (1859–1916) и военным министрам провинций Мукден и Гириин было направлено требование ввести в Монголию войска. Беспорядки имели место и внутри гоминдановской партии, ожесточенные споры и дискуссии шли в Национальном совете. Министр иностранных дел Лян Юхао пострадал от всей этой шумихи и подал в отставку 13 ноября. Заставить Китай признать вышеупомянутый договор с Монголией стало очередной задачей Рос-

сии. Поэтому вскоре начались переговоры между Россией и Китаем.

Первый министр Цэрэнчимид считал, что внешняя политика Монголии не ограничивается заключением договора только с одной страной, другими словами, только с одной Россией, было бы хорошо заключить договор о дружбе и с другими странами. Петербургская газета «Новое время» писала о Цэрэнчимиде следующее:

Это человек железной воли и природных талантов, человек энергичный, проницательный, но более националист, чем сторонник России [Новое время, 1912].

Это определение и многие другие высказывания о да-ламе свидетельствуют о том, что Цэрэнчимид был смелым, энергичным, талантливым человеком и патриотом Монгольского государства.

Итак, минуло почти целое столетие с момента подписания в ноябре 1912 г. первого русско-монгольского соглашения. На протяжении многих лет историки и специалисты по международному праву описывали проблемы настоящего соглашения, по-разному оценивая и трактуя их. В социалистическое время преобладала тенденция к преувеличению роли соглашения как документа, имеющего особо важное значение в развитии монгольско-российских отношений. После демократической революции 1990 г. некоторые исследователи затронули вопросы сути этого соглашения, при этом ясно прослеживается, что они остерегаются громко заявлять о положительном значении настоящего соглашения.

Россия была инициатором заключения соглашения. Правительство Монголии верило в Россию, в её верное партнерство и надеялось, что заключение русско-монгольского соглашения окажет существенную поддержку в признании государственного суверенитета Монголии на международной арене. Российский фактор в завоевании Монголией независимости велик.

Несмотря на то, что правительство Китая отказалось признать независимость Монголии, оно уже не смогло восстановить над ней свой суверенитет. Стремление Монголии к независимости нашло поддержку в Российской империи, заинтересованной в появлении буферного государства на границе с Китаем. Россия выступила за предоставление Китаю широкой автономии Внешней Монголии. Согласно монгольско-российскому соглашению от 21 октября 1912 года были закреплены привилегии и преференции России: свобода передвижения, торговля, банковская деятельность. Россия в то время еще не признала Китайскую республику, поэтому соглашение было сделано напрямую, минуя Китай. 23 октября 1913 года Россия признала суверенитет Китая над Монголией (Русско-китайская декларация). В свою очередь, Китай признал право Монголии на само-

управление, право распоряжаться своей промышленностью и торговлей и согласился не вводить в страну свои войска. 25 мая 1915 года в Кяхте был заключён

трёхсторонний Кяхтинский договор, провозгласивший автономию Монголии. Самоуправление Монголии было подтверждено.

Использованная литература

Болдбаатар, 1997: *Болдбаатар Ж.* Да-лама. Улан-Батор, 1997.

Boldbaatar J. Da lama. Ulan-Bator, 1997.

Boldbaatar J. Da lama. Ulaanbaatar, 1997.

Жамсран, 1997: *Жамсран Л.* Возрождение государственной независимости Монголии. Улан-Батор, 1997.

Zhamsran L. Vozrozhdenie gosudarstvennoy nezavisimosti Mongolii. Ulaanbaatar, 1997.

Zhamsran L. Revival of the state independence of Mongolia. Ulanbaatar, 1997.

Коростовец, 2009: *Коростовец И. Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г. Улан-Батор, 2009.

Korostovets I. Ya. Devyat' mesyatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Mongolii. Avgust 1912 — mai 1913g. Ulan-bator, 2009.

Korostovets I. Ya. Nine months in Mongolia. Diary of the Russian Commissioner in Mongolia. August 1912 — may 1913. Ulaanbaatar, 2009.

Новое время, 1912: Новое время. 21.08 (02.09).1912.

Novoye vremya. 21.08 (02.09).1912.

New time. 21.08 (02.09).1912.

РГИА, 38: Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 28. Ед. хр. 38.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 560. Op. 28. Ed. hr. 38.

Russian state historical archive. F. 560, register 28, storage unit 38.

Сборник, 1914: Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 — 2 ноября 1913 г.) С.-Петербург, 1914.

Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po mongol'skomu voprosu (23 avgusta 1912 — 2 noyabrya 1913 g.) S.-Peterburg', 1914.

Collection of diplomatic documents on the mongolian question (23 august 1912 — 2 november 1913). St. Petersburg, 1914.

Урангуа, 2010: *Урангуа Ж.* Российской фактор в завоевании независимости Монголии (1911–1917). Улан-Батор, 2010.

Urangua J. Rossiyskoy faktor v zavoyevanii nezavisimosti Mongolii (1911–1917) Ulan-Bator, 2010.

Urangua J. Russian factor in the conquest of independence of Mongolia (1911–1917). Ulaanbaatar, 2010.

Jamsran Urangua

Tserenchimid: The First Minister of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia and the Russian-Mongolian negotiations in 1912

The Mongolian National Revolution of 1911, led by the highest nobility of Khalkha, put an end to the two-century dependence of Outer Mongolia on the Qing Empire. As a result, an independent state was founded, headed by the theocratic monarch VIII Bogd-Khaan.

Tsarist Russians, being interested in the creation of a buffer state on the border with China, supported Mongolia. Russia was in favor of China's granting broad autonomy to Outer Mongolia. The new Republican Government of China did not want to recognize the independence of Mongolia at all and intended, if possible, to establish sovereignty over Mongolia, since they considered themselves to be the heirs of the Qing Dynasty.

However, what exactly did the Mongols themselves want?

The article raises questions about the political activities of Da Lama Tserenchimed, who was the first Minister of Internal Affairs of the Mongolian state in between 1911–1913. During the negotiations between Tsarist Russia and Mongolia, G. Tserenchimid stood firmly for the complete independence of the Outer Mongolians and for the unification of all Mongolian lands. Also, the article touches upon the issues of Russian-Mongolian relations in those difficult days of the restoration for their statehood.

Key words: Mongolians, lama, sovereignty, agreements, nationalist.

Jamsran Urangua — National University of Mongolia. School of Science. Department of History. (Ikh Sur-guuliin gudamj-1, P. O. Box — 46A/523, Ulaanbaatar, 210646, Mongolia).

uranguahereid@gmail.com

Е. В. Асалханова

Система живописного убранства храмов северного буддизма

© Е. В. Асалханова, 2021
DOI 10.25882/s2xk-rd43

В статье рассматривается система расположения настенных росписей и икон-танка в пространстве буддийского храма. Исследуются особенности храмовой декорации тибетского, монгольского, бурятского храмов. Ставится вопрос о традиции и новациях в оформлении современных буддийских храмов.

Ключевые слова: Тибет, Монголия, Бурятия, изобразительное искусство северного буддизма, монументальная живопись, иконы-танка.

Асалханова Екатерина Владимировна — кандидат искусствоведения, независимый исследователь (Россия, г. Иркутск).
asalhane@yandex.ru

Система живописного убранства храмов северного буддизма представляет собой малоизученную область исследований. В основе архитектурной планировки храмов северного буддизма лежит религиозно-философская концепция *мандалы* (санскр. *maṇḍala*, тиб. *dkyil-'khor* 'круг, колесо') — одного из основных сакральных символов буддийской космологии. Геометрическая диаграмма *мандалы* представляется как горизонтальная проекция буддийской концепции Вселенной. Объемно-пространственное решение *мандалы* опирается на представление о мифической горе Меру (тиб. *Ri rab*), или Сумеру (Благая Меру), которая является центром или вертикальной осью Вселенной. Сложилось несколько традиционных типов тибетских храмов: дукаан, лхакан, дацан, также можно выделить чортэны — храмы, внутренние помещения которых тоже могут быть украшены настенной живописью. Дукаан (тиб. *du khang*, бур. *дуган*) — это прямоугольное здание с плоской крышей, здесь монахи собираются для занятий. На территории монастыря может быть несколько дукаанов, и все они имеют определенное название согласно изучаемой в нем дисциплине: чойра, или цанит-дукаан (факультет философии), дуйнхор-дукаан (факультет астрономии и астрологии), манба-дукаан (факультет медицины) и др. Символическим воплощением горы Сумеру в ансамбле буддийского монастыря является цогчен-дукаан (тиб. *tshogs chen du khang* 'дом большого собрания') — расположенный в центре монастырского комплекса главный храм, в котором собираются монахи для больших совместных молитв. Понятие

центра и четырех сторон света послужило ориентацией для размещения основных храмов. Эти храмы могут отличаться друг от друга размерами и размещенными в них изображениями божеств и святых, например, в храме медицины встречаются преимущественно изображения божеств медицины или тантрийских систем. Лхакан — это храм, посвященный отдельному божеству. Дацан (тиб. *grwatsan*) — факультет, училище. Чортэн — тибетский вариант ступы.

Система декорации каждого храма северного буддизма уникальна, так как расположение и сочетание канонических сюжетов варьируется и никогда не повторяется. Тем не менее система росписи храма имеет определенные закономерности. В тибетском храме алтарная часть расположена в его северной зоне, поскольку, согласно буддийской космологии, именно на севере, по легенде, расположена Шамбала — страна, где сохранялось учение Калачакра. Главный алтарь храма символизирует гору Сумеру. В алтаре находятся живописные и скульптурные изображения Будды Шакьямуни, духовных учителей, идамов, бодхисаттв. Монументальная живопись имеет большое значение в интерьере тибетского храма с характерным для него преобладанием массивов стен без окон. Многочисленные тибетские монастыри традиционно украшены настенными росписями (тиб. *debs-ris*). Живопись часто сочеталась со скульптурой, которая представляла собой высокий рельеф и была тесно связана со стеной, дополняя ее декор. На боковых стенах изображаются сцены из жизни Будды Шакьямуни, здесь также могут быть размещены изо-

бражения божеств и учителей, распространенные во всех буддийских школах. Настоятель буддийского храма в Лумбини Тубтен Еше Гьятцо указывает, что «вне зависимости от размеров храма абсолютным минимумом является, в первую очередь, изображение Будды, а в средней части храма рекомендуется, как наиболее подходящее, изображение шестнадцати архатов... Наконец, у входа должны быть изображены четверо защитников сторон света» (*перевод Е. А.*) [Thubten Legshay Gyatso, 1970].

Монгольская дворцовая и храмовая архитектура характеризуется сочетанием тибетского, китайского и монгольского стилей. К древнейшим памятникам изобразительного искусства Монголии относятся цветные фрески буддийского храма уйгурского периода (VIII–IX в. н. э.), найденные в подстилающих слоях пола дворца Угэдэя при исследовании древнемонгольской столицы Каракорум советско-монгольской историко-культурной экспедицией 1948–1949 гг. Из архитектуры периода киданьской империи (X–XII вв. н. э.) привлекают внимание развалины крепостей города Барс-хот, где, по свидетельству очевидцев, находились храмы, пяти- и семиарусные субурганы (тиб. *чортэн*), стены которых были расписаны образами божеств [Цултэм, 1986].

Монастырь Чойжин-ламы, возведенный монгольскими мастерами в 1904–1908 гг., состоит из пяти небольших храмов¹ китайского стиля. Интерьеры этих храмов представляют собой воплощенный синтез искусств, их стены украшены великолепными настенными росписями, иконами-танка, скульптурами, цветными рельефами. В главном храме напротив входа расположена позолоченная статуя Будды Шакьямуни (XVIII в.) со стоящими по обе стороны учениками. Справа от статуи Будды находится статуя Чойжин-ламы Лувсанхайдава. На иконах-танка — изображения буддийского ада. Стены этого храма украшены апплицированными иконами-танка с изображениями Ушнишавиджайи, Ваджрадхары и других божеств. Слева от главного храма расположен храм Жуу, посвященный Будде Шакьямуни. В нишах храма находятся великолепные полихромные скульптуры с изображением 16 архатов, будд прошлого, настоящего и будущего времен, выполненные в технике папье-маше. Севернее главного храма находится храм *идамов*, закрытый для непосвященных мирян. У входа в монастырский комплекс размещены храмы махараджей, в которых находятся большие статуи четырех защитников сторон света (санскр. *локапала*). Скульптуры выполнены монгольскими мастерами из глины на деревянном каркасе.

Ансамбль Зимнего дворца Богдо-гэгэна VIII (1893–1924) сооружен по принципу китайских смежных

¹ Монастырь Чойжин-ламы посвящен Верховному оракулу Монголии, младшему брату VIII Богдо-гэгэна Лувсанхайдаву. Действовал до 1938 г. Согласно декрету Народного хурала от 13 ноября 1941 г., монастырь включен в список исторических и культурных памятников и передан в ведение Комитета наук. С 1942 г. является музеем.

дворов, фасады строений обращены внутрь дворов. На центральных вратах с четырехъярусной черепичной крышей имеются три двустворчатые двери (монг. *богдойн хаалга*), на них выполнена роспись с изображением дварапал, хранителей входа, китайских духов-хранителей Мэнь-шэнь в виде грозных воинов, причем центральные ворота открывали только для прохода Богдо-гэгэна. Далее за воротами расположен храм, где находятся скульптуры локапал, изготовленных из глины на деревянном каркасе и раскрашенных. Считается, что они были выполнены в мастерской известного монгольского мастера Пунцог Осора, чье творчество относится ко второй половине XIX — началу XX в. Карнизы, фризы дворцов украшены росписями с изображением различных сюжетов, пейзажей, буддийских символов.

В храме Калачакры монастыря Гандантэгчинлин (основан в 1838 г.) в Монголии на алтарной стене и вдоль колонн центрального нефа расположены большие танка с изображением божеств Калачакры, Цзонхавы, Вайшраваны, Белого Старца. В центре алтарной стены на троне находится скульптура Будды Шакьямуни, в застекленных шкафах — скульптуры Калачакры, Ямантаки. На боковых стенах расположены большие иконы с изображением подношений божествам. Также в храме находится мандала Калачакры, выполненная в технике аппликации.

Особенности архитектуры бурятских дацанов предопределили малое распространение настенных росписей, поскольку храмы, по аналогии с русскими домами и церквями, строились из дерева и имели окна. Тем не менее сохранились свидетельства о существовании настенной живописи. Так, Ц.-Б. Бадмажапов упоминает акварель художника А. Мартынова 1805 г., представляющую внутренний вид бурятского храма: стены украшены росписями с изображениями Ямантаки, Ачалы (?), Лхамо [Бадмажапов, 2003. С. 541].

Нельзя не отметить влияние на сложение интерьера буддийского храма внутренней планировочной схемы монгольской и бурятской юрт. В юрте самая почетная сторона — северная, где находился домашний алтарь, ранее — ящик с шаманскими принадлежностями, хранилище для *онгонов*². Юрту монголы и буряты ставят дверью на юг. В центре — источник света, дымовое отверстие (бур. *тооно*).

Бурятский исследователь Б. Б. Барадийн в очерке «Буддийские монастыри» (1926) описал систему расположения храмовых образов:

Вдоль алтарной северной стены устанавливались статуи божеств, нередко отводилось место для образа Цзонхавы — основателя гелугпинской школы. Напротив него находился трон настоятеля. Затем по обеим сторонам алтаря располагают изображения наиболее почитаемых школой божеств и лам [Барадийн, 1992. С. 88].

² Онгоны — изображения духов предков, предмет поклонения.

В Агинском дацане на северной наружной стене старого цогчен-дугана (1811–1816) сохранился мраморный барельеф «Белый Старец». Старец сидит под деревом с плодами персика, в левой руке — посох с ручкой в виде головы дракона, книга-пустак и развешиваемая ткань, в правой руке в жесте даяния — четки. Под ним в треугольнике — барельеф «панча-камагуна», символически изображающий подношения пяти чувствам (зеркало, раковина, плоды, лютня, шелковая лента). В Агинском дацане на наружной стороне северной стены нового цогчен-дугана³ (1875–1886), посвященного Будде Шакьямуни, находился живописный триптих, в центральной части которого был изображен Белый Старец, а справа и слева были помещены изображения драконов, защитных символов. Элементы композиции, посвященной Белому Старцу, искусно вписаны в ромб. Фигура Белого Старца с окладистой длинной белой бородой занимает центральное положение, он одет в синий халат с узором «шоу» (символ долголетия и мудрости). В левой руке держит посох с навершием в виде головы дракона, тканью и книгой. В правой руке в жесте даяния (варадамудра) — четки. Белый Старец восседает на фоне пещеры, возле которой растет раскидистое дерево с плодами персика (символ долголетия). По левую сторону от него — пара лежащих оленей, низкий столик в китайском стиле, на нем — чаша с персиками, справа — пара плавающих лебедей. Справа и слева от центрального ромба в островных композициях, завершенных трехлопастным арочным сводом, — синий и зеленый драконы, парящие в облаках над горами на фоне темного неба. Головы драконов направлены в сторону центральной композиции, к Белому Старцу. Темный фон неба и темный фон пещеры, а также сходная сине-зеленая гамма колорита объединяют эти три композиции в единое целое.

Цугольский дацан, один из старейших дацанов России, основан в 1826 г. Исследователь И. Г. Васильева пишет, что «на северной стороне первого этажа цогчен-дугана (перестроенного и обновленного в 1890-е гг.) до сих пор сохранилось изображение Белого Старца — „Цаган Убугуна“ — с двумя драконами по обеим сторонам» [Васильева, 1992. С. 128]. В отличие от росписей Агинского дацана, изображения Белого Старца и драконов в Цугольском дацане представляют собой красочные барельефы, заключенные в орнаментальные рамы. Фигура Белого Старца занимает меньшую площадь, образ близок к фольклорному. В нижней части симметрично изображены цветы лотоса, волны, каменистый берег. Фигуру Старца также фланкируют пары оленей и гусей. Из атрибутов присутствует лишь посох с головой дракона, нет четок и книги. Композиция заключена в раму, состоящую из разноцветных рядов меандра, в углах ромба — цветы лотоса. Тщательное описание Цугольского дацана, выполненное

Б. Б. Барадийным, свидетельствует о существовании ранее других мраморных барельефов и росписей:

По всем четырем сторонам снаружи верхнего этажа на стенах были закреплены также вырезанные из мрамора изображения (на каждой стороне по четыре изображения Бадма Самбава и др.). Все эти изображения, вырезанные на камне, исполнены Пекин ламой Шандива и отчасти бурятом мирянином Дарма Аюшеевым... Над входной дверью в рамке висела мраморная плитка с барельефным изображением Авалокитешвары, или Арья-Бало. На юго-западном углу фасада на мраморной пластине — изображение Маричи с запряженными свиньями. На западной стороне северо-западного угла — «писаное изображение этой же богини», на северной — также изображение Маричи [Барадийн, 1992. С. 127–128].

В цогчен-дуганах бурятских дацанов ощущается, по нашему мнению, некоторое влияние русского иконостаса. В центре алтарной стены цогчен-дугана Иволгинского дацана за стеклом находится большая скульптура Будды Шакьямуни, восседающего на лотосовом троне, по бокам от него стоят фигуры ближайших учеников Шарипутры и Маудгальяны с монашескими посохами в руках. Справа и слева от центрального образа расположены в два яруса по пять (всего двадцать) полок, на которых, как в нишах, установлены скульптуры сидящих архатов и их спутников. В алтарной части перед шкафами стоят застекленные павильоны, в которых находятся скульптуры Белой и Зеленой Тары (дерево, резьба, роспись минеральными красками) выдающегося бурятского скульптора первой трети XX в. С.-Ц. Цыбикова. По боковым стенам между оконными пролетами расположены иконы начала XX в. с изображением двенадцати деяний Будды Шакьямуни. Также на алтарной стене слева находится большая танка «Майтрейя» бурятского буддийского художника Данзана Дондокова (1895–1983).

Среди настенных росписей храмов северного буддизма встречаются группы символических иконографических сюжетов, получивших большую популярность в народе. К ним относятся следующие композиции: «Четверо согласных животных» («Туншэ»), «Белый Старец» или «Шестеро долголетних» (монг. «Цэрэндуг»), «Четыре сильнейших», «Дугар Зайсан», «Семь драгоценностей», «Восемь символов приношений» и т. д. К их числу относятся и изображения дидактического характера — «Колесо сансары» и др. В интерьере эти изображения располагают ближе к входу в храм. Также могут быть изображены сюжеты, иллюстрирующие опыты медитации, аллегорические изображения психических состояний при разных ступенях созерцания, описания практик успокоения и сосредоточения сознания («Превращение белого слона» и др.). Могут изображения быть изображены также лингка (тиб. ling-ka), представляющие собой образы демонов или врагов со связанными руками и ногами, висящих вниз головой.

³ Значительно пострадал при пожаре в мае 2014 г.

Этот образ в интерьере имеет охранное значение. Можно встретить чистых земель (Сукхавати, Тушита и др.), изображение мироздания согласно учению Абхидхармы: в центре гора Меру, континенты, острова, океан, дворцы, священные рощи, небесные измерения и др. У входа располагают изображения четырех локапал. Таковы лишь основные сюжеты и мотивы произведений монументально-декоративной живописи храмов северного буддизма.

Таким образом, храмы северного буддизма представляют собой великолепное воплощение синтеза искусств — архитектуры, живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Система размещения священных изображений в пространстве буддийского храма имеет свои закономерности, знание которых будет полезно для художников, работающих над программой создания системы росписи буддийского храма.

Использованная литература

Бадмажапов, 2003: *Бадмажапов Ц.-Б.* Иконография Ваджраяны. Альбом. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2003. 624 с.

Badmazhapov Ts.-B. *Иконография Ваджраяны.* Альбом. Москва: Дизайн. Информатика. Картография, 2003. 624 с.

Badmazhapova Ts.-B. *The Iconography of Vajrayana.* Album. Moscow: Design. Information. Cartography, 2003. 624 p.

Барадийн, 1992: *Барадийн Б. Б.* Буддийские монастыри // *Orient.* Альманах. Вып. 1: Буддизм и Россия. 1992. С. 61–120.

Baradiin B. B. *Buddhist monasteries* // *Orient.* Almanach. Vyp. 1: Buddizm i Rossiia. 1992. S. 61–120.

Baradiyn B. B. *Buddhist monasteries* // *Orient.* Miscellany. Issue 1: Buddhism and Russia. 1992. P. 61–120.

Васильева, 1992: *Васильева И. Г.* К истории Цугольского дацана на Ононе // *Orient.* Альманах. Вып. 1: Буддизм и Россия. 1992. С. 121–135.

Vasil'eva I. G. К истории Tsugol'skogo datsana na Onone // *Orient.* Almanach. Vyp. 1: Buddizm i Rossiia. 1992. S. 121–135.

Vasilieva I. G. On the history of the Tsugolsky datsan on Onon // *Orient.* Almanac. Issue 1: Buddhism and Russia. 1992. P. 121–135.

Цултэм, 1986: *Цултэм Н.* Монгольская национальная живопись «монгол зураг». Улан-Батор: Госиздательство, 1986. 192 с.

Tsultem N. *Mongol'skaia natsional'naia zhivopis'* «mongol zurag». Ulan-Bator: Gosizdatel'stvo, 1986. 192 s.

Tsultem N. *Mongolian national painting "Mongol zurag"*. Ulaanbaatar: Gosizdatel'stvo, 1986. 192 p.

Thubten Legshay Gyatso, 1970: *Thubten Legshay Gyatso.* Gateway to the temple. Manual of Tibetan customs, art, building and celebrations / Legshay Gyatso Thubten. Bhandar; Kathmandu, 1970. 88 p.

Ekaterina V. Asalkhanova

The System of the Temple Decoration in the Northern Buddhism

The article is dedicated to the analysis of decoration in the temples of northern buddhism. The article deals with the problem of the decorating of a Buddhist temple. The features of the system of decoration of some of the temples of Tibet, Mongolia and Buryatia are discussed. The article's conclusion is about a necessity of preservation of culture traditions and their development in contemporary art. The material has relevance and can be used for constructing of modern buddhist temples.

Key words: Tibet, Mongolia, Buryatia, Buddhism, thang-ka painting, murals, tradition, philosophy.

Ekaterina V. Asalkhanova — Cand. Sc. (Art History), independent researcher (Irkutsk, Russia).
asalhane@yandex.ru

А. Ж. Бальжурова

Развитие жанровой системы бурятской буддийской *танка* во второй половине XIX в.

(на материалах коллекции Национального музея Республики Бурятия)

© А.Ж. Бальжурова, 2021
DOI 10.25882/mz95-ex39

Бурятская буддийская живопись начала формироваться во второй половине XVIII в. Ко второй половине XIX в. отмечается переход от раннего самобытного искусства к более профессиональному. Одной из характерных черт становления профессиональной буддийской живописи этого периода является рост исполнительского мастерства, усложнение композиционного построения *танка*, развитие жанровой системы, которая отражает полный пантеон божеств бурятского буддизма, включающий в себя все восемь основных разделов. В статье рассмотрены группы *танка* с новыми иконографическими образами и сюжетами, стилистическими особенностями, характеризующими данный период.

Ключевые слова: *танка*, буддизм, искусство, пантеон, жанр, коллекция.

Бальжурова Арюна Жамсуевна — кандидат исторических наук, хранитель музейных предметов коллекции «Буддизм», ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (Россия, 670017, Улан-Удэ, ул. Профсоюзная, 29).
aryunabalzh@mail.ru

Исследователи бурятской буддийской танкописи на основе сохранившегося иконографического материала подразделяют её развитие на три периода: ранний классический (вторая половина XVIII — начало XIX в.), переходный (вторая половина XIX в.) и поздний (конец XIX — первая четверть XX в.) [Гомбоева, 1999. С. 34–40].

Зарождение бурятской буддийской танкописи датируется второй половиной XVIII в. В ранний классический период её развития шел процесс формирования и эмпирического накопления опыта, который осуществлялся в основном за счет копирования образцов тибетской и монгольской живописи. Иконографические сюжеты старинных *танка* данного периода ограничиваются обязательным минимумом пантеона наиболее популярных будд, бодхисаттв, *срунма* — *дхарманал*, богинь и лам, принятых в системе культа бурятского буддизма. Кроме того, *танка* писали чаще упрощенной композицией, а именно одиночным изображением божеств, в большинстве случаев без окружения многочисленных божеств и второстепенных персонажей. Главное божество изображалось без декоративной и орнаментальной перегрузки и излишних деталей.

Во второй половине XIX в. в Бурятии открываются при буддийских монастырях собственные философские школы, появляются центры со своей типологией и художественными мастерскими, расширяются связи с буддийскими центрами соседних стран — Тибета, Китая, Монголии. Исследователь А. Ш. Гомбоева обозначает этот период как переходный от формирующегося искусства к профессиональному, более зрелому исполнительскому мастерству, когда художники начинали работать не только путем копирования или по трафаретам, но и по литературным канонам [Гомбоева, 1999. С. 34–40]. В этот период бурятские художники получают специальное образование и посвящение в танкописцы, начинают изучать различные манеры и стили ведущих зарубежных школ, осваивают все изменения внешней и внутренней формы иконописания, применяют новые технологии живописи, технику золочения, создания миниатюры монументальной живописи, также появляются работы, выполненные в технике цветной ксилографии [Герасимова, 2006. С. 247]. Художники становятся более мастеровитыми, что выражается в линейном рисунке. Линии в *танка* данного периода гибкие, анатомически более точные, выразительные и легкие в решении сложных изобразительных сю-

жетов. Мастера стремятся преодолеть цветом статичность и предельную фиксацию форм ранней традиции. Они сочетают контрастные цвета, например, огненно-красный и холодные вариации синего, активизируют форму «нервным» мельканием дробного чередования близких и контрастных тонов в сочетании со стремительным и несколько деформированным рисунком яркого и сверкающего. В оформлении бурятских буддийских *танка* на смену лаконичности и строгости начинает приходиться декоративная пышность. Декоративной выразительности служит и цветное узорочье, и пластическая гибкость линии.

Для данного периода характерно также обращение к китайской традиции танкописания и появление китайских символов в виде ритуальных подношений божеству. Большое влияние китайских традиций прослеживается на *танках* с сюжетом «Будда с архатами», где вместе с 16 первоначальными архатами изображаются два китайских персонажа — Хашинхан и Дхарматала. Также на *танках* с композицией «Райские земли» вместо горизонтально-линейного рисунка пишется золотой радужный круг с дворцами с загнутыми углами крыш, кущами деревьев, украшенных драгоценными подвесками и водопадами.

С ростом профессиональной основы композиционное построение *танка* усложняется. К этому периоду складывается обширная жанровая система бурятской буддийской *танка*. На примере коллекции Национального музея Республики Бурятия можно отметить, что в ранний классический период из разделов пантеона буддийских божеств были представлены только три группы — *танка* с образами одиночных будд, бодхисаттв и дхармапал. Ко второй половине XIX в. появляются *танка* с новыми тематическими, иконографическими образами и сюжетами, стилистическими особенностями: *танка* с иконографическими образами «великих учителей» (гуру), *танка* с образами *йидам*, житийные *танка*, *танка* паришуддхакшетры (райские земли), обрядовые *танка* «пуджа» (*ганзай*). Таким образом, в этот период в бурятской буддийской иконографии полностью формируется пантеон божеств, включающий в себя восемь основных разделов.

Характеристика каждой группы представлена следующим образом:

1. В группу *танка* с иконографическими образами «Великих учителей» (гуру) включены *танка*, посвященные великим учителям буддизма — Цзонхава, Падмасамбхаве, Миларепе и др.

В фондах Национального музея Республики Бурятия сохранилось большое количество *танка*, посвященных основателю школы *гелукпа* — Цзонхаве. Если в ранний период встречаются посвященные учителю *танка* с несложным иконографическим сюжетом — чаще всего одиночное изображение или композиция «Учитель с двумя учениками» или «Отец с сыновьями», — то во второй половине XIX в. появляются *танка* с усложненной композицией, такие как «Цокин Цзонхавы» («Поле собрания почитания учителя»), житие Цзонхавы и Гандан Лхабжай. Так,

композиция *танка* «Гандан Лхабжай» (инв. № МИБ ОФ 422) представляет собой многофигурный сюжет, состоящий из трех частей. В центре изображен Цзонхава в образе «ста божеств неба Радости», восседающий на лунно-лотосовом диске львиного трона. У подножия трона изображены два его ученика — Жалсаб-Чже и Хайдаб-Чже. Вверху изображен рай Тушита Будды грядущего периода Майтрейи. У его стоп расположились великие индийские учителя Арьядэва и Атиша в традиционных ламских одеяниях красно-оранжевого цвета, Арьядэва без головного убора, Атиша в красном головном уборе *нэринг*. Внизу представлен традиционный ландшафтный фон в стиле жанра «горы и воды». В центре в водах мирового океана изображена гора Сумеру в виде трехцветной пирамиды (синей, красной, белой), на вершине которой показана богиня Сарасвати (бур. *Янжима*), а также четыре континента и восемь субконтинентов. Справа под деревом на *олбоке* (подушке) сидит *донатор* (монах) в *орхимжо* (накидке) красного цвета и держит в руках *торма* (подношение из теста). Перед ним на длинном столе синекрасного цвета стоят подношения: две лампадки, три *балина*, семь пиал с подношениями. Слева в танцующей позе на лотосовом троне — гневный *йидам* Ямантака.

Судя по описанию, в этот период усложнилась иконография, добавились символы, связанные с космологией буддизма (мифическая гора Сумеру, центр вселенной, четыре континента и восемь субконтинентов), расширилось разнообразие подношений божеству в виде всевозможных лампадок, *балинов* и т. д. Кроме того, *танка* данного периода выделяются не только сложной композицией и сюжетом, но и колористическим решением. Обычно небосвод на старинных бурятских *танка* передавался плавным переходом — от темно-синего к светлому. Здесь же танкописец разделил его на две половины: небо, переходящее от более темного голубого к светлому, чуть ниже сплошной темно-синий горизонт, украшенный золотыми орнаментами. Данное сочетание создает подобие перспективы — уходящего вдаль горизонта, что нехарактерно для ранних бурятских работ, которые отличались плоскостным решением. Свобода в выборе цветовой гаммы общего фона *танка*, привычная бурятским танкописцам конца XVIII — начала XIX в., все еще сохраняется в этот период. Многочисленные *танка* «Цокин Цзонхавы» («Поле собрания почитания учителя») (инв. № МИБ ОФ 19045) написаны подобным образом и имеют многофигурный, сложнокомпозиционный сюжет.

Следует отметить, что в данных *танка* прослеживается влияние традиций китайской танкописи, но цветное решение *танка* и физиогномика божеств (лики) написаны в традициях бурятской танкописи.

В коллекции музея сохранилось несколько ранних работ, посвященных учителям Падмасамбхаве и Миларепе. Данные работы несложные — это *танка* с одиночным образом гуру или немногочисленным окружением.

Среди тибетских учителей излюбленным у бурят был образ гуру Миларепа. На *танка* (инв. № МИБ ОФ 19722) — одна из легенд о Миларепе: однажды мимо пещеры Миларепа проходили охотники. Из любопытства они заговорили с йогиним и спросили: «Ты живешь среди скал. Что хорошего в скалах?» Миларепа ответил им песней, восхваляющей окружающий мир — скалы, растения, животных и т. д. Услышав песню, охотники сломали свои орудия и перестали охотиться. В центре композиции восседает Миларепа в гроте пещеры. Длинные седые волосы распущены по плечам, голова наклонена в правую сторону, правая рука поднята к уху, йогин как бы прислушивается. Он сидит на пестрой розовой шкуре антилопы в «приятной» (*сукхасана*) позе, одна нога придвинута к краю сиденья. Перед божеством в нижней части *танка* изображены косуля на подогнутых ногах и охотник, преклонивший одно колено, руки его сложены у груди в молитвенном жесте. Охотник одет в халат монгольского покроя красного цвета с зеленой каймой и завязанным зеленым поясом. Появление в этот период *танка*, посвященных Падмасамбхаве и Миларепе, свидетельствует о расширении сюжетного ряда бурятского пантеона. Но иконографическое изображение образов Учителей все еще обращает нас к старобурятским работам с такими их характерными чертами, как лаконичность, приглушенность, сдержанность в цветовой гамме, и решением пейзажного фона без излишней декоративности и витиеватости.

2. *Танка* с иконографическими образами *йидам* представляют большую группу в коллекции музея. В религиозной практике ваджраяны *йидам*, *иштадевата* (букв.: ‘бог, связанный обетом’) — главное божество мандалы, является объектом медитации. В Бурятии и Тибете *йидам* выступает как персональное божество — покровитель конкретной буддийской школы или принявшего обет верующего. Группа *йидамы* подразделяется на три подгруппы: мирные, гневные и мирно-гневные. Гневные *йидамы* Ямантака, а также вошедшие в пантеон из кочевнических культов тибетцев и монголов Хаягрива и Бегцзе широко известны бурятам.

В коллекции музея представлены многочисленные *танка* с изображением Ямантаки, гневного аспекта бодхисаттвы мудрости Манджушри, который считается основным *йидамом* школы *гелукпа*. В Бурятии получила популярность иконографическая форма темно-синего Ямантаки с девятью головами, тридцатью четырьмя руками, шестнадцатью ногами.

С конца XVIII в. в Бурятии распространяется учение Калачакра (Колесо времени). Для проведения хуралов, посвященных главному божеству данной системы — *йидаму* Калачакре, в дацанах открываются факультеты и строятся *Дуйнхор сумэ*: в Ачинском дацане — в 1811 г., в Тамчинском — в 1825 г. и др. К середине XIX в. в бурятской танкописи появляются *танка* с образом *йидама*, которые характеризуются сложной иконографией.

Образы божеств данной группы на бурятских *танка* сохранили древнейшие индо-тибетские черты. На основе анализа и сравнения бурятских работ с тибетскими, китайскими и монгольскими, а также исходя из однотипности изображенных божеств, можно отметить, что в данный период эти *танка* писались в основном по трафаретам и клише, привезенным из Тибета и Китая. Как отмечает в своих трудах К. М. Герасимова, «копирование эталонного искусства тибетских и монгольских монастырских мастерских повысило профессиональный уровень, но сковало творческую инициативу художника» [Герасимова, 2006. С. 247]. Изображение некоторых божеств этого времени при идеальной статичности, фантастической яркости и экстатической напряженности становится все же абстрактным и безжизненно-сухим. Движение погашено, замкнуто в круге, квадрате или полностью уравновешено повтором линейных направлений.

3. Житийные *танка* представлены многочисленными серийными *танка*, посвященными жизнеописанию Будды: серии «15 чудес Будды», «12 деяний Будды», а также серии с сюжетами из *джатак* (рассказы о прежних перерождениях Будды). В музее сохранились два типа *танка*, посвященных жизнеописанию Будды: с центровым «портретом» главного действующего лица и без него. В коллекции музея сохранилось множество *танка*, представляющих иконографию сутр и тантр, т. е. махаяны / ваджраяны в символическом симбиозе. Так, Будду Шакьямуни как Учителя окружают *архаты*, *бодхисаттвы* или *махасиддхи*, *махапандиты* или *йидамы*, *дакини*, *дхарманала* [Историко-культурный атлас Бурятии, 2001. С. 386.]. На *танка* (инв. № МИБ ОФ 19741/1) «Будда с архатами» показана многофигурная композиция: в центре Будда Шакьямуни, вверху над ним Цзонхава, Далай-лама VII и Панчен-лама II, вокруг *архаты* с их характерными атрибутами. Внизу в ряд изображены божества: *махараджа* Намсарай, *йидам* Хаягрива, *махараджа* Вирупакша.

Данную группу дополняет большое количество *танка* с иконографическими сюжетами — «*Цокшина* Будды», «35 Будд покаяния», «1000 Будд» и т. д.

На *танка* (инв. № МИБ ОФ 19750/1) представлена многофигурная композиция «Поле собрания прибежища школы Гелук». На вершине *цокшина* восседает Будда Шакьямуни, ниже сидят пять его учеников в желтых головных уборах, далее — семь ярусов божеств *цокшина* в розовом облачном обрамлении. Над головой Будды Шакьямуни — *йидам* Гухьясамаджа, по бокам на белых облаках изображены пуджа-деви с подношениями, музыкальными инструментами и штандартами. В верхней части *танка* показан в центре в облачном обрамлении Ваджрадхара в окружении гуру, под ним — Цзонхава с учениками. Справа изображена группа, представляющая Будду Шакьямуни с учителями линии передачи духовных знаний, идущей от *бодхисаттвы* Манджушри, слева — Будда Шакьямуни с учителями линии передачи духовных знаний от Будды Майтрейи. Внизу слева

на земле сидит монах с подношением *мандалой*. Ландшафтный фон изображен в виде синего неба с дисками луны, солнца и белых облаков. Внизу — пять зеленых треугольных гор, между ними водоемы с подношениями: три пылающие *чинтамани* и бивни слона, золотые серьги царицы и царя.

Изучая данные серийные и многосюжетные *танка*, нужно отметить, что они написаны под большим влиянием китайско-тибетской традиции танкописания. К. М. Герасимова отмечает, что бурятские мастера создавали данные *танка* на основе стереотипных эталонных образцов *танка* из знаменитых центров: монастырей Амдо, Южной Монголии, Долоннора, буддийских монастырей Пекина и монгольской резиденции Чжанчжа-хутухты. Здесь местные танкописцы продолжают работать в основном методом копирования, а не первоначального конструирования, чего в тот период по собственной инициативе не могли себе позволить рядовые художники [Герасимова, 2006. С. 307]. Тем не менее в танкописи жанр житийных сюжетов сыграл значительную роль в развитии художественного мышления у бурятских мастеров. В обычных *танка* изображения божества предопределены строгими правилами канона, творчество ограничено стандартами и трафаретами, индивидуальность художника могла проявиться только в цветовой гамме, декоративности и заполнении фона второстепенными деталями [Герасимова, 2006. С. 309–312].

4. В отдельную группу можно объединить *танка* с изображением райских земель. Во второй половине XIX в. они пишутся под значительным влиянием китайской иконописной традиции. Например, в коллекции музея представлены многочисленные идентичные *танка* с изображением рая Гушита будды Майтрейи и рая Дэважин будды Амитабхи. Центральная часть данных работ изображена в виде радужного круга, в центре которого восседает божество. Для *танка* с изображением райских земель переходного периода характерна пышная декоративность и широкое использование предметов китайской символики, таких как облако счастья, каменный ударный инструмент *цин*, яшмовые украшения (*фанишэн*, или *юаньшиэн*), свитки книг или картин, медная монета с квадратным отверстием посередине (*чох*), символ серебряного слитка (*юаньбао*, или *дин*), жезл или скипетр *жуи* [Гомбоева, 1989. С. 39–40]. Композиционное решение центральной части *танка* в виде радужного круга в тот период полностью вытеснило горизонтально-линейное изображение рая Амитабхи, которое характерно для ранней бурятской буддийской танкописи.

5. Во второй половине XIX в. появляются *танка* — *ганзаи* (санскр. *пуджа*, тиб. *гонг дзе*) — полотна с подношениями божествам в виде одеяний, украшений, ритуальных атрибутов, ездовых и жертвенных животных. *Ганзаи* чаще всего посвящаются группе восьми божеств-защитников: божеству богатства Намсараю, трем видам грозного хранителя Махакалы, божеству смерти Яме, богине времени Палдан

Лхамо, представителям воинских культов Бегце и Самбе.

В коллекции музея представлены разные варианты *танка*-подношений. Во-первых, это *ганзаи* с изображением полного одяния, ездового животного и атрибутов божеств. Например, на *танка* (инв. № МИБ ОФ 19890/20), посвященной богине Палдан Лхамо, в центре показано основное подношение в виде всадника на муле без лица богини, указаны все атрибуты, одяние, украшение, черный вихрь за спиной. Внизу — озеро и горы, через которые скачет богиня. В верхней части по горизонтали нарисованы черепа с кишками, с человеческой кожей и воронами. Вокруг божества показаны различные животные: обезьяны, львы, тигры, волки, олени, мыши, бараны, козлы, лани, слоны и корова с телятком. По бокам на оградах установлены пять ритуальных предметов: штандарт, трезубец, капица, флаг с копьевидным навершием, ритуальный барабан. Через прясла свешиваются шкуры пяти животных. Под основной фигурой — подношение *балинов* в черепа, горы Сумеру, музыкальных инструментов и жертвенных животных — вороных коней, яков, верблюдов, собак, быков, баранов, козлов. В нижней части *танка* по центру — воинское снаряжение.

Во-вторых, это *ганзаи* с ритуальными подношениями на алтаре. На *танка* (инв. № МИБ ОФ 19890/4), посвященной богине чадородия Харити (бур. *Буржэл Лхамо*), ритуальные подношения представлены на многоступенчатом алтаре, увенчанном зонтиком из павлиньих перьев, ритуальной стрелой с золотым диском и многоцветным квадратом. В центре восседает на белом лунном диске и белом лотосе в «правосторонней» позе богиня, правая нога ее спущена с трона, правой рукой она держит ребенка, левой — чашу с *чинтамани*. Рядом на алтаре перемежающиеся изображения женского знака — веретена и мужского — ромбовидного. Основание алтаря темно-синего цвета пятиярусное, на верхнем ярусе изображены пять ритуальных стрел; на втором — пять *балинов*; на третьем — чаши с подношениями; на четвертом — 17 *балинов*; на пятом — жертвенные животные. В нижней части *танка* — водоемы с астрологическими символами: три красных диска, три белых полудиска. Небо голубое с дисками солнца и луны, на нем изображены бело-синие и бело-голубые остроугольные облака и пять летящих воронов. По бокам — жертвенные лошади и быки.

Бурятские мастера, рисуя *ганзаи*, находили близкую себе тему — образы домашних животных. Как правило, изображения жертвенных животных отличаются естественностью и представлениями о здоровом и крепком скоте; нередко подчеркивается и несколько утрируется степень упитанности. Группа «*табан хошуун мал*» своей наивной конкретностью символизирует хозяйственное благополучие скотовода, его полное удовлетворение жизнью. Иное, более широкое значение придавалось образу коня, который был излюбленным объектом для всех жанров бурятского фольклора и песенного творчества.

Домашние животные на *танка* реалистичны, вносят живую струю в строго канонизированные буддийские *танка*, тем самым обеспечивая художнику возможность творчески реализоваться. Художественное решение тем раскрывает поразительную энергию и свободу творческой фантазии в соединении с отточенностью форм, многообразием пластического выражения, сознательно преувеличенной сказочной декоративностью, эпической наивной реальностью, статичностью или динамическим решением.

Таким образом, ко второй половине XIX в. в бурятской буддийской иконографии полностью сложился пантеон божеств, включающий в себя восемь

основных разделов. Иконография *танка* в основном многофигурная и сложносюжетная. Божества на *танка* изображаются в символическом симбиозе, и к сюжетному ряду прибавляются такие композиции, как *Цокишин* (дерево собрания божеств), житийные *танка* и *танка-подношения (ганзай)*. Хотя в этот период проявляется большое влияние иноэтнических традиций в танкописании, тем не менее в строгом каноническом искусстве намечаются собственные самобытные мотивы, что наблюдается в решении колорита *танка*, физиогномики божеств, изображении домашних животных, пейзажа, в дальнейшем это послужило базой создания собственного стиля, традиций и школы бурятской буддийской танкописи.

Использованная литература

Герасимова, 2006: *Герасимова К. М.* Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 338 с.

Gerasimova K. M. Voprosy metodologii issledovaniia kul'tury Tsentral'noi Azii. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2006. 338 s.

Gerasimova K. M. Questions of methodology for studying the culture of Central Asia. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2006. 338 p.

Гомбоева 1989: *Гомбоева А. Ш.* Символические изображения планет на буддийских иконах // Цыбиковские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1989. С. 39–41.

Gomboeva A. Sh. Simvolicheskie izobrazheniia planet na buddiiskikh ikonakh // Tsybikovskie chteniia: Tezisy dokladov i soobshchenii. Ulan-Ude: BION SO RAN, 1989. S. 39–41.

Gomboeva A. Sh. Symbolic images of planets on Buddhist icons // Tsybikov Readings: Abstracts of reports and messages. Ulan-Ude: BION SB RAS, 1989. P. 39–41.

Гомбоева 1999: *Гомбоева А. Ш.* Буддийская танка Бурятии (к вопросу о периодизации, терминологии, иконописных школах) // Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова: сб. ст. Вып. 2. Улан-Удэ, 1999. С. 34–40.

Gomboeva A. Sh. Buddiiskaia tanka Buriatii (k voprosu o periodizatsii, terminologii, ikonopisnykh shkolakh) // Muzei Istorii Buriatii im. M. N. Khangalova: sb. st. Vyp. 2. Ulan-Ude, 1999. S. 34–40.

Gomboeva A. Sh. Buddhist Tanka of Buryatia (on the question of periodization, terminology, and iconographic schools) // Museum of the History of Buryatia named after M. N. Khangalov: Collection of articles. N 2. Ulan-Ude, 1999. P. 34–40.

Историко-культурный атлас Бурятии, 2001: Историко-культурный атлас Бурятии. М.: Картография. Дизайн. Информатика, 2001. 624 с.

Istoriko-kul'turnyi atlas Buriatii. M.: Kartografiia. Dizain. Informatsiia, 2001. 624 s.

Historical and Cultural Atlas of Buryatia. Moscow: Cartography. Design. Information, 2001. 624 p.

Aryuna Z. Balzhurova

The Development of the genre system of the Buryat Buddhist *thang-ka* in the second half of the XIX century (based on the collection of the National Museum of the Republic of Buryatia)

Buryat Buddhist painting began to form in the second half of the XVIII century. By the second half of the XIX century, there was a transition from early original art to a more professional one. One of the characteristic features of the formation of professional Buddhist painting of this period is the growth of performance skills, the complexity of the compositional construction of the *thang-ka*, the development of a genre system that reflects the full Pantheon of deities of Buryat Buddhism, which includes all eight main sections. The article deals with the group of the *thang-ka* with a new iconographic images and stories, stylistic features that characterize this period.

Key words: *thang-ka*, Buddhism, art, Pantheon, genre, collection.

Aryuna Z. Balzhurova — Ph.D. (History), curator of Museum items of the collection “Buddhism”, GAUC RB “National Museum of the Republic of Buryatia” (29, Kuibyshev str., Ulan-Ude, 670017, Russia).
aryunabalzh@mail.ru

С. Г. Батырева

«Джангариада» В. А. Фаворского в истории изобразительного искусства Калмыкии 30–40-х годов XX в. *

© С. Г. Батырева, 2021
DOI 10.25882/1m4z-yc73

Целью данной статьи является анализ калмыцкого периода творчества выдающегося мастера В. А. Фаворского, связанного с художественным оформлением героического эпоса «Джангар». *Материалом* изучения является издание «Джангар» (1940), подготовленное к 500-летию юбилею калмыцкого народного эпоса, а также произведения В. А. Фаворского, созданные в Калмыкии в 1939 г. — 1940-х гг., и некоторые сведения о довоенном искусстве Национального архива Республики Калмыкии и Российского государственного архива литературы и искусства. Исследовательский интерес представляют довоенный каталог выставки к 500-летию эпоса «Джангар» и статья В. А. Фаворского «Как я работал над „Джангаром“» (1940). Проблемой исследования является небольшое количество источников о культуре периода, по которым можно частично реконструировать наследие, утраченное в годы Отечественной войны и депортации калмыков в 1943–1956 гг. Переосмысление культурного наследия народа в синтезе этнических традиций и реалистических основ русской художественной школы оказало влияние на формирование изобразительного искусства Калмыкии 1930-х — начала 1940-х гг. Новизна и актуальность исследования калмыцкого искусства данного периода определены творческой деятельностью первого иллюстратора героического эпоса «Джангар» В. А. Фаворского, народного художника СССР. Фольклор как этнокультурная доминанта в искусстве Калмыкии объединил принципы книжного иллюстрирования и образно-стилевые поиски В. А. Фаворского: пространство мировидения народа и автора сомкнулось в кросскультурном взаимодействии художественных традиций.

Ключевые слова: Калмыкия, эпос «Джангар», В. А. Фаворский, искусство, графика, традиции.

Батырева, Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологии, археологии и антропологии Калмыцкого научного центра РАН (Россия, 358000, Элиста, ул. И. К. Илишкина, 8).

sargerel@mail.ru

Введение. Искусство Калмыкии 1930-х — начала 1940-х гг. как часть культуры довоенного периода мало изучено. Проблемой исследования является малое количество источников, по которым можно реконструировать наследие, утраченное в годы Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в 1943–1956 гг. Исследовательский интерес представляют издание «Джангар» (1940) и произведения В. А. Фаворского, созданные в Калмыкии в 1939 г. — 1940-е гг., каталог выставки к 500-летию эпоса «Джангар» [Юбилейная, 1940] и статья В. А. Фаворского «Как я работал над „Джангаром“» [Фаворский, 1940. С. 20–26], а также архивные данные [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 94. Л. 29–32; Д. 508. Л. 35; Д. 175. Л. 13, 16–17]. Материалы о довоенном изобразительном искусстве Калмыкии [Трошин, 1970; Червонная, 1978. С. 136–146; Яковлева, 1972],

каталоги и альбомы [Восток, 1982. С. 7–15; Владимир Андреевич Фаворский, 1986; Художники Калмыкии, 2009], статьи и труды С. Ю. Неклюдова, Г. Ц. Пюрбеева, Г. Островского, С. Г. Батыревой [Неклюдов, 1972; Пюрбеев, 1993; Островский, 1974; Батырева, 2014. С. 19–28; 2018. С. 130–139; 2020. С. 147–161] и издание «Мир эпоса» [Мир эпоса, 1992] имеют опосредованный характер.

Основным источником рассматриваем художественное издание «Джангар» [Джангар, 1940]. Культурологический подход исследования охватывает искусство книжной иллюстрации в социальных связях «культура — личность — искусство». В анализе искусства опираемся на основополагающее понимание культуры как «способа бытия человека» и искусства как «образной модели», «самосознания» культуры [Каган, 1987. С. 6–22; Бернштейн, 1987. С. 135–142; Эткинд, 1987. С. 25–29]. Осмысление эпоса предполагает обращение к мифопоэтическому «коду» культуры [Батракова, 2002] в системном историко-культурном изучении искусства [Афасижев, 1983. С. 159–180; Каган, 1980. С. 44–52; Каган, Хилтухина, 1987.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

С. 179]. Анализ процесса иллюстрирования во взаимосвязях эпоса, художника и традиций реализуется в синтезе методов истории, искусствознания, культурологии. Ими обусловлено комплексное междисциплинарное изучение опыта графика В. А. Фаворского в переложении художественных традиций Калмыкии в сфере иллюстрирования книги.

Совместная творческая деятельность местных и московских художников характеризует додепортационный период культуры республики. Привнесение художественно-пластических средств реализма оказывает влияние на живопись и графику Калмыкии. Эпическое наследие как концентрат духовности народа явилось сферой соединения традиций и новаций, определивших формирование калмыцкого изобразительного искусства XX в. В анализе принципов книжного иллюстрирования В. А. Фаворского на эпическом материале попытаемся осветить процесс взаимовлияния традиций, выявить вклад автора в культуру Калмыкии.

Становление профессионального искусства происходило в условиях антирелигиозного культштурма в 1930-е гг., борьбы за ликвидацию безграмотности населения, развития культуры и образования республики [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 94. Л. 29–32; Д. 508. Л. 35; Д. 175, Л. 13, 16–17]. Описывая процесс приобщения народа к новой художественной культуре, И. И. Трошин указывает: «Большую роль... в росте национальных кадров Калмыкии сыграло Постановление правления СХ СССР от 21 февраля 1940 г., призванное содействовать подготовке юбилейной выставки, посвященной 500-летию народного эпоса «Джангар», и искусству, во многом «самодеятельному» вследствие «малочисленности состава профессионалов» [Трошин, 1970. С. 66–76].

Основная часть. Духовную жизнь Калмыкии 1930-х гг. наполняло живое бытие эпического наследия: эпос «Джангар» знали все, прослеживая свои родословные от эпических богатырей [Мир эпоса, 1992. С. 61, 95–99]. Образы их воплощались в изобразительном и театральном искусстве республики, готовящейся торжественно отпраздновать 500-летие эпоса «Джангар». Эпическому наследию была посвящена юбилейная выставка 1940 г., собравшая произведения художников И. С. Нухаева, Р. Н. Богославского, Л. Э. Очирова, Н. С. Фатова и московских авторов, среди которых, кроме В. А. Фаворского, были Г. А. Ечеистов, Н. В. Фаворский, Л. И. Аронов, участники командировки в Калмыкию в 1939 г.

В. А. Фаворский вспоминает, как это начиналось:

В один прекрасный день 1939 года ко мне пришли два переводчика поэмы «Джангар» — поэт тов[арищ] Липкин и писатель-калмык Баатр Басангов и предложили мне иллюстрировать эту поэму. Дали мне с ней познакомиться, и я согласился оформлять и иллюстрировать поэму «Джангар». День был действительно прекрасный, так как он принес мне очень интересную работу [Фаворский, 1940. С. 20].

Главным условием, выдвинутым художником, была поездка в Калмыкию для ознакомления с народом и его культурой, вместе с тем он замечает: «Калмыцкий эпос не был для меня совсем неожиданным. Я очень любил всегда и у нас дома пользуется большим почетом монголо-ойратский эпос в переводе Владимирцова, дети его по многу раз перечитывали. В обоих эпосах много схожего, но калмыцкий эпос — уже целая эпопея со сложившимся циклом песен и кругом богатырей, рассказы его гораздо сложнее и богаче характеристиками» [Фаворский, 1940. С. 22].

В довоенной Калмыкии собирается материал для создания иллюстраций издания. Наследие народа, центральноазиатское в истоках, рассматривается через призму выразительных средств европейской гравюры, что определяет книжное оформление эпоса «Джангар» средоточием кросскультурных взаимовлияний евразийских традиций в искусстве [Восток, 1982. С. 10–12; Мир эпоса, 1992. С. 107–114; Батырева, 2014. С. 20, 24, 26].

Проблема перевода эпического наследия на язык изобразительного искусства, требующая высокого профессионализма, актуальна и сложна. Важно умение чутко уловить содержание и передать этнический колорит образов фольклора специфическими средствами книги. Методам и принципам иллюстрирования посвящено много исследований в отечественном искусствознании, среди них интересны наблюдения и высказывания графиков о поисках адекватного содержанию оформления. В. А. Фаворский рассматривает графику как основу искусства, в котором книга является объектом культуры и в то же время предметом исследования и создания, требующим применения особых принципов. В «Рассказах художника-гравера» книга определяется как «образ в пространственном и словесном искусстве», работа по ее образному воплощению требует от художника большого объема знаний о культуре и практического мастерства. Многогранно творчество народного художника СССР В. А. Фаворского, посвященное книге. В публикациях он делится с читателем мыслями о творчестве [Фаворский, 1961; 1965; 1966; 1971].

В ряду изданий особое место занимает его статья «Как я работал над „Джангаром“» [Фаворский, 1940. С. 20–25], написанная просто и ясно, живым, доступным для читателя языком. До работы над калмыцким эпосом художник имел плодотворный опыт оформления русской былины «Слово о полку Игореве». Об этом пишет коллега, близко его знавший скульптор-анималист И. С. Ефимов:

Удивляешься гравюрам Фаворского к «Слову». Не отвлекают, а помогают читать... Необыкновенная любовная, изощренного ума догадка украшения книги [Ефимов, 1977. С. 191].

По прошествии многих лет со времени создания иллюстрации В. А. Фаворского не потеряли значимости «искусства украшения книги». Чем же обу-

словлена счастливая судьба его «Джангариады», пользующейся признанием уже восемьдесят лет... Автору во время работы в Калмыцкой государственной картинной галерее довелось заниматься творческим наследием В. А. Фаворского 1939 г. — 1940-х гг. Хорошо помню сделанную его рукой цветным карандашом надпись «Калмыкия» на большой папке с работами, созданными во время пребывания в республике. Эта папка до сих пор хранится в семье художника. Произведения были представлены на выставке «Калмыкия глазами В. А. Фаворского», открытой спустя полвека — к 550-летию эпоса «Джангар» (1990).

Выставку посещали потомки тех, кого автор изобразил на многочисленных рисунках. В портретных образах узнавали джангарчи Эренджена Самтонова из Башанты, актрису Национального театра Б. Басангова Лялю Русакову, домбристку Д. Дорджиёву, писателя Лиджи Инджиёва и многих других. Калмыкия и ее народ навсегда сохранились в памяти художника, время работы над эпосом он считал счастливым периодом жизни, связанным с открытием уникальной культуры. Будучи во время войны в эвакуации в Самарканде, он писал своей ученице В. Федяевской:

Сейчас работаю над картиной на холсте, небольшой... Тема — праздник в Калмыкии, ну как бы песнь о милых мне калмыках... Я когда-то присутствовал на джигитовке, скакала девушка, все это я и изображаю. Работаю с большим удовольствием ([Церенов, 1988. С. 292]. Из личного архива В. К. Федяевской).

Картина эта передана в дар народу, в Национальный музей Республики Калмыкии имени Н. Н. Пальмова.

Влияние «Джангариады» В. А. Фаворского на современное калмыцкое искусство ощутимо в графических листах заслуженного художника РСФСР В. Васькина, о преемственности реалистических традиций свидетельствует книжная графика авторов В. Ургадуюла и Э. Сангаджиева, посвященная калмыцкому фольклору. Эпос и художник в глубоких и проникновенных взаимоотношениях формируют образно-стилевые поиски в искусстве 1960–1990-х гг. [История Калмыкии, 2009. С. 539, 549–550]. Архетипы мифопоэтического мироощущения генерируют традиционную модель мира: репродуктивной способностью образной памяти одухотворены эпические мотивы «Джангарчи Ээлян Овла», «Джунгария», «Сокровище Джангара» народного художника РСФСР Г. Рокчинского (1923–1993). Этническая культура подобна «живому организму, самовосполняющему потери в реализации своего генофонда» [Батырева, 2018. С. 130]. Эпическая струя как этнокультурная доминанта искусства до сих пор жива в тенденциях современного искусства. Фольклорная тема объемлет творческие свершения графика В. Бадмаева в оформлении подарочных изданий эпоса «Джангар» 1990 и 2009 годов. Создание обширного «культурного пространства» Калмыкии органично сопряжено с

творчеством первого иллюстратора эпоса народного художника СССР В. А. Фаворского.

Материалом анализа служит довоенное юбилейное издание [Джангар, 1940]. Рассмотрим оформление сквозь призму принципов «изображения пространственными средствами временного литературного произведения» [Фаворский, 1971. С. 20]. Автор подчеркивает взаимообусловленную двойственность книги — утилитарность и художественную выразительность [Фаворский, 1961. С. 61]. Эпическое содержание текста диктовало ему обращение к орнаменту как средоточию ритма номадической культуры в декоре предметов быта [Батырева, 2020. С. 147–161]. В. А. Фаворский, будучи в поездке по Калмыкии, писал:

В основе всякой вышивки на женском костюме я встретил меандр и подобные меандру мотивы, очень строгие. В цвете же это — черное, и радужные разбеги радуги и солнца окружают эти меандры. Эти мотивы, по-видимому, очень старинные, строгие, иногда прямо напоминающие греческие, но обнаруживающие свою восточную природу хотя бы в том, что, не стесняясь, огибают и прямоугольную, и круглую, и овальную форму [Фаворский, 1940. С. 24].

Он был рад открытию, от вариаций меандра (калм. *зеэ*) на него повеяло классикой Востока.

Декоративно решен В. А. Фаворским переплет с надписью «Джангар»: тиснением, традиционным приемом калмыцкой обработки кожи, выделен линейный серебристый рисунок народной вышивки *зеэ*. Орнаментальная композиция в его оформлении не нарушается «пространственной глубиной живописной картины». Отсюда сдержанность и завершенность художественного решения, его силуэтность, подчеркивающая материальную осязаемость издания [Фаворский, 1940. С. 22]. Обогащенный, детально разработанный рисунок шрифта несет приподнято-сказочное содержание книги в соединении «строгих народных и барочных буддийских традиций». Для передачи характерных особенностей культуры автор использовал в шрифте разнообразие заглавных букв, орнаментальный декор страниц, выбрав композиционное решение, пропорции, фактуру и цвет издания. Первое представление о своеобразии внутреннего мира книги дает ее внешнее оформление, которому автор уделяет особое внимание.

В форзаце он стремится пространнее выразить существо калмыцкого фольклора, вводя предметное изображение на приглушенном коричнево-лиловом фоне. Цвет переплета сменяется более темным, насыщенным, чем подчеркиваются движение вглубь книги и более расширенные функции форзаца. Переворачивая обложку, получаем «цветовой аккорд переплета и форзаца... цвет меняется и обогащается другим цветом» [Фаворский, 1966. С. 65]. Форзацный разворот зеркальный: стилизованное линейное изображение навеяно мотивами буддийской иконописи и обрамлено полукруглым и т-образным меандром. Старинный храм осенен радугой, легким штри-

хом очерчены цветы лотоса и навеса *чачир*, раковина, колесо, скипетр, несущие символику буддизма. В нижнем ярусе — оружие и богатырские доспехи (металлический панцирь и наплечники, секира с луком в футляре и колчан со стрелами, меч и шлем). Тракуя одежду и вооружение богатырей эпоса, автор использовал «миниатюры и другие источники, считая возможным влияние индийского вооружения» [Фаворский, 1940. С. 24], брал за образцы экспонаты Исторического музея и Оружейной палаты. Форзац решен в ярусной иконописной композиции буддизма, варьируемой далее в разработке цветных фронтисписов издания.

В титульном развороте, как и в форзаце, «главные хозяева — буквы», несущие информацию: имена переводчика и художника, название издательства и год издания [Фаворский, 1965. С. 56]. Последовательно применяются им один из композиционных приемов — внешние поля больше, чем внутренние, что подчеркивает движение внутрь книги. В трактовке выражена неразрывная целостность составных частей издания как материального воплощения содержания.

Логическое конструирование книги является не механическим выделением этапов повествования, а мастерски прочувствованным следованием за текстом. В зависимости от его содержания органично меняется форма и подача иллюстрации: текст является основой оформления, создающего для него условия существования, соизмеримые с восприятием читателя. В издание «Джангар» 1940 г. входят 12 песен и Вступление, каждая глава открывается шмуцтитолом. И если титул — «дверь в книгу», то шмуцтитул (внутренний титул) как бы приоткрывает суть и действие каждой главы [Фаворский, 1966. С. 64]. Им организуются текст и мелкие изобразительные элементы (заставки и концовки). Удивительно разнообразие шмуцтитолов в издании эпоса, данных в сдержанной цветовой гамме черно-серо-желто-коричневого на белом фоне.

В оформлении шмуцтитолов к Песням, рассказывающим о подвигах богатырей, отметим особенность — орнамент щедро, как нигде более в произведениях В. А. Фаворского, сопровождает текст. Ничто не может столь же четко и ярко выразить этническое своеобразие художественной культуры, прочитываемое в декоре книги, как орнамент. Автор широко использует богатейший материал калмыцкой орнаментики, но не в первозданной его основе, а изменяя его, внося в него свое, органично соотнося его с повествованием и художественным оформлением эпоса в целом.

В архаике вариаций косых параллельных линий, ромбовидных и треугольных форм, полукружного, п- и т-образного меандра [История Калмыкии, 2009. С. 82–83] автор выделяет «тенденции: классическую и барочную», которые он «пытался соединить в оформлении...» [Фаворский, 1940. С. 24]. В трактовке шмуцтитолов и страниц использует как растительный, так и геометрический и зооморфный виды орнамента. Соединяя орнамент с объемно-пластиче-

ским изображением животного и растения степной флоры, художник создает яркое и запоминающееся оформление страниц, варьируемое в тональной разработке цвета. Десять орнаментальных рядов с четким ритмом повторения геометрического мотива, чередуясь, украшают каждую страницу текста. Инициалы, начинающие текст каждой Песни, поражают изобретательностью фантазии автора, подчеркивающей эстетические особенности народной вышивки, изученной на одежде. Об этом свидетельствуют сделанные им детальные зарисовки узора *зег* в тональной разработке цвета, идущей из глубин образного мышления народа. В постраничных рядах орнамента выражено этническое своеобразие художественной традиции, творчески переработанное автором.

Своеобразно решен титульный лист к Вступлению: над и под словом «Вступление» дано изображение степного орла. Вверху — парящего с широко развернутыми крыльями, внизу — взмывающего вверх со змеей в когтях. Его черно-серый силуэт четко выделяется на длинном облачке желто-коричневого цвета. Изображение сведено к минимуму: большие свободные поля листа воспринимаются как огромное небесное пространство. Трактовка заглавного шмуцтитолола имеет смысловое значение. Подмеченная художником интонация эпоса в исполнении сказителей, то высоко взмывающая, то затем сразу падающая вниз, интерпретирована им в изображении летящего орла. Автору удалось ассоциативно выразить высокий и четкий ритм словесной передачи эпоса, состоящего из отдельных, но связанных в содержании Песней.

В графической выразительности декора книги сказывается мастерство и такт большого художника, гармонично осваивающего народное искусство. В воспоминаниях о работе над эпосом он отмечает:

...образы монгольского эпоса, в частности калмыцкого, возможны для гравюры, гравюра может ответить на них, конечно, своеобразно перестроивши свои средства, движение штрихов, динамику формы, черного и белого цвета. Локальный цвет должен играть большую роль. Нужно избегать беспредметной штриховки, пользуясь узором, стараясь им дать и рисунок и тон [Фаворский, 1940. С. 20].

Тесное взаимодействие изображения с текстовой полосой можно проследить в черно-белых иллюстрациях издания: гравюра более мобильно, чем фронтиспис, участвует в организации страницы. Изображение сцены угона лошадей Алтана Цеджи мальчиком Джангаром к Песни I переходит с левой страницы на правую. Несущийся вскачь косяк лошадей с развевающимися гривами, стелющаяся под копытами трава, клубящиеся облака пыли — все пронизано экспрессией, контрастирующей с вертикалью статичной фигуры всадника, посылающего стрелу. Изображение справа замыкается строгим столбцом растительного орнамента, движение же летящего табуна как бы продлевается показом темных лошадиных голов уже на белом абстрактном фоне. Композицион-

ный прием своеобразно растягивает действие, динамично вытянутое по горизонтали.

Апофеозом «идеи единения и благополучия народа» можно назвать XI главу, где воспеваются подвиги Джангара во имя свободы Родины. Располагаясь на левой стороне разворота, гравюры не прерывают вертикального течения строк, а как бы втягиваются в текстовый столбец, что подчеркивается отсутствием обрамления. Композиция горизонтально вытянута на листах разворота в изображении дружины богатырей Бумбы, одолевших врагов: «...едут в обнимку, друг друга за плечи держа. Песни поют — родному краю хвалу» [Джангар, 1940. С. 270–271].

Имея большую самостоятельность по отношению к тексту, страничные черно-белые иллюстрации в отличие от мелких на левой стороне разворота, не прерывающих течение повествования, помещаются справа. В изображении кульминационных сюжетов В. А. Фаворский детально выстраивает пространство и широко применяет орнамент в передаче интерьера и одежды героев. Примером могут служить сцены оживления Джангара ханшей Зандан-Герел, встречи Хонгора Алого Льва с Герензел, боя Джангара с шулмусами и другие.

В больших гравюрах и цветных фронтисписах автор изображал по существу одно — человека в пространстве, пользуясь характерным приемом обнаженного контраста крупных фигур первого плана и мелких очертаний фигур и предметов дальнего. В поэтической гиперболизации трактовки образов «последовательно и скрупулезно выстраивает художник пространство», видя в этом ключ к наиболее точному и адекватному переводу текста на язык изобразительного искусства [Островский, 1974. С. 142].

В иллюстрировании «Джангариады» помимо Т. Козулиной, Ф. Константинова, В. Федяевской и Н. Фаворского принимали участие также художники Г. Ечестов, Л. Мюльгаупт и В. Фербер. Большую самостоятельность в работе имели Н. Фаворский и Г. Ечестов, несмотря на особенности гравировальной и рисовальной техники каждого из них художественное оформление книги под руководством В. А. Фаворского производит цельное впечатление. В совокупности фронтисписов и черно-белых иллюстраций создана серия образов, воспринимаемых зрителем в неразрывном единстве с повествованием.

В создании художественного образа эпоса В. А. Фаворский большое внимание уделяет цвету [Фаворский, 1940. С. 20]. Мифопоэтическую картину мира трудно представить лишь в черно-белом изображении. Цветовая символика традиционной культуры воспроизводится в применении цвета белого *цаган*, желтого *шар*, черного *хар*, голубого *кек* и красного *улан*, образующих в сочетании живописную палитру этнической картины мира [Пюрбеев, 1993. С. 59]. В цветных фронтисписах созданы зримые образы богатырей, отмеченные яркой индивидуальностью в особенностях народного характера. Учитывая ограниченность цветовых средств графики, автор вклю-

чает цветные иллюстрации, которые в совокупности с черно-белыми полно передают эпическое, сказочно-приподнятое содержание «Джангариады». К Вступлению и 12 Песням В. А. Фаворским и Н. В. Фаворским были сделаны цветные фронтисписы с черно-белыми страничными и небольшими иллюстрациями в тексте. В постдепортационном переиздании эпоса 1958 г. фронтисписы восстановлены В. Федяевской, Л. Родионовой, О. Элис [Джангар, 1958].

Фронтисписы имеют вытянутую прямоугольную форму, черную рамку и сдвинуты немного внутрь книги согласно принципам оформления. На фронтисписе к Вступлению художник изобразил местечко близ Яшкуля, виденное им во время поездки по Калмыкии. В центре многоярусной панорамы «благосуханной, сильных людей страны обетованной, богатырей страны Бумбы» изображена группа всадников, ее защитников, верных и преданных богатырей Джангара. Фронтиспис наполнен разнообразным движением: парят орлы, гонятся за сайгаками охотники, неторопливо движется караван, мчится табун, танцуют люди, объезжают свои владения богатыри. Плоскостная выразительность буддийской живописи, во множестве виденной В. Фаворским в музее г. Элисты и в поездке по районам, положена в основу заглавного фронтисписа.

В композиции и цветовом решении чувствуется влияние древних художественных традиций восточной миниатюры. Общий фон — светло-зеленый, цвет весенней зелени, еще не выгоревшей под знойным солнцем. Не случайно это весна, время цветения растительности — период благоденствия для скотоводов-кочевников. На зеленом фоне полыхает оранжевым пламенем дворец Джангара, выделяются рыжие и коричневые тела лошадей, темные силуэты всадников и птиц, фигуры танцующих и сидящих людей. Четкий контур рисунка в живописи на левкасе выдает руку графика.

Оформляя калмыцкий эпос, мастер европейских традиций книжного иллюстрирования, естественно, приходит к иной системе изображения, пространственные принципы которой он плодотворно использовал в решении заглавного фронтисписа, открывающего Песнь о стране Бумбе. Счастливая, обетованная страна — лейтмотив эпической Джангариады. Ярусное построение пространства, как бы растянутого полотном снизу вверх, кладется в основу композиции — панорамы сказочной страны. Гиперболизированный и метафорический язык калмыцкого эпоса фантастически совмещает и трансформирует в повествовании время-пространство. Иллюстратор обращается к композиционному приему пластично изменяемой «растяжением» по вертикали плоскости изображения сказочной Бумбы. Традиция рождена в мировосприятии народа, «генетически» тяготевшего к плоскостной системе изображения, впоследствии продолженной в иконографии буддизма [История Калмыкии, 2009. С. 160–161]. Мировидение обусловлено мобильным укладом бытия: в движении кочевника, преодолевающего расстояние, постепенно от-

крывается следующий план пространства, как бы разворачиваемого ярусами линейного изображения каноничного сюжета. Ярусное совмещение планов на плоскости образует средоточие времени-пространства, самобытно концентрируемое в этнической картине мира, характерной для ранних форм искусства [Неклюдов, 1972. С. 191–219].

Художественные особенности культуры В. А. Фаворский, осваивающий калмыцкий эпос, фиксирует в оформлении издания. Найденное им «зерно» плоскостного изображения получает развитие в глубинном понимании эпического материала, его пространственной интерпретации. Адекватное калмыцкому фольклору формовыражение подсказано знанием основ древнерусской иконописи, сопрягаемой с плоскостной выразительностью живописи буддизма. Народное орнаментальное начало и живописная традиция старокалмыцкого искусства органично осмыслены и вписаны в русло европейских принципов книжной иллюстрации. Синтез традиций характеризует разработанную автором систему переложения эпического материала литературы, временного вида искусства, в пространство взаимосвязей содержания, формы и стиля книжного издания.

На фронтисписе к Песни первой «О поединке великого нойона Джангара с ясновидцем Алтаном Цеджи» изображен Менген Шикширги, отец Алого Хонгра. Седой как лунь старик сидит в позе, характерной для отдыхающего степняка, с плетью в руках. За его спиной — гурты и табуны животных, его богатство и тяжелый труд. У горизонта — полукруг заходящего солнца, а на вечеряющем небе — тонкий серп месяца и ранние звезды — явление, открытое в степи при смене дня ночью, вынесено характерным фоном фронтиспису.

Прообразом мудрого старца послужил пожилой калмык, сторож при складе на элистинском базаре, довольный этим, но поправивший художника, сказав, что он из рода другого богатыря — Алтана Цеджи. Это живое ощущение эпоса вдохновляло автора в работе над калмыцким эпосом. Высохшее, изобретенное морщинами лицо и пылливый, далеко видящий взгляд выцветших глаз. В них мудрость и воля многих поколений кочевого народа, жившего «в тяжелой борьбе с окружающими народами и с природой». Здесь автор, отойдя от конкретного и повседневно, создал прекрасный в достоверности обобщенный образ народа. За содержанием песен, рассказывающих о счастливой жизни, о вечной весне и молодости, читатель видит и «жестокую действительность, где целые народы угоняются в плен и где в борьбе кровь на богатырях запекается панцирем» [Фаворский, 1940. С. 21]. Замечательный реализм эпоса, его обратная сторона нашли отражение в образе мудрого, как сама жизнь, старца.

Подлинное ощущение степи, ее дыхания и времени, скорее, — надвременного состояния природы и человека тонко передано во фронтисписе. Данная крупным планом фигура задумавшегося Шикширги проникнута умиротворением поры, когда после жар-

кого дня на землю опускается ночная прохлада, которую ждали и степные травы, и животные, и люди. Удивительно красиво сочетание пепельно-голубого цвета волос старца, собранных в старинную прическу, и желто-коричневого цвета лица, его сине-голубой одежды и красно-коричневых тел животных. Все это — на желто-зеленом фоне степи и золотого марева заходящего солнца в контрасте с фиолетовым небом. Эпической монументальностью веет от образа старого Шикширги, изображенного на лоне родной земли. Образ выразительно точен в постижении и передаче народного духа эпоса.

На фронтисписе к Песни II «О том, как женился богатырь Улан Хонгор, Алый Лев», читатель видит первого богатыря Джангара, не самого сильного, но «самого доблестного, соединяющего в себе и ум, и отвагу, и честь» [Там же. С. 21]. Удлиненный лик Шикширги сменяется здесь округлым лицом молодого богатыря, его сына, написанного с загорелого широкоплечего каспийского рыбака. Присев на колени, Хонгор приставил к тетиве лука несколько стрел. На голове шлем с султаном павлиньих перьев, одет в стальные доспехи, за спиной — колчан со стрелами и меч: собранная, крепко сбитая фигура выражает молодой задор, готовность прийти на помощь, встать на защиту страны Бумбы. Хонгор на фронтисписе — воплощение строк из поэмы: он «забывает в сраженьях слово „назад“! И повторяет в сраженьях слово „вперед“!» За спиной богатыря к древку боевого знамени привязан его верный конь Оцол Кеке. Богатыря, сочетающего в себе 99 человеческих достоинств, осеняет полукруг радуги, перекинувшейся с одного берега степного озера на другой. Отметим, в иллюстрациях В. А. Фаворского новая родина ойратов-калмыков — «степь приволжская и прикаспийская часто пересиливала» [Там же. С. 23], тогда как исторические события эпоса происходят в Джунгарии и на Алтае. Фаворский не считал это ошибкой, и думаем, он поступал правильно. Своеобразный желто-серо-голубой цвет степи на цветных иллюстрациях объясняется тем, что степь он видел в июне, когда она была покрыта седой пылью, сменившей ярко-зеленую весеннюю зелень.

Каждому богатырю автор дает портретную характеристику, используя различные изобразительные средства. Во фронтисписе к Песни III «О подвигах богатыря Строгого Санала» художник крупным планом показывает могучую фигуру богатыря, сидящего на пиру у Зан-тайши. Его коренастая широкоплечая фигура не вмещается в рамку фронтисписа, что подчеркивает мощь и силу богатыря, пиалу которого с трудом поднимают 70 и 1 человек. Широко сидящий Санал, сотрясающийся в унижительном для врагов хохоте, как бы прижимает их маленькие темные фигуры к раме. Медное широкоскулое лицо его оттеняют иссиня-черные волосы Санала, рассказывающего о силе богатырей Бумбы.

Фронтиспис к Песни VI «О подвигах богатыря Савра Тяжелорукого» — статичная композиция. Савр, обиженный на слова Джангара, отличающего Хонгра

среди других богатырей Бумбы, собирается уехать от него. Вот как представляет его Фаворский: «Савр похож на нашего Илью и могучестью, и простотой. Так же как Илья, он обижается на нойона, но в беде выручает его» [Там же. С. 22]. В полный рост изображаются прекрасный и сильный конь, в нетерпении перебирающий ногами, и Савр, удерживающий его могучей рукой. Богатырь, обернувшийся в справедливом гневе к Джангару-богдо, одет в стальной панцирь, в левой руке он сжимает тяжелую секиру, ноги в красных сафьяновых сапогах широко поставлены. Насупленное темное лицо богатыря обрамлено шлемом с султаном. За его спиной — испуганно-сочувствующие лица людей. Фоном служит опаленная летним зноем степь. По небу мчатся серые и черные тучи, предвещающие грозу и подчеркивающие мятежное состояние героя.

Следующий фронтиспис посвящен Песни IX «О том, как Мингиян, первый красавец Вселенной, угнал десятитысячный табун пестро-желтых холощенных коней турецкого хана». В отличие от всех глав, фронтиспис помещается на левой стороне, справа — начальная полоса текста, отмеченная крупным инициалом. Образ Мингияна за игрой на ятхе мыслится в единстве с текстом, рассказывающим о нем. Фаворский изображает музыканта и певца лицом к строкам пусковой полосы текста, под звуки воображаемой музыки. Лирический сюжет подчеркивается особым положением персонажа в свите богатырей Джангара: преклонив колени, Мингиян перебирает струны ятхи. Нежное округлое лицо его задумчиво, он весь в мелодии, извлекаемой им. Изящество позы Мингияна, одетого в темно-синий парчовый бешмет, маленькие руки, иссиня-черные волосы, оттеняющие смуглый румянец, — таков внешний облик «первого красавца подлунного мира». Композиция трехпланова: на первом — любимец женщин Мингиян в интерьере кибитки, на втором — танцующие девушки; толпа женщин, привлеченных пением, образует задний план. Широко используется орнамент в изображении интерьера: им покрыты ковер, ятха, дверной проем. Скользящее чередование черных изгибающихся накосников-шивирлыков женщин, девичьих кос и складок платьев вносит в изображение камерной сцены своеобразный музыкальный ритм и колорит.

Галерею портретов богатырей замыкает образ луноликого Джангара-богдо в Песни XII «О поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю». В полном вооружении мчится он во весь опор на битву: на ветру развеваются плащ, волосы, собранные в косу, султан перьев на шлеме. Стремительному движению всадника вторят белые кучевые облака, гонимые степным ветром, колышущийся седой ковыль под копытами Аранзала. Колорит определяется тонко найденным сочетанием охристого с серо-голубым и белым.

Особенностью калмыцкого эпоса является любовное отношение героев к коню. Едва ли найдется еще

другой какой-либо эпос, где бы столько внимания и хвалебных сравнений было уделено коню, уходу за ним, его повадкам, его красоте, его боевым качествам [Джангар, 1940. С. 8].

Отметим, художник, несмотря на гиперболизм красочных описаний внешнего вида и исполинской силы богатырей, изображает их вполне земными людьми. Сказались непосредственные впечатления автора от поездки по республике и контактов с людьми, его необыкновенно последовательная приверженность натуре. Творческое осмысление этнической культуры, живое ощущение народа образуют высокий поэтический строй «Джангариады» В. А. Фаворского. Обозначаем этим словом не только доверенный иллюстративный ряд оформления, но и множество эскизов, рисунков, набросков, орнаментальных выкладок, ныне входящих в собрание Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и в частную коллекцию семьи Фаворских-Шаховских.

Впечатлениями и своими находками в знаменательной поездке «в народ» автор поделился в статье «Как я работал над „Джангаром“» [Фаворский, 1940. С. 20–25]. Обобщая важный для понимания принципов книжного оформления материал, график И. Д. Шаховской, внук художника, и публицист В. З. Церенов подготовили издание «Мир эпоса» к 550-летию калмыцкого эпоса «Джангар» [Мир эпоса, 1992]. В подготовке и проведении празднования принимала участие и его дочь М. В. Фаворская, художник-керамист, член всесоюзной юбилейной комиссии по проведению юбилея в 1990 г. В эстафете культурных связей нитью преемственности восстанавливается целостность искусства, связывая воедино традиции, приобщающие к художественному наследию. Об этом свидетельствует документ раннего этапа формирования изобразительного искусства Калмыкии — каталог «Юбилейной выставки, посвященной 500-летию великого эпоса калмыцкого народа „Джангар“», проникнутый духом эпического наследия, «генотонда» истории и культуры народа. Каталог издан в 1940 г. Управлением по делам искусств при Совнарком Калмыцкой АССР, Оргкомитетом Союза советских художников Калмыцкой АССР, Выставочным комитетом 1940 г. (см.: [Каталог, 1940], автор-составитель и редактор — художник И. С. Нусхаев).

Утрачены в депортации полотна талантливого живописца Ивана Нусхаева, которого С. Липкин назвал учеником В. А. Фаворского [Мир эпоса, 1992. С. 97], произведения калмыцких художников Лиджи Очирова, Сергея Хазыкова, Родиона Богославского, Николая Фатова. Трагичной была судьба Л. Э. Очирова и И. С. Нусхаева, погибших по доносу в НКВД [Художники Калмыкии, 2009]. Важно отметить, что задачу сохранения образной памяти предков И. С. Нусхаев связывал с необходимостью «учиться у мастеров русского искусства», чьи произведения послужили «толчком в творческом развитии калмыцких художников» в процессе «создания изобразительно-

го искусства нашей республики» [Каталог, 1940. С. 3–4]. Высказывания современника характеризуют вклад В. А. Фаворского в искусство Калмыкии.

В материале каталога выделены тематические направления произведений юбилейной выставки 1940 г. Образы богатырей, воплощающих национальные идеалы духовности, изображение их подвигов во имя народа органично дополнены портретами сказителей Анджуки Козаева, Давы Шавалиева, Мукебюна Басангова, Эренджена Самтонова. Основной эпической канвой экспозиции явились иллюстрации к эпосу «Джангар», созданные В. А. Фаворским и его коллегами. В экспозицию вошли полевые зарисовки и произведения калмыцких и столичных художников, представляющие жизнь довоенной республики. Всего около 200 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Количество и качество произведений, прошедших компетентный отбор комиссией во главе с В. А. Фаворским, свидетельствует о большой совместной и плодотворной работе художников [Каталог, 1940]. Описание ее приведено в отчетах Л. Аронова, Г. Ечеистова, Н. Аввакумова оргкомитету Союза художников СССР, указываемых И. И. Трошиным [Трошин, 1970. С. 67]. Результатом явилась юбилейная выставка 1940 г., сформированная из произведений профессионального уровня и сыгравшая важную роль в становлении искусства довоенной Калмыкии.

Обобщение. В тесных культурных контактах были расширены грани и границы творческой деятельности калмыцких и столичных художников. Искусство 1930-х гг., рожденное в приобщении к эпическому наследию, вобрало историю, быт и духовность народа. Насколько плодотворен был этот период, можно было судить по прошествии полувека на открытии экспозиции «Калмыкия глазами В. А. Фаворского» к 550-летию эпоса «Джангар» в залах Калмыцкой государственной картинной галереи в 1990 г. Выставка 150 произведений автора, созданных в 1939 г. в поездке по Калмыкии, была продолжена экспозицией «Школа В. А. Фаворского» [Батырева, 1990; 1991], представляющей реалистические основы русского изобразительного искусства в творчестве Г. А. Ечеистова, Н. Фаворского, В. К. Федяевской, Т. С. Козулиной, Н. В. Константинова, В. Фербера и Л. Мюльгаупта, восстановивших утраченный иллюстративный материал 1940 г. в издании калмыцкого эпоса «Джангар» 1958 г.

Графический цикл о Калмыкии, ее истории, людях и природе объединяет поэтический образ юной калмычки, стоящей у открытых дверей юрты, за ними простирается необозримая ширь Степи, объемлющей тысячелетия культуры номадов Евразии... Рисунок В. А. Фаворского символичен в понимании работы над эпосом, реализованной в глубинном вхождении в материал традиционного наследия. В создании цветных фронтисписов, выполненных темперой на левкасе, художник изобразил «портреты богатырей: жесткого, как старое дерево, Шикширги, изящного, обворожительного Мингияна, доблестного

Хонгора, разгневанного Савара Тяжелорукого, смеющегося Санала и луноликого нойона Джангара, скачущего на Аранзале... пытаюсь соединить реалистические тенденции со стиливыми чертами калмыцкого искусства» [Фаворский, 1940. С. 24]. Основы старокалмыцкой живописи и народного творчества выразительно прочитываются в орнаментальном декоре и изобразительном каноне буддизма, мастерски осмысленных в художественной трактовке эпоса.

В. А. Фаворский, несмотря на «невод с очень широкой ячейкой... из-за малого времени... первый художник со стороны, попав в эту страну, наоткрывал там всяких чудес», создал запоминающийся образ самобытной культуры. Как честный и требовательный к своему творчеству автор, он сомневается:

Может быть, придет время и кто-то меня трезво и с глубоким знанием дела покритикует, возможно, что я в каких-то деталях и ошибаюсь, но живое ощущение людей, их строя, их повадок, их своеобразной духовной и физической красоты дает мне уверенность, что в основном я прав [Фаворский, 1940. С. 25].

Сегодня мы, не претендуя на роль критика, о котором пишет В. А. Фаворский, оцениваем его творческую работу с пониманием и благодарностью. Мастер искренне, открытым сердцем и чуткой душой русского художника воспринял уникальное своеобразие культурного наследия народа, воздав должное в иллюстрациях, слагаемых в замечательную этническую картину мира. В обобщении анализа принципов книжного оформления эпоса «Джангар» и роли В. А. Фаворского в истории художественной культуры Калмыкии приходим к *выводам*:

— издание «Джангар», классический образец отечественной книжной графики, органично соединило традиции реалистического и калмыцкого искусства в отображении культурного наследия народа;

— во взаимосвязи эпического повествования и сюжетов изображения трактован текст в структуре издания, оформленного средствами книжного иллюстрирования. Особая роль отведена народному орнаменту и композиционным основам старокалмыцкой живописи в передаче мироощущения и ритма номадической культуры, её художественного образа;

— близко понят и зримо передан народный дух эпоса в мифопоэтической своеобразии калмыцкой культуры, создано подлинное произведение в синтезе литературы, графики и живописи, органично выраженном в художественной форме издания;

— в активном участии В. А. Фаворского в культурной жизни республики, пиком которой явилась юбилейная экспозиция к 500-летию эпоса «Джангар» 1940 г., в тесных контактах с калмыцкими художниками сформировано реалистическое начало профессионального искусства Калмыкии;

— в книжной иллюстрации В. А. Фаворского, представленной прекрасными образцами произведений мировой литературы, достойное место занимает эпос «Джангар», войдя в историю искусства Калмыкии.

«Джангариада» В. А. Фаворского, «овеществленный символ духовного наследия... став частью культурного достояния Калмыкии» [Мурина, 1992. С. 110–112], зримо восполняет обусловленную депортацией тринадцатилетнюю брешь в искусстве.

Фольклор объединил принципы книжного иллюстрирования и образно-стилевые поиски: пространство мировидения народа и автора сомкнулось в кросс-культурном взаимодействии художественных традиций.

Использованная литература

- Афасижев, 1983: *Афасижев М. Н.* Системно-исторический анализ искусства // Актуальные вопросы методологии современного искусствознания / ред. и сост. А. Я. Зис. М.: Наука, 1983. С. 159–180.
- Afasizhev M. N.* Sistemno-istoricheskii analiz iskusstva // Aktual'nyye voprosy metodologii sovremennogo iskusstvovznaniya / Red. i sost. A. Ya. Zis'. M.: Nauka, 1983. S. 159–180.
- Afasizhev M. N.* System-historical analysis of art // Actual problems of the methodology of contemporary art history / Ed. and comp. A. Ya. Zis. M.: Nauka, 1983. S. 159–180.
- Батракова, 2002: *Батракова С. П.* Искусство и миф: из истории живописи XX века. М.: Искусство, 2002. 215 с., ил.
- Batrakova S. P.* Iskusstvo i mif: iz istorii zhivopisi KHKH veka. M.: Iskusstvo, 2002. 215 s., il.
- Batrakova S. P.* Art and myth: from the history of painting of the twentieth century. Moscow: Art, 2002. 215 p., Ill.
- Батырева, 1990: *Батырева С. Г.* Калмыкия глазами В. А. Фаворского // Советская Калмыкия. К юбилею эпоса. О выставке В. Фаворского. 1990. 22 августа.
- Batyreva S. G.* Kalmykiya glazami V. A. Favorskogo // Sovetskaya Kalmykiya. K yubileyu eposa. O vystavke V. Favorskogo. 1990. 22 avgusta.
- Batyreva S. G.* Kalmykia through the eyes of V. A. Favorsky // Soviet Kalmykia. For the anniversary of the epic. About V. Favorsky's exhibition. 1990. August 22.
- Батырева, 1991: *Батырева С. Г.* Школа В. А. Фаворского // Известия Калмыкии. Выставки. О выставке московских художников круга В. Фаворского. 1991. 25 сентября.
- Batyreva S. G.* Shkola V. A. Favorskogo // Izvestiya Kalmykii. Vystavki. O vystavke moskovskikh khudozhnikov kruga V. Favorskogo. 1991. 25 sentyabrya.
- Batyreva S. G.* School of V. A. Favorsky // News of Kalmykia. Exhibitions. About the exhibition of Moscow artists from the circle of V. Favorsky. 1991. 25 September.
- Батырева, 2014: *Батырева С. Г.* Изобразительное искусство Калмыкии (1957–2000). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2014. 226 с.
- Batyreva S. G.* Izobrazitel'noye iskusstvo Kalmykii (1957–2000). Elista: Kalmytskiy institut gumanitarnykh issledovaniy RAN, 2014. 226 s.
- Batyreva S. G.* Fine arts of Kalmykia (1957–2000). Elista: Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS, 2014. 226 p.
- Батырева, 2018: *Батырева С. Г.* Эпос и художник: в поисках архетипа // Научное наследие И. И. Соктоевой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию И. И. Соктоевой (Улан-Удэ, 26–30 июня 2018 г.) / науч. ред. Б. Ц. Гомбоев; отв. ред. Т. И. Кочева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2018 (232 с.: ил.). С. 130–139.
- Batyreva S. G.* Epos i khudozhnik: v poiskakh arkhetaipa // Nauchnoye naslediyе I. I. Soktoeyevoy v svete aktual'nykh problem sovremennogo izobrazitel'nogo iskusstva: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu I. I. Soktoeyevoy (Ulan-Ude, 26–30 iyunya 2018 g.) / nauch. red. B. Ts. Gomboev; отв. red. T. I. Kocheva. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2018 (232 s.: il.). S. 130–139.
- Batyreva S. G.* Epos and the artist: in search of an archetype // Scientific heritage of I. I. Soktoeva in the light of current problems of contemporary fine arts: materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of I. I. Soktoeva (Ulan-Ude, June 26–30, 2018) / scientific. ed. B. Ts. Gomboev; отв. ed. T. I. Kocheva. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2018 (232 p.: Ill.). S. 130–139.
- Батырева, 2020: *Батырева С. Г.* Узорная стежка ткани и войлока: к вопросу генезиса орнаментального декора (на материале экспонатов Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН). Текст : электронный // Наследие веков. 2020. 1. С. 147–161. <https://doi.org/10.36343/SB.2020.21.1.013>
- Batyreva S. G.* Uzornaya stezhka tkani i voyloka: k voprosu genezisa ornamental'nogo dekora (na materiale ekspozatsiy Muzeya imeni Zaya-pandity Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN). Tekst : elektronnyy // Naslediyе vekov. 2020. 1. S. 147–161. <https://doi.org/10.36343/SB.2020.21.1.013>
- Batyreva S. G.* Uzornaya stezhka tkani i voyloka: k voprosu genezisa ornamental'nogo dekora (na materiale ekspozatsiy Muzeya imeni Zaya-pandity Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN) // Naslediyе vekov. 2020. 1. S. 147–161. <https://doi.org/10.36343/SB.2020.21.1.013>
- Batyreva S. G.* Patterned stitching of fabric and felt: on the genesis of ornamental decor (based on the exhibits of the Museum named after Zaya Pandita of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) // Heritage of the centuries. 2020. 1. P. 147–161. <https://doi.org/10.36343/SB.2020.21.1.013>
- Бернштейн, 1987: *Бернштейн Б. М.* Пространственные искусства как феномен культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 135–142.
- Bernshteyn B. M.* Prostranstvennyye iskusstva kak fenomen kul'tury // Iskusstvo v sisteme kul'tury / Sost. i отв. red. M. S. Kagan. L.: Nauka, 1987. S. 135–142.
- Bernshteyn B. M.* Spatial arts as a cultural phenomenon // Art in the system of culture / Comp. and отв. ed. M. S. Kagan. L.: Nauka, 1987. P. 135–142.
- Владимир Андреевич Фаворский, 1986: Владимир Андреевич Фаворский. Каталог. Выставка к 100-летию со дня рождения. Авторы статей Е. С. Левитин, В. Б. Эльконин, В. Н. Вакидин, И. В. Голицын. М.: Московская организация Союза художников РСФСР, 1986. 127 с.
- Vladimir Andreyevich Favorskiy. Katalog. Vystavka k 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Avtory statey Ye. S. Levitin,

V. B. El'konin, V. N. Vakidin, I. V. Golitsyn. M.: Moskovskaya organizatsiya Soyuz khudozhnikov RSFSR, 1986. 127 s.

Vladimir Andreevich Favorsky. Catalog. Exhibition dedicated to the 100th anniversary of the birth. The authors of the articles are E. S. Levitin, V. B. Elkonin, V. N. Vakidin, I. V. Golitsyn. M.: Moscow organization of the Union of Artists of the RSFSR, 1986. 127 s.

Восток, 1982: Восток в творчестве народного художника СССР Владимира Андреевича Фаворского. Сборник материалов и каталог выставки / сост. Н. В. Апчинская. М.: Советский художник, 1982. 39 с.

Vostok v tvorchestve narodnogo khudozhnika SSSR Vladimira Andreyevicha Favorskogo. Sbornik materialov i katalog vystavki / Cost. N. V. Archinskaya. M.: Sovetskiy khudozhnik, 1982. 39 s.

East in the works of People's Artist of the USSR Vladimir Andreevich Favorsky. Collection of materials and exhibition catalog / Comp. N. V. Archinskaya. M.: Soviet artist, 1982. 39 p.

Джангар, 1940: Джангар. Калмыцкий народный эпос. М.: Худож. лит., 1940. 338 с.

Dzhangar. Kalmytskiy narodnyy epos. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1940. 338 s.

Dzhangar. Kalmyk folk epic. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1940. 338 p.

Джангар, 1958: Джангар. Калмыцкий народный эпос. М.: Худож. лит., 1958. 340 с.

Dzhangar. Kalmytskiy narodnyy epos. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1958. 340 s.

Dzhangar. Kalmyk folk epic. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1958. 340 p.

Ефимов, 1977: *Ефимов И. С.* Об искусстве и художниках. Художественное и литературное наследие / сост. А. Б. Матвеева, А. И. Ефимов. М.: Советский художник, 1977. 422 с.

Yefimov I. S. Ob iskusstve i khudozhnikakh. Khudozhestvennoye i literaturnoye nasledie / Sost. A. B. Matveyeva, A. I. Yefimov. M.: Sovetskiy khudozhnik, 1977. 422 s.

Efimov I. S. About art and artists. Artistic and literary heritage / Comp. A. B. Matveeva, A. I. Efimov. M.: Soviet artist, 1977. 422 p.

История Калмыкии, 2009: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: ГУ ИД «Герел», 2009.

Istoriya Kalmykii s drevneyshikh времен do nashikh дней: v 3 t. T. 3. Elista: GU «Izdatel'skiy dom „Gerel“», 2009.

History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes. Vol. 3. Elista: GU «Publishing House „Gerel“», 2009.

Каган, 1980: *Каган М. С.* Системный подход к комплексному изучению искусства / Методологические проблемы современного искусствознания: сб. Вып. 3. Л., 1980. С. 44–52.

Kagan M. S. Sistemnyy podkhod k kompleksnomu izucheniyu iskusstva / Metodologicheskiye problemy sovremennogo iskusstvoznaniya: sb. Vyp. 3. L., 1980. S. 44–52.

Kagan M. S. A systematic approach to the comprehensive study of art / Methodological problems of contemporary art history. Collection. Issue 3. L., 1980. S. 44–52.

Каган, 1987: *Каган М. С.* Искусство как феномен культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган / Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С. 6–22.

Kagan M. S. Iskusstvo kak fenomen kul'tury / Cost. i отв. red. M. S. Kagan / Iskusstvo v sisteme kul'tury. L.: Nauka, 1987. S. 6–22.

Kagan M. S. Art as a cultural phenomenon / Comp. and отв. ed. M. S. Kagan / Art in the system of culture. L.: Nauka, 1987. S. 6–22.

Каган, Хилтухина, 1987: *Каган М. С., Хилтухина Е. Г.* Методологические принципы изучения взаимоотношения художественных культур Запада и Востока / Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С. 176–180.

Kagan M. S., Khiltukhina Ye. G. Metodologicheskiye printsipy izucheniya vzaimootnosheniya khudozhestvennykh kul'tur Zapada i Vostoka / Iskusstvo v sisteme kul'tury. L.: Nauka, 1987. S. 176–180.

Kagan M. S., Khiltukhina E. G. Methodological principles of studying the relationship of art cultures of the West and the East / Art in the system of culture. L.: Nauka, 1987. S. 176–180.

Каталог, 1940: Юбилейная выставка, посвященная 500-летию великого эпоса калмыцкого народа «Джангар»: живопись, скульптура, графика: каталог выставки / Упр. по делам искусств при Совнарком Калм. АССР, Оргком. Союза советских художников Калм. АССР, Выставочный ком. ред. И. С. Нусхаев. Элиста, 1940. 15 с.

Iubileinaia vystavka, posviashchennaia 500-letiiu velikogo eposa kalmytskogo naroda «Dzhangar»: zhivopis', skulptura, grafika: katalog vystavki / Upr. po delam iskusstv pri Sovnarcome Kalm. ASSR, Orgkom. Soiuza sovetskikh khudozhnikov Kalm. ASSR, Vystavochnyi kom. red. I. S. Nuskhayev. Elista, 1940. 15 s.

Jubilee exhibition dedicated to the 500th anniversary of the great epic “Dzhangar” of the Kalmyk people: painting, sculpture, graphics: exhibition catalog / Ex. on arts affairs under the Council of People's Commissars Kalm. ASSR, Organizing Committee. Union of Soviet Artists Kalm. ASSR, Exhibition comm. ed. by I. S. Nuskhayev. Elista, 1940. 15 p.

Мир эпоса, 1992: Мир эпоса. О работе В. А. Фаворского над «Джангаром» и его поездке в Калмыкию / сост. В. З. Церенов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 127 с., ил.

Mir eposa. O rabote V. A. Favorskogo nad «Dzhangarom» i yego poyezdke v Kalmykiyu / Sost. V. Z. Tserenov. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1992. 127 s., il.

The world of the epic. About V. A. Favorsky's work on “Dzhangar” and his trip to Kalmykia / Comp. V. Z. Tserenov. Elista: Kalmyk book publishing house, 1992, 127 p., Ill.

Мурина, 1992: *Мурина Е. Б.* Живое ощущение эпоса // Мир эпоса. О работе В. А. Фаворского над «Джангаром» и его поездке в Калмыкию. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. С. 107–114.

Murina Ye. B. Zhivoye oshchushcheniye eposa // Mir eposa. O rabote V. A. Favorskogo nad «Dzhangarom» i yego poyezdke v Kalmykiyu. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1992. S. 107–114.

Murina E. B. Living sensation of the epic // World of the epic. About the work of V. A. Favorsky over "Dzhangar" and his trip to Kalmykia. Elista: Kalmyk book publishing house, 1992. S. 107–114.

НАРК: НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 94. Л. 29–32; Д. 508. Л. 35; Д. 175. Л. 13, 16–17.

ON RK. F. R-131. Op. 1. D. 94. L. 29–32; D. 508. L. 35; D. 175. L. 13, 16–17.

National Archive of Republic of Kfmykia. Fund. R-131. Inventory. 1. Unit 94. P. 29–32; Unit 508. P. 35; Unit. 175. P. 13, 16–17.

Неклюдов, 1972: *Неклюдов С. Ю.* Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве. Ранние формы искусства: сб. ст. М.: Наука, 1972. С. 191–219.

Neklyudov S. Yu. Osobennosti izobrazitel'noy sistemy v doliteraturnom povestvovatel'nom iskusstve. Ranniye formy iskusstva. Sb. statey. M.: Nauka, 1972. S. 191–219.

Neklyudov S. Yu. Features of the visual system in pre-literary narrative art. Early art forms. Sat. articles. Moscow: Nauka, 1972. S. 191–219.

Островский, 1974: *Островский Г.* Гравюры Джангариады // Теегин герл. Элиста, 1974. 4. С. 142–146.

Ostrovskiy G. Gravyury Dzhangariady // Teegin gerl. Elista, 1974. 4. S. 142–146.

Ostrovsky G. Dzhangariad engravings // Teegin girl. Elista, 1974. 4. P. 142–146.

Пюрбеев, 1993: *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.

Pyurbeyev G. Ts. Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk (Ethnolingvisticheskiye etyudy). Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 128 s.

Pyurbeyev G. Ts. Epic "Dzhangar": culture and language (Ethnolinguistic studies). Elista: Calm. book publishing house, 1993. 128 p.

Трошин, 1970: *Трошин И. И.* Очерки изобразительного искусства Калмыкии. Волгоград: Волгоградская правда, 1970. 121 с., ил.

Troshin I. I. Ocherki izobrazitel'nogo iskusstva Kalmykii. Volgograd: Volgogradskaya pravda, 1970. 121 s., il.

Troshin I. I. Essays on the fine arts of Kalmykia. Volgograd: Volgogradskaya Pravda, 1970. 121 p., Ill.

Фаворский, 1940: *Фаворский В. А.* Как я работал над Джангаром // Детская литература. М.: Молодая гвардия, 1940. 5. С. 20–25.

Favorskiy V. A. Kak ya rabotal nad Dzhangarom // Det-skaya literatura. M.: Molodaya gvardiya, 1940. 5. S. 20–25.

Favorsky V. A. How I worked on Dzhangar // Children's literature. M.: Molodaya gvardiya, 1940. 5. P. 20–25.

Фаворский, 1961: *Фаворский В. А.* О графике как об основе книжного искусства // Искусство книги. Вып. 2. М.: Искусство, 1961. С. 61.

Favorskiy V. A. O grafike, kak ob osnove knizhnogo iskusstva // Iskusstvo knigi. Vyp. 2. M.: Iskusstvo, 1961. S. 61.

Favorsky V. A. On graphics as the basis of book art // Art of the book. Issue 2. Moscow: Art, 1961. P. 61.

Фаворский, 1965: *Фаворский В. А.* Рассказы художника-гравера. М.: Дет. лит., 1965. С. 56.

Favorskiy V. A. Rassказы khudozhnika-gravera. M.: Det-skaya literatura, 1965. S. 56.

Favorsky V. A. Stories of an engraver artist. M.: Children's literature, 1965. P. 56.

Фаворский, 1966: *Фаворский В. А.* О художнике, о творчестве, о книге [Текст] / [Сост. и авт. вступ. ст. Е. С. Левитин]. М.: Молодая гвардия, 1966. 127 с.

Favorskiy V. A. O khudozhnike, o tvorchestve, o knige [Tekst] / [Cost. i avt. vstup. stat'i Ye. S. Levitin]. M.: Molodaya gvardiya, 1966. 127 s.

Favorsky V. A. About the artist, about creativity, about the book [Text] / [Comp. and ed. entry articles by E. S. Levitin]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1966. 127 s.

Фаворский, 1971: *Фаворский В. А.* Образ в пространственном и словесном искусстве // Декоративное искусство СССР. 1971. № 9. С. 20.

Favorskiy V. A. Obraz v prostranstvennom i slovesnom iskusstve // Dekorativnoye iskusstvo SSSR. 1971. № 9. S. 20.

Favorskiy V. A. Image in spatial and verbal art // Decorative art of the USSR. 1971. No. 9. S. 20.

Фаворский, 1990: *Фаворский В. А.* в Калмыкии. Альбом репродукций / сост. И. Г. Ковалев. Элиста: Калмыцкая государственная картинная галерея, 1990.

Favorskiy V. A. v Kalmykii. Al'bom reproduksiy / Sost. I. G. Kovalev. Elista: Kalmytskaya gosudarstvennaya kartinnaya galereya, 1990.

Favorsky V. A. in Kalmykia. Album of reproductions / Comp. I. G. Kovalev. Elista: Kalmyk State Picture Gallery, 1990.

Художники Калмыкии, 2009: *Художники Калмыкии:* [альбом] / [фото: Н. Б. Бошев, С. С. Онтаева, Н. Карацева]. Элиста: Джангар, 2009. 158 с.

Khudozhniki Kalmykii: [al'bom] / [foto: N. B. Boshev, S. S. Ontaeva, N. Karatseva]. Elista: Dzhangar, 2009. 158 s.

Artists of Kalmykia: [album] / [photo by: N. B. Boshev, S. S. Ontaeva, N. Karatseva]. Elista: Dzhangar, 2009. 158 p.

Церенов, 1988: *Церенов В. З.* В. А. Фаворский в работе над «Джангаром» // Альманах библиофила. Вып. 24. Книга Монголии. М.: Книга, 1988. С. 284–292.

Tserenov V. Z. V. A. Favorskiy v rabote nad «Dzhangarom» // Al'manakh bibliofila. Vyp. 24. Kniga Mongolii. Moskva: Kniga, 1988. S. 284–292.

Tserenov V. Z. V. A. Favorsky during his work on "Dzhangar" // Almanac of the bibliophile. Issue 24. Book of Mongolia. Moscow: Kniga, 1988. P. 284–292.

Червоная, 1978: *Червоная С. М.* Живопись автономных республик РСФСР (1917–1977). М.: Искусство; Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразительных искусств АХ СССР, 1978. 208 с., ил.

Chervonnaya S. M. Zhivopis' avtonomnykh respublik RSFSR (1917–1977). M.: Iskusstvo; Nauchno-issledovatel'skiy institut teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv AKH SSSR, 1978. 208 s., il.

Chervonnaya S. M. Painting of the autonomous republics of the RSFSR (1917–1977). Moscow: Art; Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Academy of Arts of the USSR, 1978. 208 p., Ill.

Эткинд, 1987: *Эткинд А. М.* Искусство как самосознание культуры / Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 85–92.

Etkind A. M. Iskusstvo kak samosoznaniye kul'tury / Iskusstvo v sisteme kul'tury / Sost. i otv. red. M. S. Kagan. L.: Nauka, 1987. S. 85–92.

Etkind A. M. Art as self-awareness of culture / Art in the system of culture / Comp. and otv. ed. M. S. Kagan. L.: Nauka, 1987. S. 85–92.

Юбилейная, 1940: Юбилейная выставка, посвященная 500-летию великого эпоса калмыцкого народа «Джангар»: живопись, скульптура, графика. Каталог выставки / Упр. по делам искусств при Совнарком Калм. АССР. Оргкомитет Союза советских художников Калм. АССР. Выставочный комитет; ред. и автор вступ. статьи И. Нухаев. Элиста: Тип. № 1 НКМП, 1940. 16 с.

Yubileynaya vystavka, posvyashchennaya 500-letiyu velikogo eposa kalmytского народа «Dzhangar»: zhivopis', skulptura, grafika. Katalog vystavki / Uprav. po delam iskusstv pri Sovnarkome Kalm. ASSR. Orgkomitet Soyuza Sovetskikh Khudozhnikov Kalm. ASSR. Vystavochnyy komitet; red. i avtor vstup. stat'i I. Nuskhayev. Elista: Tip. № 1 NKMP, 1940. 16 s.

Jubilee exhibition dedicated to the 500th anniversary of the great epic of the Kalmyk people “Dzhangar”: painting, sculpture, graphics. Exhibition catalog / Manage. on arts affairs under the Council of People's Commissars Kalm. ASSR. Organizing Committee of the Union of Soviet Artists Kalm. ASSR. Exhibition Committee; ed. and the author entered. articles by I. Nuskhayev. Elista: Type. No. 1 NKMP, 1940. 16 p.

Яковлева, 1972: Яковлева Л. В. Художники Калмыцкой АССР. Л.: Художник РСФСР, 1972. 22 с., 17 л. с ил.

Yakovleva L. V. Khudozhniki Kalmytskoy ASSR. L.: Khudozhnik RSFSR, 1972. 22 s., 17 l. s il.

Yakovleva L. V. Artists of the Kalmyk ASSR. L.: Artist of the RSFSR, 1972. 22 p., 17 p. with silt.

Список сокращений

НАРК — БУ РК «Национальный архив» (г. Элиста, Республика Калмыкия, РФ)

Svetlana G. Batyreva

“Dzhangariada” by V. A. Favorsky in the history of fine art of Kalmykia in the 1930s and 1940s XX century

The art of Kalmykia, considered as a part of the pre-war culture of the 1930s — early 1940s. is slightly studied. It is perceived as a unique phenomenon, preserving at the initial stage of formation artistic traditions — graphic and oral folk art. The development of the epic heritage by expressive means of domestic book graphics is the subject of the research. Aim and tasks: analysis of the Kalmyk period of creative life of the outstanding master V. A. Favorsky, associated with the decoration of the heroic epic “Dzhangar”. The material of study is the art-edition of “Dzhangar” (1940), prepared for the 500th anniversary of the Kalmyk folk epos, as well as works by V. A. Favorsky created in Kalmykia in the 1939–1940s. The methodology for the study of the art of book illustration is expressed in a culturological approach that explains the development of the artistic process in social relations “culture — personality — art”. In the analysis of art, it is important to rely on a fundamental understanding of culture as a way of being of a person, art as a “figurative model” and “self-awareness” of culture. The analysis of the artistic process of book illustration in the relationship of the epic, artist and traditions is implemented in the synthesis of methods of history, art history, cultural studies. They caused a complex interdisciplinary study of the experience of V. A. Favorsky in arranging the artistic traditions of Kalmykia (epic heritage, folk arts and crafts and compositional foundations of old Kalmyk art) in the field of book illustration.

Key words: Kalmykia, “Dzhangar” epics, V. A. Favorsky, art, graphics, traditions.

Svetlana G. Batyreva — D. Sc. (Art History), Leading Researcher of the Department of Ethnology, Archeology and Anthropology of at the Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista, 358000, Russia).
sargerel@mail.ru

И. Р. Гарри

Святые места Нгаба: по материалам экспедиции 2017 г. *

© И. Р. Гарри, 2021
DOI 10.25882/j3yv-yd08

В статье излагаются результаты экспедиции 2017 г. в Тибетский автономный округ Нгаба-Цян провинции Сычуань КНР. Приводится описание столицы округа пос. Баркам, уездного центра пос. Нгаба, бонских монастырей Баркам и Нанчик-гонпа, Кирти-гонпа школы гелукпа и Сэтенлинг-гонпа школы джонанга, описывается религиозная ситуация в округе.

Ключевые слова: Нгаба Цян — тибетский автономный округ, провинция Сычуань, бон, Кирти-гонпа, Сэтенлинг-гонпа.

Гарри Ирина Регбиевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел философии, культурологии и религиоведения. ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).
irina.garri@imbt.ru

В июле 2017 г. небольшая экспедиция в составе Ирины Гарри и Дмитрия Гармаева посетила Нгаба-Цян Тибетский автономный округ провинции Сычуань. Ее целью было исследование сакральных мест региона и знакомство с религиозной ситуацией в округе. Данная статья представляет собой описание мест экспедиции, основанное на материалах и дневнике экспедиции.

Тибетский автономный округ Нгаба-Цян представляет собой административную единицу в форме автономии, в которой компактно проживают тибетцы *гьяронг* и *нгаба*, значительно отличающиеся друг от друга антропологически и культурно. 12 июля мы прибыли в первый пункт нашей экспедиции — городок Баркам, столицу округа. Баркам расположен в узком горном ущелье вдоль берегов реки Сомо (кит. *Цзяомуцзу*). Здесь проживают тибетцы *гьяронг*. Они говорят на архаичном диалекте *цян*, не понятном ни тибетцам амдосцам к северу от них, ни тибетцам *кхампа* к западу. Их одежда также сильно отличается от тибетской. Женщины носят оригинальный головной убор в виде куска черной плотной ткани с козырьком, украшенным разноцветной вышивкой (в празд-

ники — серебром и инкрустацией камнями) и подвязанной к нему искусственной косой, а также своеобразные ремни и вышитые фартуки. Мужчины в основном носят обычную китайскую одежду, лишь некоторые одеты в традиционный суконный халат, значительно отличающийся от тибетской *чупы*. Гьяронцы сохранили уникальный образ жизни и культуру. Здесь развитое сельское хозяйство, мягкий климат, богатые флора и фауна. Особенно привлекает сельская архитектура с каменными домами-крепостями и сторожевыми башнями — остатками древней культуры *цянов*. Регион отличает и то, что его население сохранило религию бон, а также красношапочные традиции *ньингма*, *сакья* и даже *джонанг*, которые в XVIII в. наставник императора Цяньлуна гонлунский лама Джанджа-хутухта Ролви Дордже (1717–1786) пытался с помощью маньчжурских штыков трансформировать в *гелукту* [Guirme Dorje, 2009. P. 784]. Всего в уезде Баркам около сорока монастырей разных традиций, многие располагаются в живописных горных местах.

Первым пунктом нашего посещения в Баркаме был одноименный монастырь на вершине горы, примыкающей к городку по его центру. Он состоит из двух храмов, один — бонский, другой — гелупинский. В бонском храме мы познакомились с настоятелем храма Юнчик-тулку Шераб Намдаком. Он рассказал нам, что Баркам означает место воскурения лампад, бонская религия пришла в эти края из древнего царства Шаншунг, что в Западном Тибете.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии с периода распространения буддизма до современности (Россия — XVIII–XXI вв.; Китай — II–XXI вв.; Тибет — VII–XXI вв.; Монголия — XVI–XXI вв.)».

Кроме того, он угостил нас вегетарианским обедом и дал машину с шофером, чтобы мы посетили бывшую резиденцию местного князя *тусы*. Она находится в

восьми км от городка в очень живописном месте, напоминающем Швейцарию. Резиденция князя тоже оказалась под стать европейским замкам.

Поселок Баркам

Сторожевые башни Гьяронга

На следующий день, 13 июля, мы отправились в уезд Нгаба, который в течение долгого времени был закрыт для иностранцев. От Баркама до Нгаба 248 км, нужно ехать на рейсовом автобусе часов шесть. Чисто гьяронско-кхамский пейзаж с высокими горами, покрытыми густыми лесами, и глубокими речными долинами сменился высокогорной альпийской местностью. Нгаба — регион Амдо, страна высокогорных пастбищ и традиционного тибетского земледелия. Уездный городок Нгаба (население приблизительно 20 тыс.) достаточно большой, построен в стиле восточно-тибетских населенных пунктов с несколькими улицами и двух- и трехэтажными домами. В кхамских городках, расположенных, как правило, в глубоких ущельях, по центру течет быстрая горная река, вдоль которой вытянуты две главные улицы. В Амдо же на ровном месте равнины строится поселок с улицами крест-накрест, как будто расчерченными по линейке. Подобно другим провинциальным поселениям Китая, первые этажи домов в городе заняты лавками с ширпотребом, рестораниками, вестибюлями гостиниц и пр. В целом Нгаба представляет собой типичный уездный городок провинциального масштаба с легким местным колоритом. При этом он является важным торговым центром Амдо, находясь близ пересечения трех провинций — Сычуани, Цинхая и Ганьсу. В Нгаба до-

бывается золото, до запрета в 1998 г. вырубки леса здесь интенсивно развивалась лесная промышленность.

Очень примечательны окрестности Нгаба. Как только мы заселились в гостиницу, к нам навстречу по рекомендации Юнчик-тулку из монастыря Нанчик-гонпа (кит. *Ланъисы*) прибыл бонский монах Джаме, своей колоритной фигурой, высоким ростом и мощной комплекцией напоминающий буддийского воина-монаха из анимэ. Сначала он повез нас на смотровую площадку, находящуюся на вершине близлежащей горы. С нее открывался великолепный вид на равнинный городок в окружении округлых гор, покрытых яркой зеленью. Со всех сторон городка на холмистых горах раскинулись многочисленные монастыри, сверкающие золотыми крышами. В самом городке возвышаются золотые крыши внушительных строений гелукпинского монастыря Кирти-гонпа и джонанпинского Сэтенлинг-гонпа. Тут и там раскинуты маленькие деревушки из десятков домов. Они совсем не похожи на дома-крепости Гьяронга и Кхама, но не лишены своеобразного очарования. Глинобитные трапециевидные, из двух этажей, они обнесены высокой глинобитной стеной. Рядом с домами на небольших полях колосится ячмень. Все это вместе представляет исключительно живописный сельский ландшафт.

Вид на поселок Нгаба со смотровой площадки

Следующим пунктом нашего посещения был бонский монастырь Нанчиг-гонпа (кит. Ланъисы), основанный Нанчик Лодро Гьяцо в 1107 г. В 1754 г. этот монастырь был заново отстроен. Потомки основателя до сих пор являются держателями его трона. Это большой монастырь с внушительным цогченом — храмом коллективных молебствий, обходом против часовой стрелки, вместо Будды Шакьямуни в центре бонский Будда — Тонпа Шенраб, стены покрыты

фресками бонских защитников, снаружи много изображений свастики. Хотя монастырь весьма впечатляет своим размахом, великолепием построек, расположением в красивой местности, это все исключительно новые постройки. Старый монастырь был полностью разрушен в период культурной революции, новый же построен только после 1980-х гг. В монастыре около 700 монахов, но мы видели всего нескольких, остальные уехали на лето.

Джаме-лама и вид на монастырь Нанчиг-гонпа

Далее мы поехали на священную гору монастыря. Там находилось типичное для Тибета *обо* с воткнутыми шестью, были раскинута белые палатки, на траве расстелены ковры, на которых сидели бонские монахи. В центре восседал дхармараджа бон — Нанчик-чжамгон. Он пригласил нас к себе, и мы пообщались с ним минут 40, было разрешено включить диктофон. Нанчик-чжамгон, молодой человек лет 30, очень хорошо говорящий по-китайски, охотно и доходчиво стал рассказывать о религии бон и ее истории. По всему видно, что у него есть китайские ученики и хороший опыт изложения учения в доступной форме. Он рассказал, что в бон главный Будда — Тонпа Шенраб, что это учение пришло из области Нгари Западного Тибета, что оно подвергалось гонениям, что в боне существует девять колесниц, три вида тантр — внешние, внутренние и Великое совершенство *дзогчен*. На мой взгляд, его рассказ очень близко соотносится с учениями школ *ньингмапа* и *дзогчен* [Гарри, 2003], за исключением изначального будды, свастики и обхода против часовой стрелки.

По словам Нанчик-чжамгона, сейчас в Тибете остались две традиции — новый бон и старый бон. При чем Нанчик-гонпа относил свой монастырь к старой школе Юндрун бон. В XIX в. школа не присоединилась к экуменическому движению, направленному на сближение с буддийскими традициями. Тем не менее учение школы в изложении ее иерарха вполне соотносилось с доктринами буддийских школ *ньингмапа* и *дзогчен*.

На соседней горе расположился другой бонский монастырь — новой традиции. Ранее два монастыря были не в ладах друг с другом, но сейчас, похоже, все традиции весьма мирно уживаются. Вполне очевидно, что бон продолжает трансформироваться и вбирать в себя уже черты школы гелукпа с ее институтом монашества и системой диспутов. Согласно исследователю тибетских монастырей Гьюрме Дордже, монахи Нанчик-гонпа хорошо сведущи в диалектике, составлении трактатов и декоративном искусстве [Gyurme Dorje, 2009. P. 780]. Мне кажется поэтому, что бон — не столько возвращение к исто-

кам, сколько очередная трансформация. Впрочем, этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Это мое первое посещение бонских монастырей в Восточном Тибете. Примечательно, что накануне отъезда в экспедицию я познакомилась через фэйсбук с известным ученым, тибетцем Самтен Кармаем, тогда ему исполнилось 80 лет, и с тех пор мы находимся с ним в переписке, он помогает мне с тибетскими текстами. Он — ученый, бонский монах-геше родом из Сунпани в Амдо, с первой волной эмиграции бежал из Тибета. На заре тибетологических исследований на Западе известный ученый Дэвид Снелгроув выбрал трех тибетских монахов, чтобы они помогали ему с переводом тибетских текстов. Среди них только Самтен Кармай смог стать признанным на Западе ученым, профессором многих престижных университетов. К числу его многочисленных работ принадлежат такие блестящие труды, как «Тайные видения 5-го Далай-ламы» [Karney, 1991], «Великое совершенство: философское и ме-

дитативное учение тибетского буддизма» [Karney, 2007a], «Бон, магия слова: автохтонная религия Тибета» [Karney, 2007b] и многие другие. Не так давно вышел его перевод автобиографии V Далай-ламы [Karney, 2014]. Согласно его точке зрения, буддизм в Амдо является относительным новопришельцем. До буддизма в Амдо была распространена религия бон и старая бесписьменная традиция, которая скрепляла национальную идентичность тибетцев. Это культ предка-божества, который живет в местных горах. Недаром многие горы Амдо имеют в своем названии слово *мnye* — отец, как, например, главная священная гора Амдо — Амnye Мачен. Буддизм был не в состоянии искоренить эти верования и постарался ассимилировать их в свой пантеон в качестве защитников религии. Каждый год жители Амдо совершают ритуал поклонения местным горам, что позволяет им сохранять местную идентичность, обеспечивать порядок в роду и племени [Karney, 2009].

Озеро у склона священной горы Ньенбо Юрце

На следующий день, 14 июля, мы отправились с нашим Джаме-ламой к хребту Ньенбо Юрце (5933 м) — главному священному месту южного Голока, который считается местом происхождения голокских племен. Хребет имеет 15 пиков свыше 5000 м. Существует два священных обхода, *кора* или *гороо*, 10- или 15-дневный внешний и 6-дневный внутренний. Хре-

бет Ньенбо Юрце находится на стыке Сычуани и Цинхая, и к нему можно подъехать с обеих сторон. По словам Джаме-ламы, к горе лучше было подъехать со стороны Цинхая, так как там будто бы лучше вид. К сожалению, оказалось, что цинхайская сторона была лучше только оснащением туристической инфраструктуры. Гора не произвела того впе-

чатления, на которое я надеялась. Например, Амnye Мачен (6282 м) — прародина Голук, обитель божества покровителя бон и буддизма Мачен Помра, которую мы посетили три года назад, произвела на нас гораздо большее впечатление. Там на священном месте поклонения царила глубочайшая религиозная атмосфера, паломники совершали *гороо*, молились, совершали ритуалы, возжигали можжевельник, пели, кричали. Здесь же все пространство у подножия горы превращено в туристический аттракцион с толпами китайских туристов, тибетских паломников там практически нет, как, соответственно, нет никакой ритуальной деятельности. Сама гора очень красивая, наверху снежная вершина, у подножия изумрудное озеро, вокруг которого толпятся и фотографируются туристы. Мы пробыли там довольно долго, так как один из бонцев решил совершить *гороо* вокруг озера.

Следующий день, 15 августа, был посвящен монастырю Кирти-гонпа. Этот монастырь был основан в 1472 г. учеником Цонкапы — Ронгпа Ченагпа, в 1693 г. преобразован в филиал монастыря Кирти в Такцанг Лхамо. К 1840 г. он перерос материнский монастырь, сейчас это самый большой монастырь в Нгаба, в нем примерно 3000 монахов, около 30 пере-рожденцев *тулку*. В первой половине дня мы сделали полное *гороо* вокруг монастыря, Дмитрий прокрутил все бесчисленные молитвенные барабаны. Отличительной особенностью Кирти-гонпа является то, что через каждые десять или двадцать барабанов идет небольшая комнатка с огромным, чуть ли не до потолка, барабаном, который тоже надо расклучи-

вать. В комнатках с большими барабанами везде висят большие портреты Далай-ламы и Кирти Ценжаба Ринпоче XII, главного ламы Нгаба. Кирти Ринпоче живет в Индии, занимал разные посты в правительстве Далай-ламы, является непримиримым критиком китайского правительства. С осуждением политики Китая в Тибете выступал на различных международных трибунах, в том числе в ООН.

Приверженность амдосцев Кирти Ринпоче не знает границ. Его портретами наряду с портретами Его Святейшества увешаны все храмы и уголки монастыря, а также все места Нгаба вплоть до рейсовых автобусов. По этой причине уезд признается китайским правительством как самый нестабильный регион Восточного Тибета, в котором часто происходят антикитайские волнения. Монах монастыря Кирти-гонпа по имени Тапэй в 2009 г. положил начало тибетским самосожжениям, коих на сегодня насчитывается уже более 150, и самое большое их количество приходится на этот монастырь.

Портреты Кирти Ринпоче и Далай-ламы, запрещенные в Китае, повсюду в монастыре и уезде свидетельствуют о том, что население региона демонстративно выражает приверженность своим религиозным лидерам, тем самым бросая вызов политике властей. По этой причине регион долгое время был закрыт для посещения иностранцев и, похоже, открылся только в 2017 г., коль скоро мы смогли оказаться там. Тем не менее никаких иностранцев мы не видели, да и китайских туристов здесь было очень мало по сравнению с другими регионами Восточного Тибета.

Портреты Далай-ламы и Кирти Ринпоче в Кирти-гонпа

Разговоры с людьми показали, что в последнее время здесь относительно спокойная обстановка. Нет никакого сравнения с ситуацией двумя годами раньше, когда Далай-ламе исполнялось 80 лет. Мы тогда были в соседнем округе Кандзе, и регион был до предела заполнен военными и военной техникой, были отключены интернет и всякая связь с заграницей. Можно представить, что творилось тогда в Нгаба. Кирти-гонпа своим размахом и грандиозностью сооружений не уступает монастырям Кумбум и Лавран Амдо. На входе находится огромная 35-метровая ступа, самая большая в Амдо. В огромном цогчене на несколько тысяч монахов множество статуй прекрасной работы, небольшие ступы с останками держателей линии Кирти Ринпоче. За цогченем следует высокий храм с 18–20-метровыми статуями Шакьямуни, Цонкапы и Авалокитешвары. Во время нашего пребывания в Нгаба в Кирти-гонпа проходили посвящения многочисленных божеств и защитников школы гелукпа, которые проводил Алак Горэ-ринпоче. Я присутствовала на посвящении Тары, где около тысячи монахов и мирян сидели под навесом, слушая наставления и получая посвящения. Во вре-

мя этого собрания я и записала большую часть своего дневника.

Последним пунктом нашей программы был монастырь Сэтенлинг-гонпа школы Джонангпа, или просто Сэ-гонпа. Джонангпа — практически исчезнувшая школа тибетского буддизма. В свое время она подвергалась острой критике со стороны гелукпы за проповедь *сугатагарбхи* — концепции о неизменном и вечном абсолюте и *шентон* — концепции пустоты иного. Я в свое время переводила главу о джонангпе сочинения «Хрустальное зеркало философских систем» Тугана, опубликованную в журнале «Буддизм России» [Туган, 2004]. Объявленное еретическим, учение джонангпы и сама школа подверглись сильным гонениям со стороны гелукпы и практически исчезли. Однако в числе держателей линии джонангпы были такие выдающиеся ученые, как Долбупа Шераб Гьялцен и Таранатха, поэтому школа сохранила уважение других школ и, как видно, продолжает существовать. Линия Таранатхи продолжилась в Монголии, его перерождением был признан первый монгольский Богдо-гэгэн Дзанабазар, выдающийся религиозный деятель и скульптор.

Храм защитников в Сэ-гонпа

Монастырь Сэ-гонпа — первый монастырь школы джонангпа, который я когда-либо встречала. Он оказался рядом с нашей гостиницей. Посещение его вызвало у меня ощущение пустоты бытия (*шентон*). На большой площади монастыря возвышались несколько новых или заново отремонтированных больших монастырских зданий, но кроме трех-четырех

работников во всем монастыре не было ни одного человека, были закрыты все здания кроме одного — храма защитников, куда вход женщинам запрещен. Побродив по монастырю под палящим солнцем, я пошла назад. Дмитрий остался фотографировать, ему монастырь, напротив, понравился своим необычным видом.

Заканчивая заметки о Нгаба, хочу поделиться своими впечатлениями о людях. В Нгаба-Цян Тибетском автономном округе мы встретили две этнолокальные группы тибетцев — гьяронцев и нгабасцев. Первые на вид исключительно доброжелательные и приветливые люди. О гьяронцах и туристическом бизнесе, связанном с их знаменитыми башнями, написана отличная монография тибетского ученого Тензин Зинпа [Tenzin Zinpa, 2014]. Такое благоприятное впечатление у нас сложилось, возможно, также из-за того, что мы начали знакомство с округом благодаря доброй опеке бонцев. Мы даже удивлялись, как терпеливо бонцы реагируют на китайских туристов, которые фотографируют их без разрешения, просят позировать или выстраиваются в очередь для фото с ними. В Нгаба и в особенности в Киртигонпа другая ситуация, учитывая антиправительственные настроения в нем. С виду мы, конечно, были более похожи на китайских туристов, чем на местных жителей, и никто не улыбался, встречаясь с нами взглядом. Впрочем, амдосцы, как и россияне, внешне весьма неэмоциональны, они не обращают внимания на посторонних, не улыбаются. Никакой агрессии тоже нет.

На учении я сидела в толпе обыкновенных тибетцев, они разрешили мне сесть на чей-то стульчик, давали мне рис для бросания вверх, разговаривали. В общем, были вполне дружелюбными, но на улицах монастыря дети-хувараки, а иногда взрослые все же довольно часто недобро посматривали на нас. Дмитрию в монастыре Сэ-гонпа один рабочий даже что-то зло говорил. При более близком знакомстве стоило

нам сказать, что мы монголы, как тут же ситуация разряжалась и к нам проявлялись обычные для тибетцев приветливость и гостеприимство. В тибетском кафе один монах, услышав наш разговор на русском, спросил, откуда мы. Я ответила, что мы российские монголы, и оказалось, что он единственный среди встреченных нами амдосцев знал не только Россию и монголов, но и бурят.

Он проучился 22 года в Гоман-дацане монастыря Дрепунг в Индии бок о бок с монголами и бурятами и даже знал некоторые монгольские слова. Он учился на *геше кабчу*. Когда он говорил, что Далай-лама — самый дорогой учитель в его жизни, его глаза наполнились слезами. Еще он сказал, что у тибетцев теперь нет возможности нелегально уезжать в Индию на учение, и поэтому сейчас в Гоман-дацане монголов уже больше, чем тибетцев. Монастырь нашего нового друга в десяти с лишним км от Нгаба. Он сожалел, что не может нас туда пригласить из-за дел, но настоял на том, чтобы оплатить наш обед. Да, тибетцы удивительно сердечный и гостеприимный народ. Что же касается их отношений с китайцами, то, по моему мнению, по крайней мере внешне, сейчас они вполне нормальные.

В заключение можно сказать, что недоступный прежде регион Нгаба теперь открывает огромное неисследованное поле для ученых и туристов. Надеюсь, что эта обзорная статья¹ смогла дать общее представление о Нгаба как о чрезвычайно самобытном регионе с уникальной природой, историей и культурой.

Использованная литература

Гарри, 2003: *Гарри И. Р.* Дзогчен и Чань в буддийской традиции Тибета. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.

Garri I. R. Dzogchen i Chan' v buddiiskoi traditsii Tibeta. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2003. 208 s.

Garry I. R. Dzogchen and Chan in the Buddhist tradition of Tibet. Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS, 2003. 208 p.

Туган, 2004: *Туган Лобсан Чоки Нима*. Хрустальное зеркало объяснения превосходного, отражающее историю возникновения и сущность учения религиозных систем. Глава 6. История системы Чжонанпа / пер. с тиб. И. Р. Гарри // Буддизм России. 2004. № 38. С. 133–146.

Tugan Lobsan Choki Nima. Khrustal'noe zertsalo ob"iasneniia prevoshkhnogo, otrazhaiushchee istoriiu vozniknoveniia i sushchnost' ucheniia religioznykh sistem. Glava 6. Istoriia sistemy Chzhonanpa / Per. s tib. I.R. Garri // Buddhism Rossii. 2004. № 38. S. 133–146.

Tugan, Lobsang Chokyi Nyima. Crystal mirror explanation of the excellent, reflecting the history and essence of the teachings of religious systems. Chapter 6. History of the Zhonnanpa system / Translate from Tibet I. R. Garry // Buddhism of Russia. 2004. No. 38. P. 133–146.

Gyurme Dorje, 2009: *Gyurme Dorje*. Tibet handbook. 4th Edition. Footprint, 2009. 984 p.

Karmay, 1991: *Samten G. Karmay*. Secret Visions of the Fifth Dalai Lama. The Gold Manuscript in the Fournier Collection Musée Guimet. Paris: Serindia Publications, 1991. 246 p.

Karmay, 2007a: *Samten G. Karmay*. The Great Perfection (rDzogs chen in Tibetan). A Philosophical and Meditative Teaching of Tibetan Buddhism. Brill, 2007. 257 p.

Karmay, 2007b: *Samten G. Karmay*. Bon: The Magic Word. Philip Wilson Publishers, 2007.

Karmay, 2009: *Samten G. Karmay*. Amdo, One of the Three Traditional Provinces of Tibet // The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. Kathmandu: Mandala Book Point, 2009. P. 521–531.

Karmay, 2014: *Samten G. Karmay*. The Illusive Play. The Autobiography of the Fifth Dalai Lama. Serindia Publications, 2014. 600 p.

¹ В статью не вошли материалы по Цзючжайгоу, Сунчу и Сунпани, эти места были посещены в 2013 г.

Tenzin Zinba, 2014: *Tenzin Zinba*. In the land of the Sino-Tibetan Border. University of Washington Press, 2014. Eastern Queendon. The politics of Gender and Ethnicity on the 170 p.

Irina R. Garry

Ngaba Holy place: based on the 2017 expedition materials

The article presents the results of the 2017 expedition to the Ngaba-Qiang Tibetan Autonomous Region of Shichuan province. The description of the capital of the district POS. Barkam, the County seat of the village. Ngaba, the Bon monasteries of Barkam and Nanchik Gonpa, Kirti-Gonpa of the gelukpa school and Satenling Gonpa of the jonangpa school, describes the religious situation in the district.

Key words: Ngaba Qiang — Tibetan Autonomous Prefecture, Shichuan province, Bon, Kirti-Gonpa: Setenling-Gonpa.

Irina R. Garry — D. Sc. (History), Leading Researcher, Department of Philosophy, Cultural and Religious Studies, Institute of Mongol studies, Buddhology and Tibetology SB RAS (6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russia).

irina.garri@imbt.ru

Ю. И. Елихина

Находки из Хирхиринаского городища, хранящиеся в Эрмитаже

© Ю. И. Елихина, 2021
DOI 10.25882/kkb3-cn24

Автор описывает артефакты из Хирхиринаского городища, найденные археологической экспедицией С. В. Киселева в 1959 г. Городище представляло собой военно-административный и торгово-ремесленный центр. Находки являются массовым материалом и представляют собой черепицу и керамику.

Ключевые слова: археология, монгольское городище, черепица, керамика.

Елихина Юлия Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел Востока, Государственный Эрмитаж (Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34).
julia-elikhina@yandex.ru

Со времен монгольской империи на территории Забайкалья сохранились различные археологические памятники: городища и могильники. Одним из таких памятников является Хирхиринаское городище, расположенное на юге Читинской области (ныне Забайкальский край) и занимающее площадь около 2,0×0,7 км. Это городище считается сравнительно ранним (датируется XIII в.), основано оно в период, когда только складывалось Монгольское государство.

Изучение городища началось в 1724 г., когда здесь побывали экспедиция Д. Г. Мессершмидта, а затем исследователь Сибири П. К. Фролов, в 1818 г. эти места посетил Г. И. Спасский, в 1889 г. — А. К. Кузнецов, который собрал подъемный материал и привез его в Читу. В 1957–1959 гг. археологический памятник исследовала экспедиция С. В. Киселева. Сейчас большая часть этой черепицы хранится в краеведческом музее Читы, материалы изучены и опубликованы С. Е. Саранцевой [Саранцева, 2011. С. 94–95].

Севернее городища на горе Окошки находится могильник того же времени. В одном из захоронений сохранился окованный железными полосами дощатый гроб, на котором лежали седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В обтянутом шелком гробу уцелели останки мальчика, примерно шести лет, в шелковой шапочке, крытой шелком шубке, шелковой рубашке, в штанишках, сапожках и юбке ламского типа. Особенности погребения мальчика указывают на его высокий сан — одновременно и воина, и ламы [Киселев и др., 1965. С. 57; Баяр, 2000].

В 1997–2005 гг. на городище работала экспедиция под руководством А. Р. Артемьева [Артемьев, 2005. С. 3–18]. В последние годы на могильнике Окошки проводила раскопки экспедиция Н. Н. Крадина, А. В. Харинского, Е. В. Ковычева. В результате раскопок было установлено, что городище представляло собой военно-административный и торгово-ремесленный центр. Здесь сохранились следы приблизительно 100 жилищ, в том числе с канами, и несколько десятков усадеб. В восточной части Хирхиры они образовывали систему кварталов, улиц, проулков. Часть находок экспедиции С. В. Киселева была передана в Государственный Эрмитаж.

На юго-востоке находилась «ставка» (110×100 м), окруженная рвом и валом с воротами на восток; внутри — дворец (15×30 м) на искусственной платформе с пандусом, с черепичной крышей, деревянными стенами, полом из сырцового кирпича, канами. Среди находок имеются найденные при расчистке кана три фрагмента кирпича из дворца, декорированные вазами с цветами (инв. № МР-3117-3119). Они украшали нижнюю часть перегородки кана [Киселев и др., 1965. С. 31].

Больше всего было найдено фрагментов черепицы, которая является массовым материалом. Кровля дворца была одноярусной, но четырехскатной [Киселев и др., 1965. С. 36]. Всего в коллекции представлены 15 фрагментов черепицы. Вся она сероглиняная, для нее характерна белая краска, предположительно — известь [Саранцева, 2011. С. 95]. Внутренняя сторона черепицы всегда имеет оттиски ткани. Согласно разработанной классификации, вся найденная черепица по форме поперечного сечения является плоской, имеет вид широкого желоба, ее лицевая

(внешняя) поверхность выгнутая, тыльная (внутренняя) — вогнутая [Саранцева, 2012. С. 541]. С. Е. Саранцева выделяет несколько типов черепицы. Простая плоская черепица представлена одним фрагментом, декорирована прямой и волнистой вдавленными линиями, проходящими поперечно. Она была найдена в раскопе I. Еще два фрагмента сравнительно малы, вероятно, их тоже можно отнести к простой плоской черепице. Остальная черепица — плоская концевая с отливами, на обороте все фрагменты имеют отпечатки грубой ткани полотняного переплетения. Отливы могут быть в виде четырех параллельных вдавленных линий, низ которых декорирован волнообразной кромкой. Одна или две линии могут быть выделены бороздками, направленными под острым углом к параллельным линиям. В коллекции насчитывается девять таких фрагментов. Кроме того, имеются еще три торцевых фрагмента черепицы, края которых разделены бороздками на поперечные сегменты. Подобные торцы использовали для лучшего крепления концевого диска [Киселев и др., 1965. С. 41].

Аналогичная черепица была найдена на городище Алестуй, находящемся в 9 км от Хирхиры, а также на городищах Нарсатуй (Республика Бурятия) и Ден-Терек (Республика Тыва) [Саранцева, 2011. С. 95; 2012. С. 541–544].

Экспедицией С. В. Киселева были найдены два типа концевых дисков, декорированных рельефными изображениями лотосов [Киселев и др., 1965. С. 42–43]. В коллекции Эрмитажа из раскопа I имеется всего один фрагмент концевого диска [Киселев и др., 1965. С. 42, рис. 15(3)].

Вторым по численности, но также массовым материалом являются фрагменты керамики. Обычно глазурованная керамика представлена предметами китайского производства (за небольшим исключением), а сероглиняная — местного.

Среди находок встречается китайская керамика цычжоу, цинбай и черно-коричневая. 20 фрагментов относятся к керамике цычжоу, на некоторых из них сохранилась коричневая роспись.

Экспедицией С. В. Киселева обнаружен фрагмент керамики цинхуа [Киселев и др., 1965. С. 44, рис. 17(3)]. А. Р. Артемьев описывает обнаруженные им фрагменты красно-зеленой керамики цычжоу и с бирюзовой глазурью, а также селадоны и цзюнь-яо [Артемьев, 2005. С. 14]. Вероятно, весь спектр керамики был аналогичен каракорумской, но в значительно меньшем объеме. Кроме того, имеются фрагменты сероглиняной керамики. Интересно, что сероглиняная керамика была найдена и во дворце [Киселев, 1961. С. 122]. Часть сероглиняной керамики покрыта зеленоватой глазурью [Киселев и др., 1965. С. 44, рис. 17(6)]. В коллекции Эрмитажа таких фрагментов всего четыре, причем два из них происходят из дома кузнеца. А. Р. Артемьев считает, что это были сосуды типа хумов, большие по размеру [Артемьев, 2005. С. 13]. Несколько фрагментов сероглиняной керамики покрыты серой глазурью, на

одном фрагменте частично сохранилось изображение тамги или рисунка и следы белой краски. Некоторые фрагменты керамики были найдены в доме кузнеца, находившемся на северо-восточной окраине города. В коллекции Эрмитажа их три: черно-коричневый и два сероглиняных с зеленоватой глазурью.

Находки из Хирхиринаского городища поступили в Эрмитаж в 1963 г. из Института археологии АН СССР. Часть из них не были внесены в инвентарные книги.

Таким образом, в коллекции Эрмитажа представлены некоторые находки из Хирхиринаского городища, являющиеся массовым материалом, весьма типичным для монгольского времени.

Самой уникальной находкой и единственным известным памятником, связанным с Чингис-ханом, является знаменитый Чингисов камень (инв. № БМ-728), упоминающий и Чингис-хана, и его племянника Есунке (монг. *Есүнгэ*) (1190–1270), поэтому Хирхиру считают центром владений Есунке и его потомков в составе Монгольской империи. Камень датируется 1224–1225 гг.

Первое сообщение о камне с высеченной «восточными буквами» надписью оставил исследователь Сибири Г. И. Спасский в журнале «Сибирский вестник» в 1818 г. Позднее выяснилось, что камень был обнаружен в 1802 г. Местные толмачи прочитывали на камне имя Чингис-хана, поэтому он и получил такое название. Камень некоторое время находился в Нерчинском Заводе, в кабинете «натуральной истории» при горном училище, откуда в 1829 г. был отправлен в Санкт-Петербург. В 1832 г. каменная стела была доставлена в столицу и сначала передана в министерство финансов, а затем в Академию наук и передана в Азиатский музей. Первый перевод был выполнен И. Я. Шмидтом в 1834 г. В 1936 г. Чингисов камень был передан в Эрмитаж, где сейчас и находится. Позднее надпись много раз переводили, сам камень тоже неоднократно экспонировали и публиковали [Клюкин, 1927. С. 168–212; Банзаров, 1851. С. 268–292; Киселев и др., 1965. С. 53–57; Скрынникова, 1997. С. 179; Крамаровский, Елихина, Полякова, 2000. С. 208–210; Цэрэнсодном, 1987. С. 138–139; Schmidt, 1834. Т. 2. Р. 252; Murayama, 1950. Р. 108–112; Dobu, 1983. Р. 1–7, и др.].

В настоящее время принята следующая транслитерация надписи:

cinggis qan=u
sartayul erke dauliju bayuju qamuу mongyol ulus=un
noyon=i buq=a sujiyai quriysan=dur
yisungke ontudur=un yurban jayun yucin tabun aldas=
=tur ontudulay=a

«Когда после завоевания сартаульского народа Чингисхан собрал нойонов всего монгольского улуса в местности Буха-Суджихай, Есунхэ выстрелил (из лука) на 335 сажень». Сартаулами монголы называли людей, исповедовавших ислам. 335 монгольских маховых сажень равны приблизительно 713 метрам.

Есунхэ — племянник Чингис-хана, сын Хасара (1164?–1213?), сподвижник Чингис-хана, а позднее и других монгольских ханов — Угэдэя (1186–1241), Мункэ (1208–1259), Хубилая (1215–1294).

Позже в буддийской традиции стало весьма популярным живописное изображение Чингис-хана в виде окруженного языками пламени всадника на зеленом коне, в доспехах, с красным лицом и красными руками. Его гневное лицо имеет три глаза и оскаленные зубы. В правой руке он держит золотой меч, в левой — поводья. Конь стоит на лotosовом престоле. Зеленый конь является ездовым животным грядущего Будды Майтрейи. Таким образом, худож-

ник говорит о возможном приходе знаменитого воителя.

Его окружают девять всадников с мечами, знаменами и штандартами. Хорошо известно, что священное знамя Чингис-хана состояло из девяти стягов. Прямо над центральным персонажем помещен Ваджрапани, гневное божество, хранитель и покровитель Монголии, воплощением которого считается Чингис-хан. Рядом с Ваджрапани верхом на слоне восседает бодхисаттва Самантабhadра, божество мудрости, с телом желтого цвета. Все персонажи окружены кучевыми облаками, создается впечатление, что воинство спускается прямо с небес, лишь кое-где видны зеленая трава и водоемы.

Использованная литература

- Артемьев, 2005: *Артемьев А. Р.* Новые исследования монгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 3–18.
- Artem'ev A. R.* Novye issledovaniia mongol'skikh gorodov Vostochnogo Zabaikal'ia // Vestnik DVO RAN. 2005. № 2. S. 3–18.
- Artemyev A. R.* New research of Mongolian cities of Eastern Transbaikalia // Bulletin of the Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. No. 2. P. 3–18.
- Банзаров, 1851: *Банзаров Д.* Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана // Зап. Импер. археол. о-ва. Т. III. СПб., 1851. С. 268–292.
- Banzarov D.* Ob'iasnenie mongol'skoi nadpisi na pamiatnike kniazia Isunke, plemiannika Chingis-Khana // Zapiski Imp. arkhelogicheskogo obshchestva. T. III. SPb., 1851. S. 268–292.
- Banzarov D.* Explanation of the Mongolian inscription on the monument of Prince Isunke, nephew of Genghis Khan // Notes of the Imp. Archaeological Society. Vol. III. St. Petersburg, 1851. P. 268–292.
- Киселев, 1961: *Киселев С. В.* Город монгольского Исункэ на р. Хирхир в Забайкалье // Советская археология. 1961. № 4. С. 103–127.
- Kiselev S. V.* Gorod mongol'skogo Isunke na r. Khirkhira v Zabaikal'e // Sovetskaia arkhelogiia. 1961. № 4. S. 103–127.
- Kiselev S. V.* City of Mongolian Isunke on the river Khirkhira in Transbaikalia // Soviet archaeology. 1961. No. 4. P. 103–127.
- Киселев и др., 1965: *Киселёв С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П.* Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. 372 с.
- Kiselev S. V., Evtiukhova L. A., Kyzlasov L. R., Merpert N. Ya., Levashova V. P.* Drevnemongol'skie goroda. M.: Nauka, 1965. 372 s.
- Kiselev S. V., Evtiukhova L. A., Kyzlasov L. R., Merpert N. Ya., Levashova V. P.* Ancient Mongol cities. Moscow: Nauka, 1965. 372 p.
- Клюкин, 1927: *Клюкин И. А.* Древнейшая надпись на Чингисовом камне // Труды Гос. Дальневост. ун-та. Серия IV. № 5. Владивосток, 1927. С. 168–212.
- Kliukin I. A.* Drevneishaia nadpis' na Chigisovom kamne // Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo instituta. Seriya IV. № 5. Vladivostok, 1927. S. 168–212.
- Klyukin I. A.* The Oldest inscription on the Genghis stone // Proceedings of the State far Eastern Institute. Series IV. No. 5. Vladivostok, 1927. P. 168–212.
- Крамаровский, Елихина, Полякова, 2000: *Крамаровский М. Г., Елихина Ю. И., Полякова Г. Ф.* Сокровища Золотой Орды. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
- Kramarovskii M. G., Elikhina Yu. I., Poliakova G. F.* Sokrovishcha Zolotoi Ordy. SPb.: Slavia, 2000. 346 s.
- Kramarovskiy M. G., Elikhina Yu. I., Polyakova G. F.* Treasures of the Golden Horde. St. Petersburg: Slavia, 2000. 346 p.
- Саранцева, 2011: *Саранцева С. Е.* Черепица Хирхиринского городища в собрании Краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. II. СПб.; Москва; Великий Новгород, 2011. С. 94–95.
- Sarantseva S. E.* Cherepitsa Khirkhirinskogo gorodishcha v sobranii Kraevogo kraevedcheskogo muzeia im. A. K. Kuznetsova // Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda. T. II. Sankt-Peterburg; Moskva; Velikii Novgorod, 2011. S. 94–95.
- Sarantseva S. E.* Tiles of the Khirkhirinsky settlement in the collection of the A. K. Kuznetsov Regional Museum of local lore // Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. II. St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod, 2011. P. 94–95.
- Саранцева, 2012: *Саранцева С. Е.* Предварительные результаты исследования черепицы усадьбы Алестуй в Забайкалье // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Т. II. СПб.: Периферия, 2012. С. 541–544.
- Sarantseva S. E.* Predvaritel'nye rezultaty issledovaniia cherepitsy usad'by Alestui v Zabaikal'e // Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia rossiiskogo arkheloga Mikhaila Petrovicha Griaznova. T. II. SPb.: Periferiia, 2012. S. 541–544.

Sarantseva S. E. Preliminary results of the study of the tiles of the Alestui estate in Transbaikalia // Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of the outstanding Russian archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov. Vol. II. St. Petersburg: Periphery, 2012. P. 541–544.

Скрынникова, 1997: *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997. 216 с.

Skrynnikova T. D. Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana. M.: Vostochnaia literature, 1997. 216 s.

Skrynnikova T. D. Charisma and power in the era of Genghis Khan. Moscow: Oriental Literature Publisher, 1997. 216 p.

Баяр, 2000: *Баяр Д.* Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. Улаанбаатар: Admon, 2000. 62 х.

Baiar D. Altan urgiin jazguurny negen bulshiig sudalsan n'. Ulaanbaatar: Admon, 2000. 62 kh.

Baiar D. Exploring the tomb of a nobleman of the Golden Family. Ulaanbaatar: Admon, 2000. 62 p.

Цэрэнсодном, 1987: *Цэрэнсодном Д.* Монгол уран зохиол (XIII–XX зүүны эх). (Монгольская литература XIII — начала XX в.). Улаанбаатар: Д. Сухбаатарын нэрэмжит хэвлэлийн комбинатад хэвлэв, 1987. 440 х.

Tserensodnom D. Mongol uran zokhiol (XIII–XX зүүнү ekh). Ulaanbaatar: D. Sukhbaatarын neremzhit khevleliin kombinatad khevlev, 1987. 440 kh.

Tserensodnom D. Mongolian literature (XIII — beginning of XX centuries). Ulaanbaatar: D. Published by Sukhbaatar Publishing House, 1987. 440 p.

Murayama, 1950: *Murayama S.* Über die Inschrift auf dem “Stein des Cingis” // Oriens. 1950. Vol. 3. № 1. P. 108–112.

Schmidt, 1834: *Schmidt I. J.* Bericht über eine Inschrift aus ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft // Memories de l’Academie impériale des Sciences de St. Petersburg, VI, 2, 1834. P. 243–256.

Dobu, 1983: *Dobu Uyüürjin mongyol üsüg=ün dursqaltu bicig=üd* (Памятники уйгуро-монгольской письменности). Kökeqoto, 1983. 47 p.

Yulia I. Elikhina

Findings from Khirkhirinsky settlement in the Hermitage collection

The author describes artifacts from the Khirkhirinsky settlement found by the archaeological expedition of S. V. Kiselev in 1959. The Settlement was a military-administrative, trade and craft center. The finds are mass material and are tiles and ceramics.

Key words: archaeology, Mongolian settlement, tiling, and ceramics.

Yulia I. Elikhina — Ph.D. (History), Leading Researcher, Department of the East, State Hermitage Museum (34, Dvortsovaya embankment, Saint Petersburg, 190000, Russia).
julia-elikhina@yandex.ru

Р. Ю. Почкаев

Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием иностранцев (по запискам И. С. Унковского) *

© Р. Ю. Почкаев, 2021
DOI 10.25882/yed8-k615

В статье анализируется сообщение И. С. Унковского, российского посла в Джунгарском ханстве в 1722–1723 гг., о судебном разбирательстве у ойратов, непосредственными участниками которого стали члены русской дипломатической миссии. На основе анализа данного сообщения автор предпринимает попытку реконструкции основных элементов судебного процесса в Джунгарском ханстве, включая его этапы, статус участников, методы сбора доказательств и пр. Также суд, описанный И. С. Унковским, сравнивается с правовым регулированием процессуальных отношений у ойратов, зафиксированных в их основном своде законов «Их Цааз» (1640) и дополняющих его указах Галдана-Бошугту-хана 1670-х гг. Кроме того, анализируются особенности судебного разбирательства с участием иностранцев и выясняются причины, по которым русские участники оказались в более выгодном процессуальном положении, чем другие иностранцы.

Ключевые слова: Российская империя, Джунгарское ханство, записки путешественников, традиционное право, суд и процесс.

Почкаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, 198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., 17).
rpochekaev@hse.ru

Важным источником в историко-правовых исследованиях выступают тексты неюридического характера, но содержащие при этом сведения, существенно дополняющие результаты изучения памятников права — кодификации, законы, указы, материалы правоприменительной практики и пр. Среди них особое место занимают записки очевидцев, в т. ч. иностранных, которые сами при разных обстоятельствах побывали в соответствующем государстве и стали в нем участниками правовых отношений. Сравнение их сведений с памятниками права позволяет проанализировать, как те или иные юридические принципы и нормы применялись на практике, были актуальны в определенный период времени, соответствовали сложившейся правовой практике и пр.

Особенно важным подобный источник представляется при изучении права государств, относящихся к так называемой «традиционной» правовой семье, в

которой писаное право эффективно и органично сочеталось (и сочетается до сих пор) с этическими, религиозными, порой — бытовыми нормами. Нередко от таких государств не сохраняется значительного числа правовых памятников, поэтому представление об их правовой системе существенно дополняют неюридические источники, включая записки путешественников.

К числу таких государств можно отнести Джунгарское ханство — ойратское государство в Западной Монголии (сегодня — часть Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР), существовавшего в XVII — середине XVIII в., которое с конца XVII в. и вплоть до 1750-х гг. играло весьма значительную роль в истории Центральной Азии, поддерживая дипломатические и экономические отношения с ведущими государствами этого региона, а также на равных соперничая с империей Цин за контроль над Монголией, Восточным Туркестаном и сопредельными территориями.

От этого государства сохранилось, по сути, лишь несколько законодательных актов, тогда как основные данные о его государственности и праве иссле-

* Исследование выполнено в Институте языков и культуры имени Льва Толстого при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00162).

дователи черпают из иностранных источников, причем преимущественно китайских. В специальном исследовании мы уже предприняли попытку показать значение записок русских путешественников как источника сведений о джунгарском государстве и праве. Там же было упомянуто сообщение Ивана Степановича Унковского — российского дипломата, побывавшего с посольской миссией у ойратского хунтайджи Цэван-Рабдана в 1722–1723 гг., содержащее описание суда с участием членов его посольства [Почекаев, 2019. С. 35–36]. Ниже мы намерены более подробно проанализировать это сообщение, поскольку оно является одним из немногих подробных описаний судебного разбирательства в соответствии с традиционным правом монголов и, насколько нам известно, едва ли не единственным описанием суда непосредственно в Джунгарском ханстве, о котором исследователи до сих пор судили в большинстве случаев на основании письменных источников — в частности, ойратского законодательного свода «Их Цааз», принятого на Джунгарском съезде 1640 г., и двух указов (ярлыков) Галдана Бошугту-хана (1671–1697), изданных в дополнение к этой кодификации [Гурлянд, 1904. С. 81–82; Команджаев, 2010. С. 92–94; Рязановский, 1931. С. 62–64].

Соответственно, этот источник дает возможность не только реконструировать основные этапы и стадии судебного процесса, охарактеризовать статус его участников, виды используемых доказательств и пр., но и соотнести данные о конкретном судебном разбирательстве с соответствующими положениями упомянутого ойратского законодательства. Тем самым мы выясним, в какой мере писанные законы (в процессуальной сфере) претворялись в жизнь на практике, т. е. выявим сходства и различия между «писанным» и «живым» правом.

Для начала считаем целесообразным привести полностью соответствующий фрагмент записок И. С. Унковского:

29 [мая] Приехал в нашу кошу караульной калмык, взяв у другого продавать лошадь, и оную лошадь познал солдат Семен Дорохов, что оная его, на которой он ехал, и оная послана к Санжи зайсану, и сказать приказано, что та лошадь наша, оставлена, едучи в пути, при урочище Самоль, и пятно на оной казенное, чтоб о том розыскать и оную лошадь солдату отдать. Зайсан сказал, что надлежит о том судить в главном зайсанском суде при Урге. И велел оную лошадь с хозяином отослать к суду; но судей тогда не было. И тако проволочили июня по 2 число.

Того ж числа присылал Санжи зайсан сказать, что у них будет богомоление, и он на несколько дней отлучится и будет при Урге. Сказано оному присланному, ежели можно, чтоб мне при той оказии быть и дабы о том зайсану донесено было.

...
1 [июня] Помянутому солдату повещено было, чтоб ехал на зургу (или к суду) о лошади. И ездили; но

никакого суда не получили: сказали, что зайсанам не время.

2 [июня] Помянутой солдат Дорохов с толмачом ездили на зургу, или на суд, и были пред зайсанами, которых сидело десять человек, и оного солдата и толмача посадили против себя сажень в двух, а ответчика калмыка, у которого лошадь познали, подле толмача по левую руку. И спрашивали прежде солдата, что он подлинно ли познавает, что то лошадь его, и какие на ней признаки и в каких летах. И оной солдат признаки и лета сказал. Потом послали тех примет и лет освидетельствовать, и по свидетельству явилось против солдатской сказки. Потом спросили ответчика калмыка, что ту лошадь, где он взял? Он сказал, что будто оная лошадь у него дома родилась, и про то знают в его аймаке многие люди. И тако выслушав, зайсаны сказали солдату, что они пошлют в табун осмотреть и ежели в табуне не явится такой лошади, то ему оная отдана будет, а ежели явится, то не отдана будет, объявляя, что лошадь в лошадь бывает. И тако до самого отъезду проволочили, а при отъезде оную привели измученную и к походу негодную; но вместо оной другую, плохую, дали, и правого суда не учинили [Унковский, 1887. С. 94–95].

Данное сообщение, как представляется, отражает практически все стадии судопроизводства, начиная с возбуждения дела (подачи иска) и до принятия и исполнения решения. Как можно из него понять, судебный процесс в Джунгарском ханстве последовательно проходил ряд стадий, каждая из которых в той или иной степени, несомненно, регулировалась нормами ойратского права.

На первый взгляд речь идет об одном из самых, пожалуй, распространенных в кочевых обществах преступлении — конокрадстве. В ойратском праве (равно как и в праве Северной Монголии — Халхи) расследование этого преступления и определение наказания за него регламентируется достаточно четко [Гурлянд, 1904. С. 77–78].

Однако в данном случае дело осложнялось тем, что в качестве потерпевшего оказался член российского посольства — солдат Семен Дорохов, т. е. представитель другой державы, кроме того, и сама украденная лошадь была государственным имуществом, на что указывает упоминание о наличии у нее «пятна», т. е. тамги или тавра. Таким образом, дело оказывалось неподсудным местному суду, почему и было передано в «главный зайсанский суд». Надо сказать, что подобное решение не было каким-то экстраординарным: в судебной системе Джунгарского ханства существовала многоуровневая и четко регламентированная судебная система [Рязановский, 1931. С. 63], и подсудность дела зависела от родоплеменной принадлежности их сторон. Так, например, согласно первому указу Галдана Бошугту-хана, мусульманские подданные джунгарских хунтайджи, проживавшие в одном селении, судились в местном

суде, если же стороны были представлены жителями разных селений, то их судил уже главный мусульманский судья ([Их Цааз, 1981. С. 32. П. 6]; см. также: [Уметбаев и др., 2013. С. 32]). Соответственно, дела между ойратскими и мусульманскими подданными джунгарских правителей разбирал именно главный суд, т. е. высшая судебная инстанция ханства [Гурлянд, 1904. С. 81]. Таким образом, дело, связанное с похищением коня российской посольской миссии, также оказалось подведомственным именно этому суду — «по аналогии».

Следует отметить, что сведения о главном суде Джунгарского ханства весьма немногочисленны, в связи с чем исследователи характеризуют его на основе более подробно освещенного в источниках аналога — «зарго», верховного суда Калмыцкого ханства [Златкин, 1983. С. 275–276]. О нем, в частности, известно, что он осуществлялся при ханской ставке представителями высшего чиновничества (*зайсангами*), среди которых имелись и представители духовенства — ламы. Судьям оказывали содействие писцы (*битикчи*) и приставы (*яргучи*), «рассыльщики» (т. е. гонцы, посылавшиеся для вызова участников дела в суд) и др. [Бакунин, 1995. С. 146]. Поскольку эти же чиновники являлись доверенными лицами ханства, исследователи приходят к заключению, что суд «зарго» был также и совещательным органом при хане [Бакунин, 1995. С. 146], не принимая во внимание характерное для традиционного общества совмещение административных и судебных функций в руках одних и тех же чиновников¹. Соответственно, более корректным было бы указать, что не судьи являлись советниками ханов, а ханские чиновники-советники осуществляли также и судебные функции. Обратившись к запискам И. С. Унковского, мы имеем возможность убедиться в обоснованности экстраполяции исследователями сведений о калмыцком суде на суд джунгарский: он также осуществлялся ханскими чиновниками — зайсанами, близкими ко двору хунтайджи Цэван-Рабдана.

Отметим, что термин *зайсан*, по всей видимости, являлся обобщающим для чиновничества Джунгарского ханства, поскольку конкретные функции выполняли чиновники, носившие специальные звания [Чернышев, 1990. С. 67–71]. Объединяло зайсанов то, что они назначались на должность непосредственно ханами из числа родовой знати или потомственного чиновничества, однако порой и из людей довольно низкого происхождения [Уметбаев и др., 2013. С. 31]².

¹ В этом отношении весьма интересна параллель, проведенная А. Ш. Кадырбаевым между судом зайсанов в Джунгарском ханстве и судом биев в казахских жузах: последние также являлись администраторами и судьями в одном лице (правда, с той разницей, что они выбирались самими родами и племенами, а не назначались казахскими монархами) [Кадырбаев, 2017. С. 5].

² Аналогичную практику формирования чиновного аппарата практиковали и калмыцкие ханы: так, хан Дондук-

Исследователи совершенно справедливо рассматривают формирование общеойратского права и деятельность суда из ханских чиновников (а не самых родовитых тайджи и нойонов) как свидетельство централизации власти в Джунгарском ханстве и ограничения своеволия родовитых князей [Златкин, 1983. С. 265, 268; Кадырбаев, 2016. С. 33].

Обратим внимание на сообщение зайсана, к которому представители российского посольства обратились с иском, что дело будет рассматриваться в суде «при урге»: в самом деле, согласно упомянутому указу хана Галдана, суд не позволялось проводить «вне определенного места» [Их Цааз, 1981. С. 31. П. 11]: формализм разбирательства должно было подчеркнуть даже его размещение, в данном случае «урга», т. е. ханская ставка. Аналогичным образом и «зарго» в Калмыцком ханстве также располагался «при доме ханском» [Бакунин, 1995. С. 146].

Три дня спустя после подачи российскими дипломатами иска о возвращении лошади состоялось заседание «главного суда», на котором интересы дипломатов представлял как раз С. Дорохов, который и опознал похищенную лошадь. Обратим внимание, что, согласно свидетельству дипломата, зайсанов было десять, тогда как применительно к суду в Калмыцком ханстве современники отмечают не более восьми судей. Впрочем, можно предположить, что столь значительное число членов «судейской коллегии» объяснялось международным уровнем рассматриваемого дела. Предписания «Их Цааз» и указа хана Галдана об обязательном присутствии на суде обеих сторон [Их Цааз, 1981. С. 28. П. 180; С. 30. П. 9], как видим, было соблюдено, и Унковский в своих записках даже не упоминает о каких-либо проблемах в связи с вызовом ответчика. Принимая во внимание иностранную принадлежность представителя стороны истца, судьи позаботились о решении языковой проблемы: между ним и его противником-ойратом (калмыком) посадили переводчика (толмача).

Следующие сведения И. С. Унковского содержат весьма подробное описание отдельных стадий судебного разбирательства, которые в целом соответствуют и современному процессуальному праву. Так, суд начался с заслушивания показаний истца, которого подробно опросили на предмет оснований требовать передачи ему лошади, после чего слова С. Дорохова были проверены путем осмотра «предмета разбирательства», т. е. собственно лошади. Затем слово было предоставлено ответчику, который ожидаемо дал прямо противоположные показания, сославшись на то, что подтвердить его право собственности на лошадь могут «в его аймаке многие люди». При этом

Омбо (1737–1741), как свидетельствует В. М. Бакунин, назначал зайсанами «рядовых калмыков», что «природные заясанги почитали себе за крайнюю обиду» [Бакунин, 1995. С. 147].

записки И. С. Унковского не позволяют дать ответ на вопрос, почему ответчик изначально не озаботился предоставлением свидетелей, ведь в таком случае его дело можно было бы считать выигранным. Позволим себе предположить, что калмык не захотел нести расходы, связанные с участием в процессе свидетелей, ведь, согласно ойратскому праву и судебной практике, они в случае победы стороны, в пользу которой давали показания, могли претендовать на вознаграждение — вплоть до половины стоимости иска [Их Цааз, 1981. С. 28. П. 177]. Факт опрашивания представителей обеих сторон подтверждает отмечаемый исследователями принцип состязательности в судебном процессе у ойратов и калмыков [Команджаев, 2010. С. 92].

В результате суда, который имел в своем распоряжении только показания сторон, воспринятые им, по всей видимости, как равные по силе, потребовались дополнительные доказательства. Для их получения суд принял решение провести своеобразную экспертизу, послав (вероятно, опытных в коневодстве лиц) для проверки, имеются ли в табуне ответчика лошади, похожие на составлявшую предмет спора. Это тоже можно соотнести с процессуальными требованиями ойратского законодательства: в указе Галдана Бошугту-хана 1678 г. предписывается проводить расследование по спорам между ойратами и мусульманами в случае, если участники разбирательства принадлежат к разным народам [Их Цааз, 1981. С. 31. П. 3].

Весьма примечательно, что Унковский ничего не говорит о результате «экспертизы», хотя, как можно судить по решению суда, посланные в аймак ответчика специалисты пришли к выводу, что такой лошади в табуне нет, почему, в конце концов «оную привели». Тот факт, что возвращенная лошадь была «измученная, к походу негодная», дает основание сделать вывод, что спорное имущество не было изъято судом у ответчика и он, предполагая, что будет вынужден отдать ее по решению суда (что и случилось), не жалел ее, доведя до совершенно негодного состояния. Естественно, такое решение не удовлетворило российских дипломатов, которые, конечно же, отказались принять ее в таком виде. Тогда им была предоставлена взамен другая лошадь, причем тоже «плохая». Завершающая фраза И. С. Унковского о том, что по иску посольства «правового суда не учинили», отражает тот факт, что суд, признав ответчика виновным, тем не менее не применил в отношении него предусмотренного «Их Цааз» наказания, согласно которому уличенный в похищении лошади должен был выплатить крупное возмещение: за жеребца или мерина — девять десятков голов скота, за кобылу — восемь десятков, за жеребенка — шесть [Их Цааз, 1981. С. 22. П. 100]. Таким образом, суд и в самом деле предвзято отнесся к иностранным истцам.

Тем не менее принятие иска к рассмотрению, проведение разбирательства и даже совершение дополнительных действий, связанных с «экспертизой» и возвращением русским дипломатам их имущества (пусть и в ненадлежащем состоянии), позволяет сделать вывод, что российское подданство истцов обусловило их особые процессуальные права по сравнению с другими иностранцами в Джунгарском ханстве.

Согласно запискам российских путешественников 1730–1750-х гг., джунгарские судьи применяли «двойные стандарты» при решении дел, в которых сторонами были ойраты и представители других народов из числа подданных хунтайджи: если истцом или потерпевшим был ойрат, то его противник наказывался строже, тогда как если ойрат выступал ответчиком или подсудимым, то в отношении него принималось более мягкое решение или приговор (см. подробнее: [Почекаев, 2019. С. 34–35]).

Не слишком гостеприимно относились ойратские правители и их чиновники и к иностранным дипломатам: послы империи Цин и хошоутских правителей Тибета и Кукунора в Джунгарском ханстве, а также представители вассальных правителей Среднего жуза, в отличие от русских, находились «под караулом», содержались в гораздо худших условиях и получали более скудное питание. Причиной пренебрежительного отношения к китайским посланцам стали миролюбивые инициативы императора Юньчжэна (1723–1736), который ко времени описываемых событий только что вступил на престол, не чувствовал себя уверенно во главе государства и, в отличие от своего отца Канси (1662–1722), постоянно воевавшего с ойратами³, предложил джунгарскому монарху заключить мир, что было воспринято последним как слабость [Слесарчук, 2013. С. 211; Perdue, 2005. P. 209]. Вероятно, стремлением хошоутской правящей элиты к миру с империей Цин, несмотря на принадлежность ее к ойратскому народу, объяснялось и пренебрежение к дипломатическим представителям Тибета и Кукунора при дворе хунтайджи⁴.

Впрочем, следует обратить внимание на то, что далеко не все и российские дипломаты находили столь радушный прием в Джунгарском ханстве. Особое отношение к миссии И. С. Унковского объясняется тем, что он прибыл ко двору хунтайджи Цэван-Рабдана с изначальным намерением заключить выгодный в политическом и экономическом отношении договор и в течение своего пребывания при дворе выражал всяческую заинтересованность в сотруд-

³ Любопытное мнение высказал В. П. Санчилов, склонный видеть в «Их Цааз» средство противостояния ойратов и их союзников-монголов маньчжурской агрессии [Санчилов, 2011. С. 104].

⁴ Как раз в 1723 г. хошоуты Кукунора восстали против маньчжурских оккупационных властей [Солощева, 2013].

ничестве с Джунгарским ханством как весьма перспективным дипломатическим и торговым партнером [Courant, 1912. P. 68–69; Perdue, 2005. P. 214]. Правда, как только соответствующие договоренности между российским послом и джунгарским хунтайджи были достигнуты, российская миссия перестала представлять интерес для ойратов, что и нашло отражение в свертывании рассматриваемого разбирательства («и тако до самого отъезду проволочили») и в конечном решении, которое явно отражает вышеупомянутое предвзятое отношение ойратских судей к иноземцам в пользу собственных соотечественников⁵.

Еще одним показателем особого формата судопроизводства в связи с участием в разбирательстве представителей иностранного государства стало то, что никто из участников процесса не приносил присягу, хотя в деле о конокрадстве, согласно «Их Цааз», достаточно было, при отсутствии явных доказательств вины подозреваемого, чтобы присягнул либо шуленга (староста) его айла перед сайтом, правителем отока, либо тот — перед нойоном, правителем аймака [Их Цааз, 1981. С. 22–23. П. 101]. Поскольку показания российского истца были единственным доказательством против таких же показаний ойратского ответчика, принесение присяги участниками процесса было бы логичным, но судьи, по всей видимости, приняли во внимание принадлежность истца и ответчика к разным религиям: клятва, данная

ответчиком в соответствии с буддийскими религиозными канонами, несомненно, ничего не значила бы в глазах российских послов, являвшихся христианами⁶, более того, она могла бы быть опротестована ими и вызвать новый виток разбирательства, возможно, даже с участием самого хунтайджи.

Подводя итоги проведенного исследования, мы можем сделать вывод, что многие процессуальные нормы ойратского законодательства — свода законов «Их Цааз» и дополнявших его указов Галдана Бошугту-хана нашли отражение в проанализированном казусе, и это свидетельствует об актуальности ойратского законодательства в практике регулирования правоотношений, в том числе и процессуальных⁷. Вместе с тем тот факт, что одна из сторон была представлена иностранцами, обусловил, во-первых, неприменение некоторых видов получения доказательств (присяга), во-вторых, затягивание процесса и вынесение решения с нарушением прямых указаний материальных норм «Их Цааз». Это дает основание утверждать, что джунгарское писаное право в полной мере распространялось исключительно на ойратских подданных хунтайджи (ср.: [Команджаев, 2010. С. 94; Рязановский, 1931. С. 39]), тогда как в отношении других народов ханства и иностранных подданных на его территории оно применялось избирательно — во многом в зависимости от международных интересов джунгарских правителей.

Использованная литература

Бакунин, 1995: *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Bakunin V. M. Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda. Elista: Kalmytskoe knizhnoye izd-vo, 1995. 153 s.

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk peoples, especially Torghouts, deeds of their khans and rulers. Elista: Kalmyk book publishing house, 1995. 153 p.

Гурлянд, 1904: *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типографія Императорскаго ун-та, 1904. 112 с.

Gurlyand Ya. I. Stepnoye zakonodatel'stvo s drevneyshikh vremen po XVII stoletiye. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo un-ta, 1904. 112 s.

Gurlyand Ya. I. Steppe legislation since the ancient times to the 17th century. Kazan': Imperial university typo-lithography, 1904. 112 p.

Их Цааз, 1981: Их Цааз (Великое уложение): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 147 с.

Ikh Tsaaz (Velikoe ulozhenie): Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. / Per., vved. i komment. S. D. Dylykova. Moskva: Nauka, 1981. 147 s.

S. D. Dylykov (transl.). *Ikh Tsaaz (The Great Code): The monument of the Mongol feudal law of the 17th c.* Moscow: Nauka, 1981. 147 p.

Зайцев, 2008: *Зайцев И. В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. 2008. № 4. С. 3–9.

Zaitsev I. V. Problema udostovereniya klyatvennykh obyazatel'stv musul'manina pered khristianskoy vlast'yu v Rossii XVI–XIX vekov // Rossiyskaya istoriya. 2008. № 4. S. 3–9.

Zaitsev I. V. The problem of certification of sacramental obligations of Moslem before Christian authority in Russia of 16th–19th centuries // Russian History. 2008. 4. P. 3–9.

⁵ Для сравнения приведем еще один пример из записок того же И. С. Унковского, когда «караульной калмык» «обиду учинил» еще одному члену российского посольства подъячму И. Козлову «и еще одному человеку», ойратский суд, которому было представлено достаточно доказательств вины его соотечественника, тут же вынес решение в пользу пострадавших, приговорив виновного к наказанию и, таким образом, «право судил» [Унковский, 1887. С. 107].

⁶ Аналогичные проблемы возникали в российской правовой практике, когда одной из сторон выступали православные, а другой — мусульмане [Зайцев, 2008. С. 4–6].

⁷ Согласно В. М. Бакунину, в юрте, где проходили заседания калмыцкого «зарго», постоянно хранилось «Уложение», т. е. «Их Цааз» [Бакунин, 1995. С. 146].

Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758) / 2-е изд. М.: Наука, 1983. 332 с.

Zlatkin I. Ya. Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758) / 2-e izd. Moskva: Nauka, 1983. 332 s.

Zlatkin I. Ya. The history of Zunghar Khanate (1635–1758) / 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 332 p.

Кадырбаев, 2016: *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*. 2016. С. 30–34.

Kadyrbaev A. Sh. Pamyatniki stepnogo prava «Zhety-Zhargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bichik» i kul'turnye vzaimosvyazi ойратов, kalmykov i khalkhastsev s kazakhami v epokhu Tsin // *Mongolica-XVII*. 2016. S. 30–34.

Kadyrbaev A. Sh. Monuments of steppe legislation «Jety-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period // *Mongolica*. 2016. XVII. P. 30–34.

Кадырбаев, 2017: *Кадырбаев А. Ш.* Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казахами: XVII–XVIII вв. // *Вестник КИГИ РАН*. 2017. Т. 33. № 5. С. 2–10.

Kadyrbaev A. Sh. Pravovye i kul'turnye vzaimosvyazi kalmykov Dzhungarii i Povolzh'ya, khalkhastsev s kazakhami: XVII–XVIII vv. // *Vestnik KIGI RAN*. 2017. T. 33. № 5. S. 2–10.

Kadyrbaev A. Sh. Legislative and cultural relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th–18th centuries // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 2017. 33. 5. P. 2–10.

Команджаев, 2010: *Команджаев Е. А.* Осуществление правосудия у калмыков в XVII–XIX вв. // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 3. С. 92–96.

Komandzhaev E. A. Osushchestvlenie pravosudiya u kalmykov v XVII–XIX vv. // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2010. № 3. S. 92–96.

Komandzhaev E. A. Realization of justice by Kamyks in 17th–19th cc. // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2010. 3. P. 92–96.

Почекаев, 2019: *Почекаев Р. Ю.* Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. // *Oriental Studies*. 2019. Т. 41. № 1. С. 28–40.

Pochekaev R. Yu. Rossiyskie puteshestvenniki o pravovykh otnosheniyakh v Dzhungarskom khanstve XVIII v. // *Oriental Studies*. 2019. T. 41. № 1. S. 28–40.

Pochekaev R. Yu. Russian Travelers on Legal Relations in the 18th-Century Zunghar Khanate // *Oriental Studies*. 2019. 41. 1. P. 28–40.

Рязановский, 1931: *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Типография Н. Е. Чинарева, 1931. 306 с.

Ryazanovskiy V. A. Mongol'skoe pravo, preimushchestvenno obychnoe. Kharbin: Tipografiya N. E. Chinareva, 1931. 306 s.

Ryazanovskiy V. A. Mongolian law, predominantly customary one. Harbin: N. E. Chinarev's Printing Press, 1931. 306 p.

Санчи́ров, 2011: *Санчи́ров В. П.* Джунгарский съезд монгольских и ойратских князей (1640 г.) // *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*. 2011. № 2. С. 101–105.

Sanchirov V. P. Dzhungarskiy s'ezd mongol'skikh i ойратских knyazey (1640 g.) // *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost'*. 2011. № 2. S. 101–105.

Sanchirov V. P. Zunghar congress of Mongol and Oyrat princes (1640) // *Oriens*. 2011. 2. P. 101–105.

Слесарчук, 2013: *Слесарчук Г. И.* Из истории русско-джунгарских отношений в начале XVIII в. // Г. И. Слесарчук. Статьи разных лет. Улан-Батор: [Б. и.], 2013. С. 209–212.

Slesarchuk G. I. Iz istorii russko-dzhungarskikh otnosheniy v nachale XVIII v. // G. I. Slesarchuk. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator: [Bez idatel'stva], 2013. S. 209–212.

Slesarchuk G. I. On the history of Russian-Zunghar relations at the beginning of the 18th c. // G. I. Slesarchuk. Articles of different years. Ulaanbaatar: [S. n.], 2013. P. 209–212.

Солощева, 2013: *Солощева М. А.* Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. «Востоковедение и африканистика»*. 2013. № 1. С. 58–67.

Soloshcheva M. A. Kukunorskiy myatezh 1723–1724 godov i ego znachenie dlya istorii Tibeta // *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2013. № 1. S. 58–67.

Soloshcheva M. A. The significance of the Koko Nor rebellion of 1723–1724 in the history of Tibet // *Vestnik of the St. Petersburg University. Ser. 13. Oriental and African Studies*. 2013. 1. P. 58–67.

Уметбаев и др., 2013: *Уметбаев Т. Ш., Тепляшин П. В., Бутадаров С. М.* Становление правовой системы западных монголов в XVII–XVIII вв. (по материалам Г. И. Спасского) // *Проблемы востоковедения*. 2013. № 3 (61). С. 28–38.

Umetbaev T. Sh., Teplyashin P. V., Butadarov S. M. Stanovlenie pravovoy sistemy zapadnykh mongolov v XVII–XVIII vv. (po materialam G. I. Spasskogo) // *Problemy vostokovedeniya*. 2013. № 3 (61). S. 28–38.

Umetbaev T. Sh., Teplyashin P. V., Butadarov S. M. The development of the western Mongolian legal system in 17th and 18th centuries (according to G. I. Spassky's materials) // *The Problems of Oriental Studies*. 2013. 3 (61). P. 28–38.

Унковский, 1887: *Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / Изд., предисл. и примеч. Н. И. Веселовского. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1887. 277 с.*

Posol'stvo k zyungarskomu khun-taychzhi Tsevan Rabtanu kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoy zhurnal ego za 1722–1724 gody / Izd., predisl. i primech. N. I. Veselovskogo. Sankt-Peterburg.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1887. 277 s.

N. I. Veselovskiy (ed.). Embassy to the Zunghar Khong Tayiji Tsevang Rabtan of Ivan Unkovsky, the captain of artillery, and his travel diary of 1722–1724. St. Petersburg: V. Kirshbaum's Printing Press, 1887. 277 p.

Чернышев, 1990: *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 135 с.

Chernyshev A. I. Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitiye ойратов v XVIII v. Moskva: Nauka, 1990. 135 s.

Chernyshev A. I. Social and state development of Oyrats in the 18th c. Moscow: Nauka, 1990. 135 p.

Courant, 1912: *Courant M. L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lyon: Imprimerie A. Rey, 1912. 151 p. (In French).

Perdue, 2005: *Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Asia.* Cambridge; London: The Belknap Press, 2005. 725 p.

Roman Yu. Pochekaev

**Judicial proceeding in the Zunghar Khanate with the participation of foreigners
(based on the notes of I. S. Unkovskiy)**

The article is an analysis of the report of Ivan Unkovskiy, the ambassador of the Russian Empire in the Zunghar Khanate in 1722–1723 devoted to the Oyrat trial with the participation of members of the Russian embassy. This text allows author to reconstruct the basic elements of the judicial proceeding in the Zunghar Khanate including its stages, status of participants, methods of gathering and evaluation of evidences, etc. This case also gives an opportunity for the comparative legal analysis of specific case and rules of court proceeding in the Oyrat law, especially in the code of laws Ikh Tsaaz (“Great Code”) of 1640 and two edicts of Galdan Boshughtu Khan of 1670s which supplemented it. Besides that, the specific feature of this case is a participation of foreigners in the trial. It allows to clarify the reasons of privileged status of Russian participants in contrast to less capable one of foreign subjects who also were under trial in the Zunghar Khanate.

Key words: Russian Empire, Zunghar Khanate, travelers’ notes, traditional law, court and proceedings.

Roman Yu. Pochekaev — Candidate in law, associate professor, professor, head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya str., St. Petersburg, 198099, Russia).
rpochekaev@hse.ru

К. В. Алексеев

О топосе «похода» в монгольском сочинении «Эрдэни тунумал» *

© К. В. Алексеев, 2021
DOI 10.25882/h7z4-5a08

В тексте монгольского сочинения XVII в. «Эрдэни тунумал» обращают на себя внимание стереотипные описания военных походов Алтан-хана и его ближайших потомков. Эти эпизоды, обладающие единой семантикой и относительно устойчивой структурой, можно отнести к категории топоса. Ядро топоса похода в «Эрдэни тунумал» формируют единичные глаголы в характерной позиции и устойчивые формулы. Образующий ими семантический каркас «надстраивается» прагматическими или легендарными деталями, составляющими периферию топоса. Предикативность формул, составляющих топос похода в «Эрдэни тунумал», и тот факт, что некоторые из них встречаются уже в «Сокровенном сказании», указывают на их раннее, возможно докнижное, происхождение.

Ключевые слова: «Эрдэни тунумал», Алтан-хан, монгольская литература, топос, формула.

Алексеев Кирилл Всеволодович — старший преподаватель СПбГУ, Восточный факультет, кафедра монголоведения и тибетологии (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).
kirill.alekseev@spbu.ru

Стихотворный памятник монгольской литературы XVII в. «Эрдэни тунумал» (монг. *Erdeni tunumal*¹, далее: ЭТ) представляет собой сочинение сводного характера, повествующее о деяниях Алтан-хана (1507–1582) и его ближайших потомков. По мнению исследователей, текст ЭТ был составлен анонимным автором вскоре после 1607 г.² Его единственный известный на сегодня рукописный экземпляр хранится в библиотеке Академии общественных наук Внутренней Монголии в г. Хух-Хото³.

С момента первого упоминания ЭТ в научной литературе⁴ сочинение привлекло внимание монголоведов в качестве ценнейшего источника по истории

монголов второй половины XVI — начала XVII в. и в дальнейшем в первую очередь именно в этом качестве исследовалось учеными⁵. Тем не менее, как отмечают исследователи, в типологически средневековой литературе интеллектуальная форма познания и образность совпадали [Колесов, 1989. С. 9], и подобного рода тексты, будучи важными историческими источниками, в то же время представляют собой памятники литературные. Варьирование подходов к их изучению диктуется самим материалом — за изданием, комментированием и текстологическим исследованием неизбежно следует изучение художественных особенностей памятника, его поэтики и стилистики — изучаются «содержательные формы текста» [Колесов, 1996. С. 93].

Даже при поверхностном знакомстве с текстом ЭТ бросается в глаза обилие в нем разноуровневых устойчивых компонентов. Для поэтической структуры сочинения характерны строго определенные возможности сюжетных сочетаний, ритуалистика повествования, повторяемость стилистических конструкций, стереотипность описания определенных сюжетов. Подобные признаки, формирующие нормативную поэтику литературы средневекового типа, различны по своему объему и содержанию и по-разному обо-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-09-00539 «„История Алтан-хана“ — уникальный источник по истории и культуре монголов второй половины XVI — начала XVII в.: комплексное текстологическое и историко-лингвистическое исследование».

¹ Полное название сочинения – *Erdeni tunumal neretii sudur* («Трактат под названием „Драгоценная ясность“»).

² О датировке и авторстве ЭТ см., например: [Elverskog, 2003. P. 4, fn. 9, 45–48, 53–58; Kollmar-Paulenz, 2001. S. 18–23].

³ Согласно Дж. Элверскогу рукопись хранится в библиотеке под шифром 22.912 48:1 [Elverskog, 2003. P. 43, 216, fn. 1]. См. также: [YG, 1999. No. 09328].

⁴ Фрагмент ЭТ был использован Ш. Нацагдоржэм для анализа титулов Алтан-хана [Нацагдорж, 1963. С. 10].

⁵ Об истории изучения памятника см., например: [Elverskog, 2003. P. 1–2; Kollmar-Paulenz, 2001. S. 30–33].

значаются исследователями⁶. Достаточно емкими для описания закономерностей устройства текстов, базирующихся на эстетике тождества⁷, являются понятия «топос» и «формула».

Исходное толкование «формулы» в эпосе было задано в работах М. Пэрри и А. Лорда⁸ и развито в трудах исследователей различных фольклорных традиций⁹, а для письменной литературы так называемой эпохи «готового текста» — в трудах медиэвистов¹⁰. Понятие «топос» было введено в современную филологию Э. Р. Курциусом [Curtius, 1963] и широко применяется в литературоведении¹¹.

Тем не менее оба понятия, несмотря на внушительную историю использования их в научных трудах, до сих пор не имеют в науке однозначного определения. Обозначая различные константы литературных традиций, эти термины носят категориальный характер. Их объем и реальное наполнение слабо разграничены и существенно варьируются у различных исследователей. Зачастую они используются для обозначения одних и тех же явлений и максимально широко обозначают весь набор общих мест текста¹², что приводит к необходимости использования дополнительной дифференцирующей терминологии.

Для осуществления задач настоящего исследования необходимо, по возможности, разграничить оба термина. В этой связи мне представляется продуктивным подход, предложенный группой Санкт-Петербургских исследователей для использования понятия «топос» применительно к анализу художественных текстов постриторической эпохи. По мнению авторов, формула «...сводима к определенному лексикограмматическому составу, имеющему твердое ядро, представленное в наиболее частых и типичных ре-

ализациях, и (в меньшей степени) к устойчивой смысловой и/или композиционной позиции в тексте либо к набору таких позиций» [Двинягин, 2019. С. 67]. Топос же представляет собой более объемное и менее четко структурированное общее место, которое обладает большим набором возможностей для конкретных реализаций и имеет больший объем лексической и грамматической периферии. В отличие от относительно устойчивых формул топосы более вариативны. Топика подразумевает небуквальность заимствования и представляет собой ослабленную, размытую форму интертекстуальности [Васильева, Двинягин, Степанов, 2020. С. 162; Двинягин, 2018. С. 81; 2019. С. 67, 70].

Исходя из целей описания именно монгольских, типологически средневековых текстов к этому необходимо добавить, что, в отличие от мотива, топос может быть выделен как однозначный и непрерывный фрагмент текста¹³. Набор формул связан в первую очередь не с топосом, а с литературным этикетом, зависящим от предмета описания¹⁴. Так, например, в повествованиях о буддийской истории монголов можно выделить ряд топосов¹⁵, составленных из одних и тех же формул. Также необходимо отметить, что для организации топики ЭТ важное значение имеют стереотипные слова в характерной позиции, которые я склонен выделить здесь в отдельную категорию¹⁶.

Исследователи ЭТ не могли обойти вниманием стилистическую неоднородность памятника. Так, например, К. Коллмар-Пауленц отмечает, что текст ЭТ можно разделить на две большие части. Первая из них, листы 1–17г (до строфы 126 включительно), в основном посвящена описанию военных походов монголов и в плане структуры и языка повествования близка к монгольскому героическому эпосу. Вторая же часть текста, листы 17г–54г (строфы 127–384, до объемного колофона), повествующая главным образом о распространении Алтан-ханом и его ближайшими потомками буддизма в монгольском культурном пространстве, построена, по мнению исследовательницы, по образцу тибетских агиографических сочинений *намтаров* (тиб. *rnam thar*). Для обеих частей К. Коллмар-Пауленц приводит ряд характерных формул [Kollmar-Paulenz, 2001. S. 33–49].

Действительно, хотя и в меньшей степени, нежели другие сочинения монгольской историографии XVII в., ЭТ выказывает признаки текстов анфиладного типа¹⁷, совмещающих исходно разностилевые

⁶ Обзор терминологии, описывающей подобные литературные явления, см., например: [Колесов, 1989. С. 136–137; Руди, 2005. С. 61].

⁷ Термин Ю. М. Лотмана.

⁸ См. центральную работу: [Lord, 1971].

⁹ См., например, фундаментальную работу Г. И. Мальцева: [Мальцев, 1989]. О формуле в монгольской фольклорной традиции см., например: [Кульганек, 2010. С. 117–123; Неклюдов, 1978].

¹⁰ См., например, работы В. В. Колесова [Колесов, 1989; 1996], наиболее полно и теоретически насыщенно описывающие формулы в древнерусской литературной традиции.

¹¹ Об основных вопросах, связанных с использованием понятия «топос» в литературоведении, см., например: [Степанов, 2018].

¹² Так, например, Т. Р. Руди определяет топос как «...любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» ([Руди, 2005. С. 60–61], см. также: [Руди, 2006. С. 432, примеч. 3]), в то время как О. В. Творогов называет «...традиционные, часто повторяющиеся обороты речи, устойчивые словосочетания, сходные описания сходных ситуаций, которые мы встречаем в тексте летописей, воинских повестей, житий...» литературными формулами [Творогов, 1964. С. 29].

¹³ О разграничении понятий «мотив» и «топос» см., например: [Неклюдов, 2004. С. 242–243].

¹⁴ О зависимости литературного этикета от предмета описания см.: [Лихачев, 1961. С. 6–7].

¹⁵ Буддийские мотивы у А. Д. Цендиной [Цендина, 2007. С. 111–130]. См. также: [Базарова, 2006. С. 274–295; Бира, 1978. С. 165–284].

¹⁶ В концепции Пэрри-Лорда единичные слова в узнаваемой позиции играют роль формул. См.: [Lord, 1971. P. 30–67].

¹⁷ О них см.: [Лихачев, 1966].

и не совпадающие по функциональным характеристикам жанры в композиционно целостном памятнике. Однако это совмещение является результатом значительно более сложного процесса, чем прямое заимствование типичных признаков того или иного жанрового стиля для составления единого произведения. Во взаимодействии различных речевых стихий «...элементы разного происхождения в пределах общего жанра становились стилистическими вариантами общего литературного языка» [Колесов, 1989. С. 13].

В тексте ЭТ обращают на себя внимание стереотипные описания монгольских военных походов, которые и являются объектом настоящего исследования. Подавляющее большинство их сосредоточено в первой части произведения, однако и во второй части ЭТ, насыщенной буддийской тематикой, при описании военной активности автор использует аналогичные клише. Приведу несколько примеров простейших фрагментов ЭТ с описаниями военных кампаний монгольских ханов:

1. Строфы 30–31¹

[5r9] tedüi dayun [10] qaγan jегün түмен-iyer neyilejü morilayad::

uyiyud vayilari dalan terigün neretü [12] γaγar-a daruyad:
 ünesü metü keyiskejü [13] unin metü butarayuluγad
 üneker ösi-[14]y-e-ten-i dayisun-i doroyitayuluγad:
 [15] ordos түмен-i oroγuluγad qariju [16] esen түgel bayubai::

Тотчас Даян-хаган^{II}, собрав восточные *тумэны*, выступил [в поход].
 [Они] разбили уйгурских злодеев^{III} в местности под названием Далан Тэригун^{IV},
 Разметали как золу, рассеяли как дым,
 Покорили воистину мстительных врагов,
 Подчинили ордосский *тумэн* и, вернувшись, завершили поход^V целыми и невредимыми.

2. Строфа 42

[6v3] qara moγai jile mergen jinong [4] altan qaγan qoyayula
 qangγai qan-u [5] daban ayalaju uriyangqan-i tayuliyad :
 [6] γayiqamsiy-tu bayasqulang-tu-y-a [7] olja olju esen түgel
 qariju : [8] mön moγai jil-e bayuγsan ajuγu ::

В год черной змеи^{VI} Мэргэн-джинон^{VII} и Алтан-хаган,
 Перевалив через [горы] Хангай-хан^{VIII}, отправились [в поход] и разорили урянхайцев.
 Захватив на радость и удивление [большую] добычу и вернувшись целыми и невредимыми,
 [Они] в том же году змеи закончили поход.

3. Строфа 57

[8r13] tegünü [14] qoyin-a altan qaγan kitad-tur ayalaju :
 [15] darqan qota-yi egerejü bayiqui čay-tur :
 [16] dailaldun iregsen čerig-i inu tobray [17] bolayad :
 tal[a]γ-a olja eng ügei abuyad [18] esen түgel bayujuqui ::

¹ Номера строф в статье даются по: [Kollmar-Paulenz, 2001]. Транскрипция выполнена по факсимильному изданию памятника. См.: [ETNSO, 2012. P. 181–234]. В транскрипции текста используются следующие дополнительные знаки: п — “п” с диакрит. точкой; q̄, γ̄ — “q”, “γ” с двумя диакрит. точками, t̄ — иници. “t” в начале суффиксов вместо “d”.

^{II} Бату Мункэ Даян-хан (вторая пол. XV — первая пол. XVI в.). О проблеме датировки жизни и правления Даян-хана см., например: [Elverskog, 2003. P. 49].

^{III} Монг. *vayilari*. Вероятно, искаж. *jayilari* (< *jayilar-i*) = *jayilur* — ‘негодяй’ [Голстунский, 1893–1895. III. С. 310; Elverskog, 2003. P. 225, fn. 19; Lessing, 1960. P. 1027].

^{IV} Букв.: ‘Семьдесят холмов’, кит. *Yinshan* — название горной системы на севере современного Китая [Narangoa, Stibb, 2014. P. 5, 301].

^V Монг. *bayubai*, букв.: ‘сошел (с лошади), спешился’. О глаголе *bayu-* в значении ‘разбивать лагерь, располагаться лагерем’ см., например: [Cleaves, 1953. P. 105; de Rachewiltz, 2006. II. P. 908, 916]. О формуле, образуемой этим глаголом, см. ниже в статье.

^{VI} 1533 г.

^{VII} Старший брат Алтан-хана (1506–1542).

^{VIII} Здесь западная часть горной системы Иньшань (см. примеч. IV) [Elverskog, 2003. P. 85, fn. 46].

После этого Алтан-хаган отправился [в поход] на китайцев.
 Во время осады города Дархана^{IX}
 [Они] разбили в прах вышедшее на битву [городское] войско
 И, захватив необычайно [большую] добычу, целым и невредимым завершили поход.

4. Строфа 58

[8r18]čayan üker jile [19] mergen jinong altan qayan qoyayula :
 čay-a-[20]jilaju yeke ulus-iyān abuyad nanggiyad [21]-tur ayalaju :
 čayan kerem-eče ketürkei [22] oduyad abay-a qota-yi ekileju :
 čay-[23]lasi ügei olja talay-a olan abuyad [24] bayuysan ajuyu ::

В год белого быка^X Мэргэн-джинон и Алтан-хаган,
 Объявив указ^{XI} и взяв свой Великий улус, отправились [в поход] на Китай.
 [Они] значительно продвинулись за Великую стену и, начиная с города Абага^{XII},
 Захватили безмерно много добычи и завершили поход.

5. строфа 95

[12v4] čaylasi ügei [5] yeke ulus-iyān abuyad altan qayan [6] kitad-tur ayalaju :
 čayan kerem-i daba-[7]ju siyeü neretü qota-yi quriyaju [8] abuyad :
 čay ügei altan münggün eđ [9] ayurasun em-e köbegüd-i oljalayad :
 čineju [10] ülü bolqu yeke talay-a abuyad esen [11] tügel bayubai ::

Взяв свой несметный Великий улус, Алтан-хаган отправился [в поход] на Китай
 И, пройдя за Великую стену, осадил и занял город Шичжоу^{XIII}.
 Без числа завладели [они] золотом, серебром, женщинами и детьми,
 Захватили неизмеримо великую добычу и завершили поход целыми и невредимыми.

6. строфа 346

[47r6] basa ber qayan qatun [7] ači qung tayiji terigüten tümed-ün [8] noyad:
 barayun eteged-ün kitad töbed [9] sirayiyur jarliy-ača eteged yabuysan-i [10] kesegeju:
 barimtalaju öber-ün erke-dür [11] oroyuluayad talbiju bür-ün :
 bayasqulang-[12]tay-a čayan taulai jil-e esen tügel qariju [13] bayubai ::

Также хаган, хатун, внук Хунтайджи^{XIV} и прочие тумэтские ноёны
 Усмирили выказавших неповиновение^{XV} западных китайцев, тибетцев и желтых уйгуров
 И твердо подчинили их своей власти.
 Благополучно вернувшись здоровыми и невредимыми, [они] завершили [поход] в год белого зайца^{XVI}.

Приведенные примеры представляют собой стереотипные описания военных походов монголов с погодной и/или пособытийной регистрацией. В этих и аналогичных фрагментах основными актантами являются ханы-предводители и монгольское войско. Действия противоположной стороны упоминаются крайне редко и исключительно в более развернутых описаниях походов¹.

Узловыми компонентами каждого фрагмента являются единичные глаголы в характерной позиции, а также образуемые ими глагольные конструкции. И те и другие носят формульный характер и выстраивают стереотипную схему последовательности событий-действий, образующую семантический каркас топоса. Событийное содержание топоса распадается на три части — выступление в поход, сражение

^{IX} О нем см.: [Elverskog, 2003. P. 91, fn. 72; Kollmar-Paulenz, 2001. S. 241, fn. 149].

^X 1541 г.

^{XI} Монг. *čayačalaqu, čayačilaqu* в контексте военной тематики — издавать приказ войскам при выступлении в поход [Голстунский, 1893–1895. III. С. 246].

^{XII} См.: [Elverskog, 2003. P. 91, fn. 75].

^{XIII} Шичжоу, совр. Лиши в провинции Шаньси [Elverskog, 2003. P. 113, fn. 151–152; Kollmar-Paulenz, 2001. S. 254, fn. 241].

^{XIV} Речь идет о внуке Алтан-хана Намудай Сэцэн-хане (1586–1607), Дзонген-хатун (акт. 1582–1612) и Омбу Хунтайджи (ум. 1624). Об идентификации *ači qung tayiji* см.: [Elverskog, 2003. P. 198, fn. 35].

^{XV} Букв.: ‘отступивших от повеления’, ср. *‘tory ece eteged yile jabudal’* — ‘Acts violating the law’ [Lessing, 1960. P. 1203].

^{XVI} 1591 г.

¹ См. ниже.

и победа (тексту «неизвестны» неуспешные походы монгольских ханов) и благополучное завершение похода^{1а}, — образуемые тремя группами базовых глаголов и формул, которые могут «надстраиваться» прагматическими или легендарными деталями, составляющими периферию топоса.

Выступление в поход маркируется глаголами *ayala-*, букв.: ‘отправляться в путь’; *dobtulu-*, *morda-*, *morila-*, букв.: ‘ехать верхом, отправляться на лошади’ и *ayalaḷu morila-* букв.: ‘отправляться в путь верхом’. Будучи включены в контекст военных действий, они приобретают значение ‘выступить в поход’, ‘атаковать’.

При кратком описании победоносного сражения и захвата добычи к уже названным глаголам *dobtulu-* и *morda-* добавляются *bayildu-* реципр. от *bayi-*, букв.: ‘стоять напротив друг друга’²; *čabči-*, букв.: ‘рубить’; *dayila-* букв.: ‘воевать’ — все в значении ‘атаковать’, ‘сражаться’, ‘нападать’.

Ряд единичных глаголов и глагольных формул описывают результат сражения — уничтожение врага и захват добычи: *ab-*, букв.: ‘брать’ > ‘захватывать’, ‘подчинять’; *daru-*, букв.: ‘давить, жать’ > ‘побеждать’, ‘покорять’; *oroḡul-*, букв.: ‘вводить’ > ‘подчинять’, ‘покорять’; *doroyitaḡul-* букв.: ‘ослаблять’ > ‘покорять’; *neke-*, букв.: ‘гнаться’ > ‘преследовать’; *olḡala-*, букв.: ‘добывать’ > ‘захватывать добычу, трофеи, пленников’; *samsiya-*, букв.: ‘истреблять, уничтожать’; *taḡuli-* ‘грабить, захватывать добычу’³. Продуктивными в этом контексте становятся формула *erke-dür/degen oroḡul-*, букв.: ‘вводить под свою власть’ > ‘покорять’, а также ряд синонимичных формул со значением ‘захватить добычу, пленников’: *olḡa bolḡa-*, *olḡa ol-*, *talaḡ-a ab-*, *olḡa talaḡ-a ab-*, *talaḡ-a olḡa⁴ ab-*, *sang tatalḡ-a ab*. Также уничтожение противника маркируется формулой *tobraḡ bolḡaḡa-*, букв.: ‘превратить в пыль’ > ‘разбить в прах’, ‘уничтожить’ и комбинацией формул *ünesü metü keyiskeḡjü ünin metü butaraḡul-* ‘разметать как золу, развеять как дым’⁵.

Завершение военных действий практически повсеместно отмечено глаголом *baḡu-*, букв.: ‘спускаться, слезать с коня, спешиваться’ в различных формульных сочетаниях, которые означают завершение похода: *esen tügel baḡu-* ‘завершить поход целым и невредимым’, *qariḡu baḡu-* ‘вернувшись, завершить поход’, *esen tügel qariḡu... baḡu-* ‘вернувшись целым и невредимым... завершить поход’, *qariḡu esen tügel... baḡu-* ‘вернувшись... завершить поход целым и невредимым’, *amuḡulang-a baḡu-* ‘благополучно за-

вершить поход’, *engke amuḡulang qariḡu baḡu-* ‘спокойно и благополучно вернувшись, завершить поход’, *engke amuḡulang-a ordo-taḡan qariḡu baḡu-* ‘спокойно и благополучно вернувшись в ставку’⁶, завершить поход’; *amuḡulang nuta ger-tegen qariḡu baḡu-* ‘благополучно и уверенно вернувшись домой, завершить поход’, *altan jiluyaban jalarajū... baḡu-* букв.: ‘выпрямив свои золотые поводья...’⁷ завершить поход’.

Ряд этих глаголов и формул используются для описания боевых действий уже в «Сокровенном сказании» (монг. *Niyuḡa tobčiyān*, далее: СС), а также в монгольских летописях XVII в. Ср.: *ayan ayala-* ‘выступать в поход’⁸ [Cleaves, 1949. P. 101, n. 32; de Rachewiltz, 2006. II. P. 905]; *daru-* ‘одолевать, побеждать, истреблять, уничтожать’ [de Rachewiltz, 2006. I. P. 432, 622]; *dobtulu-* ‘нападать’ (ср. *köndelen-eče dobtulju* ‘атаковать с флангов’) [de Rachewiltz, 2006. I. P. 622, II. P. 915]; *doroyitaḡul-* ‘покорять’ [de Rachewiltz, 2006. I. P. 432]; *morila-*, *čerig morila-* ‘выступать [в поход] с войском’ [Cleaves, 1996. P. 24, n. 162; de Rachewiltz, 2006. II. P. 706]; *oroḡul-* ‘вводить [под свою власть] (в качестве подданного), подчинять’ [Cleaves, 1951. P. 88, n. 82; de Rachewiltz, 2006. II. P. 851]; *taḡuli-* ‘грабить, разорять’ [de Rachewiltz, 2006. I. P. 432, 577, 591].

Глагол *baḡu-* многократно используется в СС в значении ‘разбивать лагерь, располагаться лагерем’ по окончании или во время военной кампании⁹. При этом в СС он, как правило, дается в сочетании с названием местности, в которой необходимо лагерь разбить. Ср.: *qariḡu sa’ari-ke’er-i bawuba*¹⁰ [de Rachewiltz, 1972. P. 146, I. 10103–10104] ‘...вернувшись, разбил лагерь в [степи] Саари-хээр’¹¹; *cinggis-qahan qosivū-yi bawu’at jungdu-yin sira ke’er bawuba* [de Rachewiltz, 1972. P. 147, I. 10125–10126] ‘Чингисхан, расположившись лагерем в Хосиву, [затем] разбил лагерь в Шара-хээр в Чжунду’¹²; *yeke a’uruḡ-tur bawuju ireba* [de Rachewiltz, 1972. P. 149, I. 10226] ‘...встал большим лагерем’. В исследуемых фрагментах ЭТ глагол *baḡu-*, как правило, дается без топониима в конце эпизода и означает завершение похода.

⁶ О значении слова *ordo* см.: [de Rachewiltz, 2006. I. P. 453–454].

⁷ Об использовании глагола *jalara-* в этой конструкции в качестве переходного см.: [Cleaves, 1996. P. 20, n. 140]. Об использовании формулы *altan jiluy-a egere-* в значении окончания военного похода см.: [Cleaves, 1996. P. 19–20, n. 140; de Rachewiltz, 2006. II. P. 938, 1011–1012].

⁸ В переводе Ф. Кливза букв.: ‘to campaign a campaign’.

⁹ См. комментарий в: [Cleaves, 1953. P. 105; de Rachewiltz, 2006. II. P. 908, 916].

¹⁰ При передаче фрагментов СС в статье сохранена транскрипция И. де Рахивилца.

¹¹ О местности Саари-хээр см.: [de Rachewiltz, 2006. I. P. 471].

¹² О топонимах в этом фрагменте см.: [de Rachewiltz, 2006. II. P. 916].

^{1а} Ср. с замечанием А. С. Орлова о литературной оболочке русских воинских сюжетов [Орлов, 1902. С. 6].

² О реципр. с глаголом *bayi-* см.: [Porre, 1954. P. 62, pag. 232].

³ См.: [Голстунский, 1893–1895. III. С. 18]. Ср.: ср.-монг. *da’uli-* ‘грабить, мародерствовать’ [de Rachewiltz, 2006. I. P. 591].

⁴ Вариант *talḡ-a olḡa*.

⁵ О происхождении формулы см. ниже.

Словосочетание *esän tükäl* встречается уже в древнетюркских текстах и означает то же, что и *esän* — ‘здоровый, невредимый’ [Древнетюркский словарь, 1969. С. 595–596].

В СС эти слова встречаются по-отдельности. Ср.: *ögödei-yin amin esen gürgejü irejü büle’e* [de Rachewiltz, 1972. P. 124, l. 8433] ‘...доставил Угэдэя невредимым’; *tübsin tükel qariju qara-qorum-a bawuba* [de Rachewiltz, 1972. P. 165, l. 11329] ‘спокойно и благополучно вернувшись, [он] расположился в Каракоруме’. Однако в «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна (монг. *Erdeni-yin tobči*, далее: ЭТСС) мы уже встречаем всю формулу целиком: *bing bars jile esen tügel kürcü irebei* [Sayang Secen, 1990. F. 91r06] ‘...в год барса бинг прибыл здоровым и невредимым’; *sayang sečen qong tayiji-yin ulus-tur esen tügel kürcü irebei* [Sayang Secen, 1990. F. 91v13–14] ‘...здоровым и невредимым прибыл в улус Саган Сэцэна Хун-тайджи’.

Вариант формулы *olja talay-a/sang tatalay-a ab-/ol-* также присутствует уже в СС в двух практически идентичных поэтических ритмизированных вставках, передающих речь Чингис-хана: *olon dayin-tur ha’ulu’asu olja olu’asu oluqsa’ar abutqun* [de Rachewiltz, 1972. P. 96, l. 64126413], *olon dayisun-tur havu-liju olja olu’asu oluqsa’ar abutqun* [de Rachewiltz, 1972. P. 126 l. 8609–8610] ‘если, стремительно нападая на многочисленного врага, захватите добычу, то забирайте [ее]!’ В ЭТСС встречается вариант формулы, идентичной ЭТ: *kitad-un yajara ayalan morilayad: ...yeke olja tatalayan-i abuyad:* [Sayang Secen, 1990. F. 22r16-22r18] ‘...отправившись в поход в китайские земли... захватили большую добычу’; *tendeče çaylasi ügei yeke olja tatalayan-i abun: egegercü bayıysan-u qoyına* [Sayang Secen, 1990. F. 87r25–26] ‘Затем, после того как, захватив несметную, великую добычу, вернулись и завершили поход...’. Ср. с текстом в «Шара туджи» (монг. *Sira twuji*): *dörben oyirad-i dobtulju olja bolıyan abçu* [Цендина, 2017. С. 160] ‘...напали на Четырех ойратов и, захватив их, вернулись’¹³; *dörben oyirad-i künggüi jabqan-tur dobtulju yeke olja abçu bayıyad* [Цендина, 2017. С. 168] ‘Она напала на Четырех ойратов на Хунгуй и Дзабхане’¹⁴ и, захватив много добычи, вернулась’¹⁵.

Присутствует в СС и формула *ünesü metü keyiske-*¹⁶. Ср.: *tayici’ud-i uruq-un uruq-a gürtel hünüsü-’er keyisgen kiduba* [de Rachewiltz, 1972. P. 67, l. 4403] ‘...истребил и пеплом развеял тайчиудов вплоть до потомков их потомков’; *irgen-i inu hünüsü-’er keyistele tala’ulba* [de Rachewiltz, 1972. P. 159, l. 11006] ‘...разорил, развеяв как пепел, народ его’. В других, более поздних монгольских текстах она также присутствует в эпизоде уничтожения тангутского Эсэ-Хамбу [Цендина, 2017. С. 65–66].

¹³ Перевод А. Д. Цендиной [Цендина, 2017. С. 85].

¹⁴ Реки Хунгуй и Дзабхан, протекающие на северо-западе Монголии [Там же. С. 120].

¹⁵ Перевод А. Д. Цендиной [Там же. С. 87].

¹⁶ Комментарии к формуле см.: [de Rachewiltz, 2006. I. P. 381, 538; II. P. 970].

Эквивалент формулы *altan jiluyaban jalara-* также содержится в тексте СС: *altan jilo’a batu-da tataju ire’esü tende maqa boltuqai* [de Rachewiltz, 1972. P. 153, l. 10531–10532] ‘...если я вернусь, крепко натянув золотые поводья, это должно быть сделано!’; *altan jilu’a icun tataju salulcaqui qurim qurimlaya ke’eldüjü* [de Rachewiltz, 1972. P. 165, l. 11417–11418] ‘...повернув [к дому] золотые поводья, решили устроить прощальный пир’.

Семантический каркас топоса похода в ЭТ, образованный единичными глаголами в характерной позиции вкупе с базовыми формулами и задающий стереотипную последовательность событий, «надстраивается» прагматическими или легендарными деталями, составляющими периферию топоса. Для всех трех этапов осуществления похода эти детали конкретизируют:

— время действия, например: *köke morin jil-e* ‘в год синего коня’; *çayan taulai jil-e* ‘в год белого зайца’ и т. д.;

— цель похода, объект нападения, например: *uriyangqan-dur* ‘на урянхайцев’; *kitad-tur, nanggiyad-tur* ‘на китайцев’; *qaritan dayisun-i dobtulun od-* ‘атаковать иноплеменных’¹⁷ врагов’; *ögeled bayatud-tur dobtulu-* ‘нападать на олётов и батудов’; *tede-lüge bayildu-* ‘сразиться с ними’; *çerig-i çabçi-* ‘сразиться с войском’; *uyıyud-i dayıla-* ‘сражаться с уйгурами’ и т. д.;

— силу войска, например: *jegün tümen-iyer neyilejü* ‘собрав восточные тумэны’; *barayun yurban tümen-i abçu* ‘взяв три западных тумэна’; *yeke ulus-ıyan abuyad* ‘взяв свой Великий улус’; *narmai yeke ulus-ıyan çerig abuyad* ‘взяв войско всего Великого улуса’; *ködelküi yeke çerig-ıyen abçu* ‘взяв свое мобильное войско’ и т. д.;

— направление передвижения войска, например, *çayan kerem-i dabaıu* ‘продвинувшись за Великую стену’; *qangyái qan-u daban* ‘перевалив через [горы] Хангай-хан’ и т. д.

Эти вариативные детали, в свою очередь, позволяют вводить в повествование новые уровни формул. Так, например, объекты нападения монгольского войска характеризуются формулами, состоящими из сочетания слова *dayisun* ‘враг’ или имени конкретного противника с устойчивыми эпитетами — *ösiyeten* ‘ненавидимые, заклятые, смертельные (враги)’¹⁸; *qari/qaritan* ‘иноплеменные, чужие по роду’¹⁹; *omoy-tu* ‘спесивые, надменные’; *atayatu* ‘завистливые, мстительные’.

Помимо этого, каждое из последовательных событий (выступление в поход, сражение/победа, счастливое окончание похода) может разворачиваться в более подробное повествование за счет включения в текст более детальных описаний отдельных эпизодов

¹⁷ Т. е. чужих по роду. См.: [Голстунский, 1893–1895. II. С. 99].

¹⁸ См.: [de Rachewiltz, 2006. I. P. 489].

¹⁹ См. примеч. 18.

или же переработок устных преданий и легенд. Первые, как правило, представляют собой предыстории походов, несколько более подробные описания военных действий, рассказы о заключении мира между враждующими сторонами. Вторые изображают события фантастические, поражающие читателя своей необычностью. К таким фрагментам относится, например, один из эпизодов противостояния монголов с ойратами, когда враги, увидев свет, исходящий от Алтан-хана, и искры, вылетающие из-под копыт его коня, были настолько поражены увиденным, что бежали без боя (строфы 89–91)²⁰.

Итак, в тексте ЭТ можно выделить ряд эпизодов, описывающих военные действия монголов в привле-

ние Алтан-хана и его ближайших потомков. Эти эпизоды, обладающие единой семантикой и относительно устойчивой структурой, можно отнести к категории топоса. Узловыми компонентами топоса похода в ЭТ являются единичные глаголы в узнаваемой позиции, а также образуемые ими формулы. Предикативность формул в ЭТ и тот факт, что некоторые из них встречаются уже в СС, указывают на их раннее, возможно докнижное, происхождение²¹. Единичные глаголы и формулы образуют семантический каркас топоса, который «надстраивается» прагматическими или легендарными деталями, также имеющими формульную природу и составляющими периферию топоса.

Использованная литература

- Базарова, 2006: *Базарова Б. З.* Монгольские летописи — памятники культуры. М.: Academia, 2006. 364 с.
- Bazarova B. Z.* Mongol'skie letopisi — pamyatniki kul'tury. M.: Academia, 2006. 364 s.
- Bazarova B. Z.* Mongolian Chronicles as Cultural Monuments. Moscow: Academia, 2006. 364 p.
- Бира, 1978: *Бира Ш.* Монгольская историография XIII–XVII вв. М.: Наука; ГРВЛ, 1978. 320 с.
- Bira Sh.* Mongol'skaya istoriografiya XIII–XVII vv. M.: Nauka; GRVL, 1978. 320 s.
- Bira Sh.* Mongolian Historiography of the 13–17 cent. Moscow: Nauka; MBOL, 1978. 320 p.
- Васильева, Двинятин, Степанов, 2020: *Васильева И., Двинятин Ф., Степанов А.* Два вида топосов // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica.* 2020. № 13. С. 161–171.
- Vasil'yeva I., Dvinyatin F., Stepanov A.* Dva vida toposov // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica.* 2020. No. 13. S. 161–171.
- Vasil'yeva I., Dvinyatin F., Stepanov A.* Two Kinds of Topoi // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica.* 2020. No. 13. P. 161–171.
- Голтунский, 1893–1895: *Голтунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь: в 3 т. СПб., 1893–1895.
- Golstunskii K. F.* Mongol'sko-russkii slovar': 3 t. SPb., 1893–1895.
- Golstunskii K. F.* Mongolian-Russian Dictionary: 3 vols. St. Petersburg, 1893–1895.
- Двинятин, 2018: *Двинятин Ф. Н.* Поэтическая традиция — топика — интертекстуальность // *Интертекстуальный анализ: принципы и границы* / под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 80–92.
- Dvinyatin F. N.* Poeticheskaya traditsiya — topika — intertekstual'nost' // *Intertekstual'nyi analiz: printsipy i granitsy* / pod red. A. A. Karpova, A. D. Stepanova. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2018. S. 80–92.
- Dvinyatin F. N.* Poetical Tradition — Topoi — Intertextuality // *Intertextual Analysis: Principles and Limits* / ed. by A. A. Karpov, A. D. Stepanov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2018. P. 80–92.
- Двинятин, 2019: *Двинятин Ф. Н.* Формула или топос? // *Мир русского слова.* 2019. № 2. С. 66–70.
- Dvinyatin F. N.* Formula ili topos? // *Mir russkogo slova.* 2019. No. 2. S. 66–70.
- Dvinyatin F. N.* Formula or topos? // *World of Russian Literature.* 2019. No. 2. P. 66–70.
- Древнетюркский словарь, 1969: *Древнетюркский словарь* / под ред. В. М. Наделяева. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
- Drevnetyurkskii slovar'* / pod red. V. M. Nadelyaeva. L.: Nauka; Leningradskoe otdelenie, 1969. 676 s.
- Old Turkic Dictionary* / ed. by V. M. Nadelyaeva. Leningrad: Nauka; Leningrad dept., 1969. 676 p.
- Колесов, 1989: *Колесов В. В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 295 с.
- Kolesov V. V.* Drevnerusskii literaturnyi yazyk. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989. 295 s.
- Kolesov V. V.* Old Russian Literary Language. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1989. 295 p.
- Колесов, 1996: *Колесов В. В.* Средневековый текст как единство поэтических средств языка // *ТОДРЛ.* 1996. Т. 50. С. 92–98.
- Kolesov V. V.* Srednevekovyi tekst kak edinstvo poeticheskikh sredstv yazyka // *TODRL.* 1996. T. 50. P. 92–98.
- Kolesov V. V.* Medieval Text as an Entity of Poetic Techniques of the Language // *WDARL.* 1996. T. 50. P. 92–98.
- Кульганек, 2010: *Кульганек И. В.* Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 227 с.
- Kul'ganek I. V.* Mongol'skii poeticheskii fol'klor: problem izucheniia, kolleksii, poetika. SPb.: Peterburgskoie Vostokovedeniie, 2010. 227 s.

²⁰ См. перевод фрагмента в: [Elverskog, 2003. P. 110–111].

²¹ Ср. с замечанием В. В. Колесова об исходных формулах в древнерусском литературном языке [Колесов, 1989. С. 156].

Kul'ganek I. V. Mongolian Folk Poetry: Study, Collections, Poetics. St. Petersburg: Peterburgskoie Vostokovedeniie, 2010. 227 p.

Лихачев, 1961: *Лихачев Д. С.* Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. 1961. Т. XVII. С. 5–16.

Likhachev D. S. Literaturnyi etiket drevnei Rusi (k probleme izucheniia) // TODRL. 1961. T. XVII. S. 5–16.

Likhachev D. S. Literary Etiquette of Ancient Russia (to the problem of studying) // WDARL. 1961. T. XVII. P. 5–16.

Лихачев, 1966: *Лихачев Д. С.* Принцип ансамбля в древнерусской эстетике // Культура древней Руси / под ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 118–120.

Likhachev D. S. Printsip ansambliia v drevnerusskoi estetike // Kul'tura drevnei Rusi / pod red. A. L. Mongait. M.: Nauka, 1966. S. 118–120.

Likhachev D. S. The Ensemble Principle in the Aesthetics of Ancient Russia // Kul'tura drevnei Rusi / ed. by A. L. Mongait. Moscow: Nauka, 1966. P. 118–120.

Мальцев, 1989: *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. 169 с.

Mal'tsev G. I. Traditsionnye formuly russkoi narodnoi neobriadovoi liriki (Issledovaniie po estetike ustno-poeticheskogo kanona). L.: Nauka, Leningradskoie otdeleniie, 1989. 169 s.

Mal'tsev G. I. Traditional Formulae of Russian Folk Non-ritual Lyric Poetry (Research on the aesthetics of the oral-poetical canon). Leningrad: Nauka, Leningrad dept., 1989. 169 p.

Нацагдорж, 1963: *Нацагдорж Ш.* Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх (1691–1911). Улаанбаатар, 1963. 173 х.

Natsagdorj Sh. Manjiin erkhsheeld baisan üeyiin Khalkhyn khuraangui tүүkh (1691–1911). Ulaanbaatar, 1963. 173 kh.

Natsagdorj Sh. A brief history of Khalkha during the Manchu Supremacy (1691–1911). Ulaanbaatar, 1963. 173 p.

Неклюдов, 1978: *Неклюдов С. Ю.* О стилистической организации монгольской «Гесериады» // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 49–67.

Nekliudov S. Iu. O stilisticheskoi organizatsii mongolskoi "Geseriady" // Pamiatniki knizhnogo eposa. Stil' i tipologicheskiie osobennosti. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1978. S. 49–67.

Nekliudov S. Iu. On the Stylistic Organization of the Mongolian *Gesar Epic* // Monuments of the Written Epic. Style and Typological Characteristics. Moscow: MBOL, 1978. P. 49–67.

Неклюдов, 2004: *Неклюдов С. Ю.* Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / под ред. С. М. Толстой. М.: Индик, 2004. С. 236–247.

Nekliudov S. Iu. Motiv i tekst // Iazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996) / pod red. S. M. Tolstoi. M.: Indrik, 2004. S. 236–247.

Nekliudov S. Iu. Motif and Text // The Language of Culture: Semantics and Grammar. On the occasion of the 80th birthday anniversary of the academician Nikita Il'ich Tolstoi (1923–1996) / ed. by S. M. Tolstaya. Moscow: Indrik, 2004. P. 236–247.

Орлов, 1902: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1902. 50 с.

Orlov A. S. Ob osobennostiakh formy russkikh voinskikh povestei (konchaia XVII v.). M.: Imperatorskoie obschesstvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1902. 50 s.

Orlov A. S. On the Characteristics of Pattern of Russian Military Tales (up to the 17th cent.). Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1902. 50 p.

Руди, 2005: *Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / под ред. С. А. Семьячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.

Rudi T. R. Topika russkikh zhitii (voprosy tipologii) // Russkaia agiografiia. Issledovaniia. Publikatsii. Polemika / pod red. S. A. Semiachko. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2005. S. 59–101.

Rudi T. R. Topoi of Russian Hagiography (typology issues) // Russian Hagiography. Research. Publications. Controversy / ed. by S. A. Semiachko. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005. P. 59–101.

Руди, 2006: *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 431–500.

Rudi T. R. O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh // TODRL. 2006. T. 57. S. 431–500.

Rudi T. R. On the Composition and Topoi of the Lives of Saints // WDARL. 2006. Vol. 57. P. 431–500.

Степанов, 2018: *Степанов А. Д.* Понятие «топос» — проблема границ // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 41–46.

Stepanov A. D. Poniatiie "topos" — problema granits // Mir russkogo slova. 2018. No. 2. S. 41–46.

Stepanov A. D. The Concept of Topos — The Problem of Borders // World of Russian Literature. 2018. No. 2. P. 41–46.

Творогов, 1964: *Творогов О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 29–41.

Tvorogov O. V. Zadachi izucheniia ustoichivykh literaturnykh formul Drevnei Rusi // TODRL. 1964. T. 20. S. 29–41.

Tvorogov O. V. Objectives of Studying the Stable Literary Formulae of Ancient Russia // WDARL. 1964. Vol. 20. P. 29–41.

Цендина, 2007: *Цендина А. Д.* Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. Orientalia et Classica. Труды Ин-та вост. культуры и античности. XII. М.: РГГУ, 2007. 267 с.

Tsendina A. D. Mongol'skiye letopisi XVII–XIX vekov: povestvovatel'nyie traditsii. Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. XII. M.: RGGU, 2007. 267 s.

Tsendina A. D. Mongolian Chronicles of the 17th–19th Centuries: Narrative Traditions. Orientalia et Classica. Papers of Institute of Oriental and Classical Studies. Issue XII. Moscow: RSUH, 2007. 267 p.

- Цендина, 2017: *Цендина А. Д.* Желтая история (Шара туджи) // Памятники письменности Востока. CXLVII. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 406 с.
- Tsendina A. D.* Zheltaia istoriia (Shara tudzhi) // Pamiatniki pis'mennosti Vostoka. CXLVII. M.: Nauka; Vostochnaia literatura, 2017. 406 s.
- Tsendina A. D.* The Yellow Chronicle (Sir-a tuuji) // Written monuments of the Orient. CXLVII. M.: Nauka; "Oriental Literature" Publisher, 2017. 406 p.
- Cleaves, 1949: *Cleaves F. W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu // HJAS. 1949. V. 12. No. 1/2. P. 1–133.
- Cleaves, 1951: *Cleaves F. W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1338 in Memory of Jigüntei // HJAS. 1951. V. 14. No. 1/2. P. 1–104.
- Cleaves, 1953: *Cleaves F. W.* The Mongolian Documents in the Musee de Teheran // HJAS. 1953. V. 16. No. 1/2. P. 1–107.
- Cleaves, 1996: *Cleaves F. W.* The Mongolian Text of the Tri-lingual Inscription of 1640 (Part II: Notes to the Translation) // Mongolian Studies. 1996. V. 19. P. 1–49.
- Curtius, 1963: *Curtius E. R.* European Literature and Latin Middle Ages. New York & Evanston: Harper & Row, Publishers, 1963. 658 p.
- de Rachewiltz, 1972: *de Rachewiltz I.* Index to the Secret history of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.
- de Rachewiltz, 2006: *de Rachewiltz I.* The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2006. 1349 p.
- Elverskog, 2003: *Elverskog J.* The Jewel Translucent Sūtra: Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2003. 388 p.
- ETNSO, 2012: *Erdeni tunumal neretü sudur orosiba* / ed. Jürungya. Kökeqota: Öbör mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2012. 244 p.
- Kollmar-Paulenz, 2001: *Kollmar-Paulenz K.* Erdeni tunumal neretü sudur: die Biographie des Altan qaghan der Tümed-Mongolen: ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 390 s.
- Lessing, 1960: *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1960. 1218 p.
- Lord, 1971: *Lord A. B.* The Singer of Tales. New York: Atheneum, 1971. 307 p.
- Narangoa, Cribb, 2014: *Narangoa L., Cribb R. B.* Historical Atlas of Northeast Asia, 1590–2010: Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia. New York: Columbia University Press, 2014. 336 p.
- Poppe, 1954: *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. 195 p.
- Sayang Secen, 1990: *Sayang Secen.* Erdeni-yin tobci ('Precious Summary'): A Mongolian chronicle of 1662 / ed. M. Gō et al. Canberra: Faculty of Asian Studies, Australian National University, 1990. 270 p.
- YG, 1999: *Dumdadu ulus-un erten-ü mongyol nom bičig-ün yerüنگkei yarčay* [Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China] / ed. Dumdadu ulus-un erten-ü mongyol nom bičig-ün yerüنگkei yarčay-un nayirayulqu jöblel. V. I. Begejing: Begejing nom-un sang jöblel-ün qoriy-a, 1999. 1132 p.

Kirill V. Alekseev

On the Topos of Military Campaign in the *Erdeni Tunumal*

The text of the 17th century Mongolian chronicle *Erdeni Tunumal* contains a number of clichéd descriptions of military campaigns waged by Altan Khan and his closest descendants. These episodes have similar semantics and a relatively stable structure, and can be classified as topoi. The core of such topoi is formed by singular verbs in a specific position and traditional formulas. The semantic framework they form is "built on" with pragmatic or legendary details that make up the periphery of topoi.

Key words: *Erdeni tunumal*, Altan Khan, Mongolian literature, topos, formula.

Kirill V. Alekseev — Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Faculty of Oriental Studies, Department of Mongolian Studies and Tibetology (11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia).
kirill.alekseev@spbu.ru

И. А. Алимов

Заметки о сяшо: «Сюй ши шо» *

© И. А. Алимов, 2021
DOI 10.25882/fin73-1479

Статья из серии «Заметки о сяшо» является частью большого продолжающегося исследования под общим названием «Краткая история китайской прозы сяшо I–XIII вв.», выдержанного в рамках единого шаблона, принятого автором для описания письменных памятников и использованного в опубликованных монографиях «Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяшо I–VI вв.» (2014) и «Записи о сокровенных чудесах: краткая история китайской прозы сяшо VII–X вв.» (2017). Настоящая работа посвящена одному из сборников, появившихся в этот период, — сборнику «Сюй ши шо» (續世說 «Продолжение рассказов, в мире ходящих») Кун Пин-чжуна (孔平仲 1044—1111). В статье впервые на русском языке рассматривается история создания текста данного сборника, анализируется его состав и тематика, исследуется вопрос бытования, начиная с первых изданий и заканчивая современными.

Ключевые слова: Китай, китайская литература, китайская проза сяшо, источниковедение, «Сюй ши шо».

Алимов Игорь Александрович — доктор исторических наук, заведующий Отделом Южной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН. Санкт-Петербург (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5).
Igor.Alimov@kustkamera.ru

Развитие прозы сяшо в Китае X–XIII вв. привело к тому, что привычное тематическое деление ее на две главные группы — *чжигуай* (志怪小說 об удивительном) и *чжижэнь* (志人小說 о людях, о неволшебном) нарушилось: проза сяшо типа *чжижэнь* закономерным образом оказалась поглощена авторскими сборниками *бицзи* 筆記, чей бурный расцвет приходится именно на сунскую эпоху¹. Нам известно исчезающе мало сунских сборников чжижэнь сяшо, и об одном из них будет сказано ниже.

Это «Сюй ши шо» (續世說 «Продолжение рассказов, в мире ходящих»), сборник, принадлежащий сунскому историку, литератору и поэту Кун Пин-чжуну (孔平仲 1044–1111). Потомок Конфуция в сорок седьмом колене, Кун Пин-чжун в 1065 г. выдержал экзамен на *цзиньши* и получил первое назначение уездным регистратором в Фэньнинсянь (уезд, располагался на территории совр. пров. Цзянси). После 1070 г. он служил областным преподавателем в Мичжоу (область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань), был *цзюньши туйгуанем* (помощник начальника области по военному делу) в Цюйчжоу (область, располагалась на территории совр. пров.

Чжэцзян), занимал пост *цидುವэя* (общеназначавший пристав конницы) в Цяньчжоу (область, располагалась на территории совр. пров. Цзянси). И лишь в 1087 г., через двадцать два года после того, как он стал *цзиньши*, Кун Пин-чжун по протекции сановника Люй Гун-чжу (呂公著 1018–1089) получил придворный пост *боши* в Тайчансы (Приказ Великого постоянства). Потом он работал сверщиком текстов в императорской библиотеке, занимал мелкие придворные должности, а в 1094 г. в связи с победой одной из группировок при дворе был выслан служить в провинцию (совр. пров. Хунань) как сторонник проигравшей группировки. За этой ссылкой последовала другая, еще более дальняя (совр. пров. Гуандун). И лишь с воцарением императора Хуэй-цзун (на троне 1101–1125) Кун Пин-чжун был возвращен ко двору и получил пост *ланчжуня* (начальник отдела) в Подворном департаменте. Но относительное процветание его продолжалось недолго: политический ветер снова изменил направление, и в 1107 г. Кун Пин-чжун опять оказался в провинции на ничтожной должности. Несмотря на многочисленные превратности чиновничьей судьбы, Кун Пин-чжун вместе со своими старшими братьями Кун Вэнь-чжун (孔文仲 1038–1088) и Кун У-чжун (孔武仲 1042–1097) были известными литераторами своего времени, слава «трех Кунов» тогда гремела. После

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00094.

¹ Подробнее о сунских авторских сборниках *бицзи* см.: [Алимов, 2009].

Кун Пин-чжуна² остался ряд сочинений, в том числе и «Сюй ши шо».

Сборник упоминается в «Чжи чжай шу лу цзе ти» (直齋書錄解題 «Аннотированная библиография книг из кабинета Чжи-чжая») Чэнь Чжэнь-суня (陳振孫 1183?—1249), где сказано о тексте в трех цзюанях и о том, что это продолжение знаменитого сборника «Ши шо синь юй» (世說新語 «Новое изложение рассказов, в свете ходящих») Лю И-цина (劉義慶 403—444) [Чэнь Чжэнь-сунь, 1987. С. 330]³. В библиографическом отделе сунской официальной истории (цз. 209) речь идет уже о двенадцати цзюанях. Профессор Нанькайского университета Нин Цзя-юй (寧稼雨, р. 1954) справедливо полагает, что в изначальной книге было три цзюани, на двенадцать она оказалась разделена позднее [Нин Цзя-юй, 1996. С. 198]. Известно, что первое ксилографическое издание «Сюй ши шо» было предпринято в 1158 г. в казенной печатне в Юаньчжоу (область, располагалась на территории совр. пров. Хунань). До наших дней дошли по меньшей мере три списка «Сюй ши шо», восходящие к этому сунскому изданию. Список, вышедший в серии «Юэ я тан цун шу» (粵雅堂叢書 «Книжная серия из зала Юэятан») цинского Тань Ина (譚瑩 1842—1926), которая была издана на средства предпринимателя У Чун-яо (伍崇曜 1810—1863), считается наилучшим и наиболее отвечающим первоначальному облику «Сюй ши шо», на нем основан современный критический текст этого памятника⁴. В нем двенадцать цзюаней, объединяющих тысячу девяносто девять фрагментов, а также один вновь обнаруженный в «Лэй шо» фрагмент в приложении и заметка-ба, принадлежащая У Чун-яо.

Как и сборник Лю И-цина, «Сюй ши шо» состоит преимущественно из коротких фрагментов, средне-статистический объем которых составляет около ста иероглифов; изредка попадаются здесь и полноценные повествования в три-четыре сотни знаков, но чаще встречаются фрагменты, не выходящие за пределы двух десятков иероглифов.

Циский Се Тяо⁵ славился своими пятисловными стихами. Шэнь Юэ сказал:

² Подробнее о Кун Пин-чжуне см. в приложении к биографии Кун Вэнь-чжуна в официальной сунской истории (цз. 344), также см.: [Чэн Го-чжэн, 1991. С. 61—63].

³ Подробнее о сборнике Лю И-цина на русском языке см.: [Алимов, 2014. С. 427—456].

⁴ В данном случае я имею в виду вышедший в 2006 г. в серии «Цюань Сун бици» текст сборника Кун Пин-чжуна, подготовленный текстологом Чи Цзе 池潔 [Кун Пин-чжун, 2006], именно этим изданием я пользуюсь в настоящем исследовании.

⁵ Се Тяо (謝朓 464—499) — поэт, дальний родственник знаменитого поэта Се Лин-юня (謝靈運 385—433), один из основоположников «поэзии нового стиля» — стилистического направления авторской лирической поэзии.

— Таких стихов не было двести лет! [Кун Пин-чжун, 2006. С. 32]

Фактически каждый фрагмент из «Сюй ши шо» (как и из «Ши шо синь юй») представляет собой анекдот в классическом смысле этого слова, то есть короткую запись примечательного, интересного происшествия; при этом принцип «один фрагмент — одна история» выдерживается строго.

Временной охват «Сюй ши шо» велик — от времен Вэй, Цзинь и Шести царств до периода Пяти царств включительно (то есть с III по X в.). Прямые датировки в сборнике редки, но, поскольку практически все персонажи «Сюй ши шо» — люди известные, оставившие след в истории, события ряда фрагментов можно датировать косвенным образом; круг персонажей сборника чрезвычайно широк — от императоров разных династий и всевозможных знаменитостей (сановников, чиновников, поэтов, литераторов и пр.) до рядовых чиновников. По утверждению уханьского филолога Чэн Го-чжэна 程國政, основными источниками материала для «Сюй ши шо» послужили официальные исторические сочинения, а также исторический свод «Цзы чжи тун цзянь» (資治通鑑 «Зерцало всеобщее, управлению помогающее») сунского Сыма Гуана (司馬光 1019—1086) [Чэн Го-чжэн, 1991. С. 65]. Среди исторических сочинений Нин Цзя-юй называет «Нань бэй ши» (南北史 «История Юга и Севера»), «Цзю тан шу» и «Цзю у дай ши» (舊五代史 «Старая история Пяти царств») [Нин Цзя-юй, 1996. С. 198]. Кун Пин-чжун брал материал и из сборников сяошо своих предшественников, в частности из раннесунской антологии «Тай пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин»), (大唐新語 «Новые рассказы о великой Тан») танского Лю Су (劉肅 втор. пол. VIII — перв. пол. IX в.) или из «Суй тан цзя хуа» (隋唐嘉話 «Достойные похвалы рассказы о Суй и Тан») его полного тезки Лю Су (劉餗 VIII в.). Исходя из этого, можно утверждать, что большинство фрагментов в «Сюй ши шо» заслуживают доверия, поскольку берут исток в серьезных исторических исследованиях, что явствует и из предисловия к сборнику, написанного неким южносунским Цинь Го 秦果 [Кун Пин-чжун, 2006. С. 5]. К материалам Кун Пин-чжун часто подходил творчески, литературно обрабатывая их, при необходимости добавляя художественности; часто Кун Пин-чжун заимствовал только необходимое, выбирая из существенного по объему фрагмента лишь небольшой кусок или сокращая все ненужные, с его точки зрения, подробности. К примеру, из фрагмента «Да тан синь юй», посвященного танскому сановнику и военачальнику Шэнь Юэ (沈約 441—513) — сановник, политический деятель, поэт, теоретик литературы и основоположник теории китайского стихосложения и «поэзии нового стиля», покровитель Се Тяо при циском дворе.

Лоу Ши-дэ (婁師德 630–699) и насчитывающего почти три с половиной сотни иероглифов, Кун Пин-чжун в «Сюй ши шо» взял только это:

Когда Ди Жэнь-цзе еще не был [цзай]сяном, Лоу Ши-дэ рекомендовал его [императрице]. Когда же Жэнь-цзе был назначен на пост, то, не зная о рекомендации Ши-дэ, он несколько раз выговаривал ему, а потом решил отправить в провинцию. Цзэ-тянь раскрыла ему, что [Ши-дэ] дал рекомендацию, и Жэнь-цзе стало очень стыдно.

— Вот как я поступил с господином Лоу! — говорил [Жэнь-цзе]⁶. — Теперь я понимаю, как мне до него далеко! [Кун Пин-чжун, 2006. С. 53]

Приведенный пример (вполне типичный) нельзя назвать прямым заимствованием, это скорее вольный пересказ одного из эпизодов фрагмента из «Да тан синь юй», где изменены даже слова Ди Жэнь-цзе: «Велика добродетель господина Лоу! Я удостоился его великодушия, и никому не ведом предел его!» — но сохранена историческая правда.

Как известно, материал в «Ши шо синь юй» был разбит Лю И-цином на тридцать шесть тематических разделов («Дэ син» 德行 «Осуществление добродетели»; «Янь юй» 言語 «Суждения и высказывания»; «Чжэн ши» 政事 «Дела управления»; «Вэнь сюэ» 文學 «Изящное слово и ученость»; «Фан чжэн» 方正 «Беспорочные и прямые»; «Я лян» 雅量 «Великодушные и щедрые» и т. д.). Сборник «Сюй ши шо» организован аналогичным образом, в нем тридцать восемь разделов, распределенных по двенадцати цзюаням; в рамках разделов фрагменты более или менее упорядочены по хронологии. Кун Пин-чжун не взял из «Ши шо синь юй» один раздел («Хао шуан» 豪爽 «Мощные и безудержные») и добавил три своих раздела — «Цзянь нин» (奸佞 «Коварные и раболопные»), «Я чань» (雅諂 «Изысканно льстивые») и «Чжи цзянь» (直諫 «Откровенно увещающие»)⁷.

⁶ Ди Жэнь-цзе (狄仁傑 630–700) — раннетанский сановник и легендарный судья, славившийся честностью и прямоотой, его имя овеяно легендами. В 691 г. стал цзайсяном (первый императорский помощник). Герой старых стихов и прозы, а также многочисленных современных телестановок и фильмов и цикла повестей голландского востоковеда Р. ван Гулика (1910–1967). Цзэ-тянь — танская императрица У Цзэ-тянь (武則天 на троне 684–705).

⁷ Название еще одного раздела Кун Пин-чжун изменил с «Гуй чжэнь» (規箴 «Наставления и увещания») на «Чжэнь гуй» (箴規 «Предостережения и наставления»). По мнению профессора Ци Хуэй-юань (齊慧源 р. 1964), Кун Пин-чжун сделал это для того, чтобы выделить раздел «Чжи цзянь», поскольку в «Чжэнь гуй» в его трактовке попали фрагменты, где сановники в аллегорической форме порицают своих правителей, а не вразумляют их. Отсутствие же раздела «Хао шуан» Ци Хуэй-юань объясняет усилением при Сун роли конфуцианской идеологии на государственном уровне, в результате чего *мин ши* (名士

В первой и во второй цзюанях «Сюй ши шо» даже соблюдена та же последовательность разделов, что и у Лю И-цина. Первая цзюань — «Дэ син» (тридцать пять фрагментов) и «Янь юй» (сорок шесть фрагментов); вторая — «Чжэн ши» (пятьдесят два фрагмента) и «Вэнь сюэ» (тридцать четыре фрагмента)⁸. Третья цзюань также практически повторяет «Ши шо синь юй», в ней три раздела — «Фан чжэн» (пятьдесят пять фрагментов), «Я лян» (тридцать восемь фрагментов) и «Чжэнь гуй» (двадцать фрагментов). А вот дальше Кун Пин-чжун изменил тематическому порядку сборника Лю И-цина. В четвертой цзюани четыре раздела: «Пинь цзао» (品藻 «Сравнительные оценки», двенадцать фрагментов), «Ши цзянь» (識鑒 «Верные оценки», тридцать два фрагмента), «Су хуэй» (夙惠 «Мудрая юность», двадцать четыре фрагмента) и «Цзе у» (捷悟 «Быстрое постижение», шестнадцать фрагментов). Пятая цзюань: «Шан юй» (賞譽 «Поощрения и похвалы», двадцать четыре фрагмента), «Чун ли» (寵禮 «Уважение и этикет», тридцать шесть фрагментов), «Жэнь дань» (任誕 «Своевольные и распущенные», двадцать два фрагмента) и «Жун чжи» (容止 «Облик и достоинство», девятнадцать фрагментов). В шестой цзюани три раздела: «Шу цзе» (術解 «Постигшие магию», тридцать девять фрагментов), «Цяо и» (巧藝 «Искусные умельцы», сорок два фрагмента) и «Пай тяо» (排調 «Насмешки и шутки», шестьдесят семь фрагментов). В седьмой — снова четыре раздела: «Цзи синь» (自新 «Самообновление», одиннадцать фрагментов), «Ци сянь» (企羨 «Восхищенные взоры», десять фрагментов), «Цзянь ао» (簡傲 «Небрежные и надменные», пятнадцать фрагментов) и «Ю хуэй» (尤悔 «Раскаявшиеся в ошибках», двадцать четыре фрагмента). Восьмая цзюань: «Ци и» (棲逸 «Таланты-отшельники», двадцать девять фрагментов), «Цин ди» (輕詆 «Пренебрежение и хула», двадцать восемь фрагментов), «Сянь юань» (賢媛 «Мудрые красавицы», двадцать восемь фрагментов). Девятая: «Хо ни»

‘славные мужи’) времен Лю И-цина, в том числе проявлявшие себя в качестве «мощных и безудержных», утратили былую общественную значимость [Ци Хуэй-юань, 2013. С. 42–43].

⁸ Названия эти восходят к «Лунь юю» (XI, 3), где говорится, кто из учеников Конфуция достиг наилучших результатов в четырех главных областях учения (*сыкэ* 四科) — этике, риторике, политике и литературе: «...Самыми способными в осуществлении добродетели были Янь Юань (顏淵 Янь Хуэй 顏回 521–481 до н. э.), Минь Цзы-цян (閔子騫 Минь Сунь 閔損 536–487 до н. э.), Жэнь Бо-ню (冉伯牛 Жэнь Гэн 冉耕 544–? до н. э.) и Чжун-гун (仲弓 Жэнь Юн 冉雍 522–? до н. э.); в умении вести диалог — Цзай Во (宰我 Цзай Юй 宰予 522–458 до н. э.) и Цзы-гун (子貢 Дуаньму Цы 端木賜 520–? до н. э.); в делах управления — Жэнь Ю (冉有 Жэнь Цю 冉求 522–489 до н. э.) и Цзи-лу (季路 Чжун Ю 仲由 542–480 до н. э.); в изящном слове — Цзы-ю (子有 Жэнь Цю 冉求 522–489 до н. э.) и Цзы-ся (子夏 Бу Шан 卜商 507?–? до н. э.)».

(感潮 «Погрязшие в заблуждениях», одиннадцать фрагментов), «Чу мянь» (黜免 «Получившие отставку», пятнадцать фрагментов), «Шан ши» (傷逝 «Скорбь об усопших», восемь фрагментов) и «Цюань чи» (沃侈 «Чрезмерно роскошествующие», тридцать девять фрагментов). Десятая цюань состоит всего лишь из одного раздела, это отсутствующий у Лю И-цина «Чжи цзянь» (восемьдесят один фрагмент). В одиннадцатой и двенадцатой цюанях по четыре тематических раздела, одиннадцатая — «Фэнь цюань» (忿狷 «Гневливые и порывистые», четырнадцать фрагментов), «Чоу си» (仇隙 «Вражда и неприязнь», двадцать фрагментов), «Пи лоу» (紕漏 «Допустившие промахи», двадцать четыре фрагмента) и «Цзянь сэ» (儉嗇 «Скупые и жадные», двадцать три фрагмента); двенадцатая цюань включает в том числе два добавленных Кун Пин-чжуном раздела — «Цзя цюэ» (假譎 «Ложь и фальшь», двадцать один фрагмент), «Я чань» (сорок фрагментов), «Чань сянь» (讒險 «Клеветники и лицемеры», двадцать шесть фрагментов) и «Цзянь нин» (девятнадцать фрагментов).

Как можно заметить, «Сюй ши шо», с одной стороны, вторит тематическому содержанию сборника Лю И-цина, с другой же — в сравнении с ним обладает некоторыми особенностями. Данные особенности достаточно четко сформулированы У Пином в его предисловии к изданию «Сюй ши шо» 1996 г. [Кун Пин-чжун, 2006. С. 1–4].

Во-первых, это прославление сановников, убеждающих государя в его неправоте, ведущих прямые речи в высочайшем присутствии и не думающих при этом о личной выгоде. Как уже было сказано, Кун Пин-чжун для этой цели даже ввел в сборник специальный раздел «Чжи цзянь», занимающий всю десятую цюань «Сюй ши шо», и в нем собраны примеры того, как владыки различных эпох оказывались способны выслушать и принять критику от своих подданных. Среди часто фигурирующих здесь императоров — танский Тай-цзун (на троне 627—649), присутствующий почти в двух десятках фрагментов.

Вступив на трон, Тай-цзун решил покончить с продажными чиновниками и послал людей на проверку их имущества. У одного начальника охраны [ворот] была обнаружена штука шелка, и Тай-цзун в гневе хотел было казнить его, но Пэй Цзюй указал ему на ошибку:

— Если этот человек действительно взял подношение, то это поистине заслуживает сурового наказания, но Вашему Величеству не следовало делать у него обыск, а надо строго соблюдать законы. Боюсь, такой вот способ вменять человеку преступление не соответствует сути добродетели и этикета!

Тай-цзун прислушался к нему и объявил чиновникам:

— Пэй Цзюй⁹ сумел сохранить собственный взгляд, не пожелал притворно согласиться, и если каждое де-

⁹ Пэй Цзюй (裴矩 548–627) — политик, дипломат, стратег и ученый начала Тан, до этого занимавший важ-

ло [будет решаться] вот так, то и тревожиться об управлении Поднебесной нечего! [Кун Пин-чжун, 2006. С. 171].

Помимо танского Тай-цзуна здесь фигурируют лю-сунский Мин-ди (на троне 466–472), суйский Вэнь-ди (на троне 581–604), танские Гао-цзун (на троне 649—683), Чжун-цзун (на троне 683–684), Сюань-цзун, Су-цзун (на троне 756–762) (на них сосредоточено основное внимание) и некоторые другие танские императоры, а также ряд владык и крупных сановников периода Пяти царств.

Во-вторых, это восхваление традиционных добродетелей, таких как правдивость, честность, справедливость, бескорыстность, терпимость, способность к пониманию и др., а также таких конфуцианских категорий, как сыновняя почтительность и верность долгу¹⁰.

При [Лю-]Сун Го Ши-гун¹¹ торговал на рынке в Шаньине и по ошибке взял за товар лишнюю тысячу монет. Сразу этого не понял, лишь когда [покупатель] ушел, догадался, — побежал за ним и вернул [деньги] владельцу. Тот изумился и протянул [Го] половину, но он не взял и ушел [Кун Пин-чжун, 2006. С. 7].

Или:

Ли Мян¹² стал гуаньчашаи Цзянси. У одного из [его] подчиненных заболел отец, и тот, прибегнув к колдовскому ритуалу, сделал деревянную фигурку, написал на ней имя и должность Мян и закопал в землю. Мян об этом доложили.

— Это же мольба об отвращении беды от отца, — сказал Мян. — Не будем обращать внимания [Кун Пин-чжун, 2006. С. 10].

Или:

Юань Дэ-сю стал начальником Лушаня. В тамошней тюрьме сидел разбойник. Тут в уезде залютовал

ные посты при двух дворах периода Пяти царств и при дворе Суй. Пользовался большим уважением Тай-цзуна.

¹⁰ Хоу Чжун-и и Лю Ши-линь отмечают, что в дотанское время (и в «Ши шо синь юй» в частности) сыновней почтительности и верности долгу в сяшо уделялось мало внимания, истории такого рода в существенных количествах стали появляться в суйское и танское время [Хоу Чжун-и, 1993. С. 87].

¹¹ Го Ши-гун (郭世通 V в.) — простолюдин, рано потерявший родителей, а потом жену и сына, прошедший через множество несчастий и прославившийся высочайшей сыновней почтительностью и честностью. Шаньинь — уезд, располагался на территории совр. пров. Цзянси.

¹² Ли Мян (李勉 717–788) — танский сановник, занимавший крупные посты, в том числе цзайсяна и гуаньчашаи (посланец, уполномоченный надзирать и разбираться, что-то вроде гражданского генерал-губернатора танской провинции Цзяннань сидао (здесь сокращенно названной Цзянси; располагалась на территориях совр. пров. Цзянси и Хунань).

тигр, и разбойник попросил простить его преступление, если он тигра убьет. Дэ-сю согласился.

— Разбойник придумал хитрость, только бы избежать [наказания], — запротестовал один мелкий служащий. — Если выпустить [его] из-под ареста, то боюсь, и мы будем впутаны!

— Я не хочу нарушать [наш с ним] договор, — отвечал Дэ-сю¹³. — Ну а коли что, то сам и буду отвечать.

Он разбил колодки и выпустил [разбойника]. На другой день разбойник вернулся с тигром на плечах [Кун Пин-чжун, 2006. С. 13].

Можно привести и такие примеры, где упоминаются женщины.

Суйский Сюй Шань-синь¹⁴ не пожелал последовать за Юйвэнь Хуа-цзи и был убит. Мать его, госпожа Фань, девяноста трех лет от роду, во время похоронного обряда не рыдала. Погладила гроб и произнесла:

— Пожертвовал собой в трудный для страны час — вот мой сын!

Слегла, отказалась от пищи и через десять с лишним дней после этого тоже умерла [Кун Пин-чжун, 2006. С. 147].

В-третьих, это демонстрация неприглядного поведения чиновников, чиновничьи злоупотребления, козни и интриги. Подобные фрагменты сосредоточены в разделах с говорящими за себя названиями (два, как мы помним, были добавлены Кун Пин-чжуном сверх имеющихся) — в «Чань сянь», «Я чань», «Цзянь нин» и тому подобных. Объектами изобличения тут становятся такие исторические лица, как известный своим коварством «подлый министр» Ли Линь-фу, двуличный цзайсян Ли И-фу (李義府 614–666), при помощи которого У Цзэ-тянь стала императрицей, другой танский цзайсян Ли Фэн-цзи (李逢吉 758–835), завидовавший людям одаренным и причинявший им вред, предпочитавший делать грязную работу чужими руками цзайсян Лу Ци и другие.

Лу Ци завидовал громкой славе и прямому пути Чжан И¹⁵, но сам уничтожать его не стал, а отправил

¹³ Юань Дэ-сю (元德秀 695?–754?) — танский поэт, чиновник, наставник. Начальником уезда Лушань-сянь (располагался на территории совр. пров. Хэнань) был назначен в 735 г.

¹⁴ Сюй Шань-синь (許善心 558–618) — суйский сановник, эрудит и обладатель громадной библиотеки. После того как военачальник Юйвэнь Хуа-цзи (宇文文化及 ?–619), заколов суйского императора Ян-ди (на троне 604–618), возвел на трон проправившего всего полгода Ян Хао (楊浩 586–618), став при нем фактически регентом, чиновники суйского двора явились к Юйвэнь Хуа-цзи на поклон с поздравлениями, один Сюй Шань-синь принимать в этом участие отказался и был казнен.

¹⁵ Чжан И (張鑑 ?–783) — танский сановник и канонед, в 781 г. получил назначение на пост цзайсяна, но вскоре стал цзедуши в провинции Лунъю (располага-

в войска на западные рубежи, сделав вид, будто тот сам попросил [об этом]. Владыка счел подобное невозможным и сделал И цзедуши Лунъю. В конце концов И зарубили во время солдатского бунта [Кун Пин-чжун, 2006. С. 220].

Или другой случай с ним же:

Лу Ци ненавидел Янь Чжэнь-цина, мечтал отослать его от двора.

— Когда голову прежнего *чжунчэна* доставили в Пинъюань, я, что называется, языком слизывал с [ее] лица кровь. — сказал [ему] Чжэнь-цин. — Неужели мы, господин, теперь не в состоянии ужиться друг с другом?

Ци в полном смятении оглянулся по сторонам, встал и отвесил поклон, но в душе был полон ярости.

Взбунтовался Ли Си-ле, и Дэ-цзун спросил совета у Ци. Ци сказал:

— Если выбрать и послать уважаемого сановника, что уговорит бунтовщика прийти к покорности, Си-ле непременно одумается и переменится, а военной силой принудить его никак не получится. Янь Чжэнь-цин старый сановник, служащий уже третьему правлению, верный и прямой, твердый и решительный, слава его гремит между морями, люди ему верят — вот тот самый человек!

Владыка внял ему и повелел Чжэнь-цину отправляться к Си-ле. Когда вышел этот указ, весь двор был в ужасе. Ли Мянъ представил доклад о том, что потеря такого старейшего деятеля для императорского двора — позор. А Си-ле в конце концов все же убил Чжэнь-цина [Кун Пин-чжун, 2006. С. 222]¹⁶.

Понятно, что тематическое разнообразие «Сюй ши шо» этим далеко не ограничивается, но данные три пункта Кун Пин-чжуном акцентированы особо¹⁷. В сравнении с «Ши шо синь юй» Лю И-цина в «Сюй ши шо» количество фрагментов, посвященных достоинствам и недостаткам чиновничества, значительно возросло, а число фрагментов, запечатлевших отвлеченные рассуждения знаменитостей и стиль их жизни, просто незначительно. Сборник Кун Пин-

лась на территории совр. пров. Ганьсу). Был убит мятежниками вместе с двумя своими сыновьями.

¹⁶ Чжунчэн. — В данном случае имеется в виду Лу И (盧奕 ?–755), отец Лу Ци, занимавший должность *юйши чжунчэна* (помощник начальника Цензората). В свое время Ань Лу-шань обезглавил его, голову Лу И возили по всему нынешнему Хэбэю, показывая в городах и селах, пока, наконец, в Пинъюане ее не отбил тогдашний начальник тех мест Янь Чжэнь-цин. Три правления. — На самом деле Янь Чжэнь-цин служил при четырех императорах: Сюань-цзуне, Су-цзуне, Дай-цзуне и Дэ-цзуне. Уб и л... — В тексте сказано 殺, то есть «убил», «казнил», но на самом деле в плену у Ли Си-ле Янь Чжэнь-цин повесился.

¹⁷ Хоу Чжун-и и Лю Ши-линь как одну из особенностей «Сюй ши шо» называют воспевание женских добродетелей — верности, целомудрия, мудрости, что не нашло столь сильного отражения в «Ши шо синь юй» [Хоу Чжун-и, 1993. С. 88–89].

чжуна, таким образом, продолжает традиции «Ши шо синь юй» (в том числе в лаконичности изложения и законченности каждого из фрагментов, существующих по принципу «один фрагмент — одна история») и представляет собой своеобразную мини-энциклопедию, в которой тематически подобранные материалы по самым разным аспектам жизни китайского общества отражают как собственные воззрения Кун Пин-чжуна, так и умонастроения и ценности той эпохи, ее образованных чиновных верхов,

и в этом состоит важность «Сюй ши шо». С другой стороны, этот сборник — структурированная коллекция положительных и отрицательных исторических примеров, из которых власти предрежающие могли бы извлечь полезные для себя уроки. «Сюй ши шо» — сочинение, продолжающее традицию «Ши шо синь юй» и одновременно отдающее дань своему времени, занимающее свое собственное место в китайском литературном процессе и оттого обращающее на себя внимание.

Использованная литература

Алимов, 2009: *Алимов И. А.* Лес записей: Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 908 с.

Alimov I. A. Les zapisej: Ritajsrije avtorskie sborniki X–XIII vv. v ocherkah i perevodah. St. Petersburg: Peterburgskoje Vostokovedenie, 2009. 908 s.

Alimov I. A. Forest of records: Chinese author's collections of the X–XIII centuries. in essays and translations. SPb.: Petersburg Oriental Studies, 2009. 908 p.

Алимов, 2014: *Алимов И. А.* Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 589 с.

Alimov I. A. Sad udivitel'nogo: Kratkaja istorija kitajskej prozi xiaoshuo I–VI vv. St. Petersburg: Peterburgskoje Vostokovedenie, 2014. 589 s.

Alimov I. A. The Garden of The Marvelous: A Concise History of I–VI Century Chinese Xiaoshuo Prose. SPb.: Petersburg Oriental Studies, 2014. 589 p.

Кун Пин-чжун, 2006: *Кун Пин-чжун.* Сюй ши шо (孔平仲. 續世說 Продолжение рассказов, в мире ходящих) // Цюань Сун бицзи (全宋筆記 Все сунские бицзи). Вып. 2. Чжэнчжоу: Дасян чубаньшэ, 2006. Т. 5. С. 1–230.

Kong Ping-zhong. Xu shi shuo [Continuing of Stories Circulating in the World] // *Quan Song biji* [All Song biji]. Ser. 2. Zhnegzhou: Daxiang chubanshe, 2006. Vol. 5. P. 1–230.

Нин Цзя-юй, 1996: *Нин Цзя-юй.* Чжунго вэньянь сяошо цзунму тияо (寧稼雨. 中國文言小說總目提要 Сводный аннотированный каталог китайской прозы сяошо на вэньяне). Цзинань: Цилу шушэ, 1996.

Ning Jia-yu. Zhongguo wenyan xiaoshuo zongmu tiyao [Consolidated Annotated Catalogue of Chinese Xiaoshuo Prose in Classical Language]. Jinan: Qilu shushe, 1996.

Хоу Чжун-и, 1993: *Хоу Чжун-и, Лю Ши-линь.* Чжунго вэньянь сяошо шигао (侯忠義, 劉世林. 中國文言小說史稿 Черновая история китайской прозы сяошо на классическом языке). Т. 2. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1993.

Hou Zhong-yi, Liu Shilin. Zhongguo wenyan xiaoshuo shigao [A Draft History of Chinese Xiaoshuo Prose in Classical Language]. Vol. 2. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1993.

Ци Хуэй-юань, 2013: Ци Хуэй-юань. Цун минши цинтань дао чаочэнь ичжэн (齊慧源. 從名士清談到朝臣議政 — 《世說新語》與《續世說》比較 От чистых бесед славных мужей до обсуждения политики сановниками) // Наньцзин шифань дасюэ вэньсюэюань сюэбао. 2013. № 4. С. 41–45.

Qi He-yuan. Cong mingshi qingtang dao chanchen yizheng [From the Pure Conversations of Glorious men to the Discussion of Politics by Dignitaries] // *Nanjing shifan daxue wenxueyuan xuebao.* 2013. № 4. P. 41–45.

Чэн Го-чжэн, 1991: *Чэн Го-чжэн.* Кун Пин-чжун юй «Сюй ши шо» (程國政. 孔平仲與《續世說》 Кун Пин-чжун и «Продолжение рассказов, в мире ходящих») // Хубэй дасюэ сюэбао. 1991. № 5. С. 61–66.

Cheng Guo-zheng. Kong Ping-zhong yu «Xu shi shuo» [Kong Ping-zhong and «Continuing of Stories Circulating in the World»] // *Hubei daxue xuebao.* 1991. № 5. P. 61–66.

Чэнь Чжэнь-сунь, 1987: *Чэнь Чжэнь-сунь.* Чжи чжай шу лу цзе ти / Сюй Сяо-мань, Гу Мэй-хуа дяньцзяо (陳振孫. 直齋書錄解題 / 徐小蠻, 顧美華點校 Аннотированные заметки о книгах из кабинета Чжи-чжая / Критический текст Сюй Сяо-маня и Гу Мэй-хуа). Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1987.

Chen Zhen-sun. Zhi zhai shu lu jie ti [Annotated Bibliography on Books from Zhi-zhai Office] / Xu Xiao-man, Gu Mei-hua dianjiao 徐小蠻, 顧美華點校 [Ed. by Xu Xiao-man and Gu Mei-hua]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1987.

Igor A. Alimov

Notes on Xiaoshuo Prose: «Xu shi shuo»

The article is part of a large ongoing study under the general title «A Concise History of the 1–13th Century Chinese Xiaoshuo Prose». It is devoted to xiaoshuo collection named «Xu shi shuo» (續世說 «Continuing of Stories Circulating in the World») by Kong Ping-zhong (孔平仲 1044–1111). For the first time in Russian, the article discusses the history of the creation of the text of this collection, analyzes its composition, examines the

issue of being, starting with the first editions and ending with modern ones, analyzes the composition and themes of the collection.

Key words: China, chinese literature, chinese xiaoshu prose, textology, «Xu shi shuo».

Igor A. Alimov — D. Sc. (History), Head of South and South-East Department of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS. (5, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia).

Igor.Alimov@kunstkamera.ru

О. К. Баваева

Анализ стихотворения Д. Н. Кугультинова
«Оонин үкл, эс гиж эвдрсн өрүн»
«Смерть сайгака, или расстрелянное утро»

© О. К. Баваева, 2021
DOI 10.25882/5cwh-2709

Статья посвящена анализу стихотворения выдающегося калмыцкого поэта Д. Н. Кугультинова. Подробный анализ художественных особенностей произведения, написанного на калмыцком языке, позволил выявить широкую палитру изобразительных средств произведения, лексико-семантический анализ демонстрирует разнообразие и богатство калмыцкого языка. Стилистический анализ показал, что поэт использует не только традиционные приемы стихосложения, такие как начальная рифма (анафора), сравнения посредством лексических средств — *нект, мет*, морфологические средства — уподобительные суффиксы — *инг* и суффиксы, передающие степень выраженности качества, — *хн, кн*. Наряду с ними он использует концевую рифму и метафору, звукопись и онomatопею, средства графической изобразительности, такие как ступенчатое написание строк, строфы разных размеров. В рассматриваемом стихотворении поэт продолжает тему человека и природы, тему ответственности за свою землю и всю планету.

Ключевые слова: Метафора, сравнение, уподобительный суффикс, онomatопея, звукопись.

Баваева Ольга Кукаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель РУДН, Институт иностранных языков, кафедра теории и практики иностранных языков, Москва (Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9).

olgabov97@yandex.ru; bavaeva_ok@pfur.ru

Давид Никитич Кугультинов (13.05.1922–17.06.2006) — выдающийся калмыцкий поэт, оставивший огромное поэтическое наследие: стихотворения, баллады, поэмы, сказки. Вся жизнь поэта и его творчество тесно переплетены с историей страны и калмыцкого народа.

Психологизм и философская глубина, «органичное единство сугубо национального и общечеловеческого» [Зумаева, 2012. С. 60] — характерные черты произведений поэта. Вечное противоборство добра и зла, жизни и смерти; поэт и время, роль и место человека в этом мире — круг вопросов, исследуемых поэтом в своем творчестве. Отдельным произведениям посвятили свои исследования Б. А. Леонова, В. Д. Пюреева, А. Г. Салдусова, Д. Ю. Топалова (Зумаева), Е. Е. Балданмаксарова Э. А. Эльдышев, Р. М. Ханинова. Следует отметить, что несколько статей Р. М. Ханиновой посвящены произведениям поэта на языке оригинала. Это особенно важно теперь, когда калмыцкий язык внесен ЮНЕСКО в список исчезающих языков.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы выявить, какие лексические, стилистические, грамматико-морфологические средства калмыцкого язы-

ка позволяют актуализировать художественную идею автора.

В статье анализируется стихотворение «Оонин үкл, эс гиж эвдрсн өрүн» («Смерть сайгака, или расстрелянное утро») из цикла «Йиртмжн бээдлэс» («Лики природы», сборник 1971 г.). Семантический, компонентный, стилистический методы анализа выявили богатство эмоционально-выразительных средств, используемых поэтом.

Стихотворение «Оонин үкл, эс гиж эвдрсн өрүн» («Смерть сайгака или расстрелянное утро»), вошедшее в цикл «Йиртмжин бээдлэс» (в смысловом переводе «Лики природы» из сборника 1971 г.), поднимает тему родной земли, ответственности человека за нее и за всю планету. Лейтмотив стихотворения — единство природы и человека, всего мироздания и хрупкость этой гармонии.

Стихотворение начинается с пейзажной зарисовки. Поэт просыпается в степи. Высоко в небе поет свою песнь жаворонок, суслик, свистом окликнув подружку, застывает столбиком у своей норки, оглядывая окрестности. Из-за холма пара сайгаков, осторожно ступая, поднимаются на вершину и на мгновение застывают. Поэт заворожено наблюдает за ни-

ми, не смея пошевелиться, и, внутренне ликуя, благодарит жизнь за возможность видеть эту красоту.

*Тенгр цегэрж өр
Теегин бээдл цээлхв.
Зүн үзг гегэржэ
Зандрсн
Мандлсн,
Алтрсн,
Улавр серүкн толяр
Ууг дүүргэж деврулв.*

Дословный перевод: «Небо стало прозрачным, / утро осветило степь, / восток, озаряясь, / багровея, / сияя, / золотаясь / красноватым прохладным сиянием, / залил кипением простор».

Светает. Переливающаяся красками заря заливает всю небесную ширь, что передает ступенчатое описание причастий *зандрсн* — ‘багровеющий’, *мандлсн* — ‘сияющий’, *алтрсн* — ‘золотящийся’, *улавр* — ‘красноватый’, *серүкн* — ‘свежий’, *толь* — ‘луч, сияние’.

Ууг — *уу* — ‘ширь’, *дургэж* — ‘заполнять, заполняя’, *деврүлв* — *деврх* — ‘кипеть, идти через край’.

*Өрүни сергэлн орчлнг
Өнгэн ясж өндөв.*

По-утреннему свежая Вселенная пробуждается, словно юная дева. Этот образ создается словосочетанием *өнгэн ясж*, букв.: ‘прихорашиваясь, охорашиваясь’; поднялась — *өндөх* ‘подняться из лежачего положения, привстать’.

Жаворонок маленьким темным пятнышком трепещет над поэтом, приветствуя его. Этот жаворонок, вселенная, и занимающаяся заря, и поэт — одно гармоничное целое. Он, улыбаясь, машет жаворонку. Жаворонок словно дает понять поэту, что они одно целое в едином мире.

*Нег орчлнд бээх —
Нишэн медүлх саната
Нахла мендлсн болв*

Дословный перевод: «Казалось, что жаворонок приветствует меня, показывая, что мы с ним едины в одном едином мире».

Два сайгака на вершине холма на мгновение застыли и будто пьют все ярче разгорающиеся лучи солнца. *Тогтнжэ*, *агчмд зогсад*, *тогтнх* — ‘успокоиться’, *зогсх* — ‘стоять, остановиться’, *тогтнжэ зогсад* — ‘застыть’, *агчм* — ‘мгновение’, *агчмд* — ‘на мгновение’, *Теегэн эргмд шинжлэд* — ‘оглядывающая степь’; *Урһжсах* — ‘растущий’, *нарна толь* — ‘солнечный луч, сияние’, *уусн болжэ* — ‘казалось, что пьют’.

*Тогтнжэ агчмд зогсад,
Теегэн эргмд шинжлэд
Урһжсах нарна толь
Уусн болжэ медгдв*

Дословный перевод: «Успокоившись, застыли на мгновение, / оглядывая степь вокруг, / казалось, что пьют разливающееся сияние растущего солнца».

Поэт невольно залюбовался сайгаками. Природа подобно скульптору ваяла это чудо на протяжении миллионов лет.

*Онъг билгэн хоршажэ
Олн сай эжилмүдт
Орчлң, скульптор мет,
Оонин дуриг онцлжэ,
Ясн, өвр, туруһинь,
Янз, кевинь, дүришжэ
Яһжэ куцэхинь санжэ,
Ясад үүдэсн бээдлтэ*

Дословный перевод: «Посвятив все свое умение / на протяжении миллионов лет, / вселенная, словно скульптор, / с любовью ваяла образ сайгака, / рога, копыта, / все его обличие и статью, / тщательно обдумывая, / исправляя творила».

Рога словно ветви еще не распустившегося дерева, нос подобный клюву орла, резвые сильные ноги гончей собаки и безмятежная, безгрешная душа юной девы слились воедино в этом творении.

*Бүчрлэд уга ациң
Буһин уйн өвртэ.
Хан-һард шовуни
Хоңшар мет хамрта,
Шүүрэд, үзсэн бэрдэ
Шүрг нохан гүрэтэ,
Шус гисн хүүшнг
Шулм шулун көлтэ,
Хэрд һарад уга
Хальмг баахн сээхлэн
Цевр, килнц уга,
Цаһан седкл мет*

Дословный перевод: «Подобно еще не распустившейся ветке, / гибкие рога оленя, / нос, подобный клюву орла — царя птиц, / как гончая собака, которая не упускает добычу... / вихреподобные быстрые ноги черта. / Чистая, безгрешная душа невинной юной девы».

В данной строфе ономапопеическое слово *шус*, описывающее, вернее, живописующее порыв ветра, вихря, подкрепляется словом *хүү* — ‘вихрь’ с уподобительной частицей *-инг* — ‘подобный вихрю’, наряду с аллитерацией, повтором звука *ш* и сравнением *шулм шулун* — ‘как черт быстрый’ все это подчеркивает и многократно усиливает впечатление скорости, стремительности, пророчества этой степной антилопы.

*Өргмжтэ өрүни дүүрэн
Өргн теегэрм тарна,
Ценкр цегэхн аһар
Цеврэн оошк таална,
Цоохр залаата шонтл
Цомг деер гекнэ*

*Седкл таарж тееглэ
Селвгцж амрсн болна.*

*Делкэн бээдл нэгхжэ
Дотр бийм талважэ,
Цоги, махмуд, санам
Цуг нартла нишлэжэ,*

*Оон, ноһан, салькниш
Орчлгин умиһь болнав*

Дословный перевод: «Величественная утренняя тишина / растекается по моей широкой степи, / голубой прозрачный воздух / чистотой ласкает легкие, / удоб, кивая пестрым хохолком, / в душевном единении / как будто о чем-то беседует со степью. / Любуюсь красотой природы, / все мое существо разомлело / всей плотью, телом, мыслями, / слившись воедино со всем подлунным (солнечным) миром, / став крупницей / вселенной, сайгака, травы, ветра».

Өргмэжтэ — ‘величавый’, *дүүрэн* — ‘затишье, отзвук, эхо’. В данном случае — тишина, затишье. Величавая утренняя тишина разливается по широкой степи (*өргн* — ‘широкий’, *тег* — ‘степь’), лексема *тег* здесь используется с притяжательной частицей *м*, *теегэрт* — ‘по моей степи’, что подчеркивает сопричастность поэта к этой красоте, к родной земле. *Ценкр* — ‘голубой’, *цегэн* — ‘прозрачный’, форма *цегэһн* с частицей *һн*, которая передает степень интенсивности выраженного прилагательным признака, в данном случае усиливает признак, передавая эмоционально-экспрессивное состояние говорящего. Голубизна и прозрачность воздуха заливает легкие, буквально ласкает легкие (*таална*, *таалх* — ‘ласкать’).

Шонтл — ‘удод’ (дятел), *седкл таарж тееглэ* — ‘в душевном единении со степью’, (*селвгцж* — ‘советоваться’, *селвг* — ‘совет’), как бы в чем-то соглашаясь с нею, кивает головкой с пестрым хохолком (*цоохр залата*). Любуюсь красотой степи, наблюдая эту гармонию и единение, поэт и сам готов слиться всем телом, душой и помыслами с этими сайгаками, травой, ветром; стать крупницей этого мироздания: *Орчлгинь умиһь болнав* — ‘стану крупницей мироздания’, восклицает поэт (*орчлг* — ‘вселенная, мироздание’, *уми* — ‘крупница’).

Вдруг ветер донес какой-то звук, сайгаки настроженно встрепенулись, тишину разорвал выстрел. Сайгак взмыв вверх, падает, криком наполнив утро. Птицы и все живое спасаются бегством. Кровь сайгака обогрела солнце, и безмятежная радость утра погасла. Здесь используется эмоционально возвышенное слова *бөкв*, его обычно используют, когда говорят об угасании священного огня лампы:

Өруни байр бөкв / ‘радость утра погасла’.

Резкий звук, нарушивший покой и гармонию, передается ономотопеей *сард*, повтор согласного *с* в словах *салькн*, *серд* — еще одна ономотопея, изображающая испуганное движение насторожившихся сайгаков. Быстрая смена действий, стремительность движений сайгаков переданы звуковой организацией

стиха: аллитерацией, ономотопеей, ритмом. *Сард*, *серд*, *таи* — краткие односложные слова, в первых двух шипящий звук передает едва уловимый шелестящий звук, затем *таи* — хлопок выстрела.

*Сард гисн э
Салькн чикндм кургв
Серд гиж үргэд
Сагар өөдэн хоңшаран
Оон өргсн мисхлэ –
Оһтһу хһрсн мет
Толһан цаһас бу
Таи гижэ хав.*

Дословный перевод: «Вдруг ветер доносит до уха звук *сард*, / сайгаки испуганно метнулись (*серд*) / в это мгновение / из-за холма грянул выстрел (*таи*), как громом разорвав купол неба».

Следующая строфа — описание безмятежных разливов реки, которая питает голубыми водами степь и все живое, даря ей прохладу. Но какой-то злодей, изменив течение, высушил ее, и разверзлось черное дно; звезда, миллионы лет освещавшая континенты, выкорчевана с неба, и оно теперь зияет чернотой — настолько велико совершенное злодеяние. И вселенная, словно раненая, покачнувшись в дыму этого выстрела. И пуля пронзила не сайгака, а юную деву-зарю, и ее пламенная кровь обожгла грудь поэта.

В последней строфе, как и в первой, возникает образ юной девы, что подчеркивается еще и графически, здесь поэт снова использует ступенчатое написание, которое сближает строфы, перекидывая между ними некий мостик. Однако в первой строфе через запятую написанные причастия, сходные по форме и звучанию, рифмуясь между собой, создают ритм, и они произносятся на одном дыхании, передавая сдерживаемый восторг:

*Зандрсн,
Мандлсн,
Алтрсн,*

В последний же строфе слова, написанные ступенчато, не рифмуются между собой; они разные по звучанию, по составу, по форме, более того, они чередуются со словосочетаниями более длинного размера, в результате ритм замедляется, появляются паузы, которые еще обозначаются многоточиями. Все это передает эмоциональное состояние лирического героя. Голос поэта прерывается, он потрясен:

*Оонд биш,
сумн,
Ончта,
седкл авлсн,
Өкэр сэгхлэ мет
Өрүнд
туссн болв...
Өруни зальта цусн
Өрчим шатав...*

Дословный перевод: «Не сайгака, / а прелестную покорившую душу / красавицу-зарю пронзила пуля, / пламенная кровь утра / обожгла мою грудь...»

Выразительные средства этого стихотворения богаты и разнообразны. Это довольно длинное стихотворение, состоящее из двадцати четырех строф разного размера — от двух до восемнадцати строк в каждой. Это отнюдь не случайно. Строфы, разные по размеру, подобны кинематографическим кадрам: первая строфа — восемь строк со ступенчатым написанием: заря переливается красками, следующий кадр — пять строк: жаворонок в небе, следующий кадр — сам поэт, приветствующий жаворонка. Далее в объектив попадает суслик, юркнувший по склону холма, — пять строк. Следующий кадр — появляется пара сайгаков. Камера как бы приближается и задерживается: три строфы — две по пять строк и третья из восемнадцати строк — гимн красоте этого творения природы. Далее общий план: утренняя степь во всей красе и сам поэт, его переживания. Затем быстрая смена кадров: восемь строк — выстрел; две строки — прыжок и падение подстреленного сайгака; две строки — пронзительный крик; четыре строки — бегство всего живого; четыре строки — солнце, обогрившее кровью; две строки — померкший мир. И последняя строфа — девять строк, написанных ступенчато, как и в первой строфе.

На протяжении всего стихотворения автор совмещает традиционную анафорическую рифму с повтором слогов в начале строки с концевой рифмой, сочетая различные виды рифм: перекрестную, смежную, опоясывающую, что позволяет избежать монотонности звучания. Гармония и певучесть строф оркеструется анафорической рифмой, которая также придает строфам смысловое единство.

Образный ряд выстраивается за счет сравнительных лексических средств, таких как *мет* — ‘как, словно, подобно’, *негт* — ‘как будто, подобно’, уподобительных частиц *-инг*: *хүүинг* — ‘как вихрь’, *салькниинг* — ‘подобно ветру’, *күүниинг* — ‘подобно человеку’.

Особую экспрессивность придают прилагательные с частицами *-хн*, *-кн*, передающими степень выраженности качества, свойства, выражающими эмоциональное отношение говорящего: *цегэхи* от *цегэн*, *серүкн* от *серун* — ‘свежий’, *бичкэхи* от *бичкн* — ‘маленький’. Данные суффиксы образуют деминутивную форму прилагательных, подобную в русском языке формам: *белехонький* (ср.: *белый*), *малюсенький* (*маленький*).

Как уже было отмечено, чрезвычайная изобразительность, выразительность достигается виртуозной звуковой инструментальной строф с помощью аллитерации и ономотопеи. Стоит также заметить, что звукоподражательные и иные изобразительные слова, особенно глаголы, имеют в калмыцком языке и литературе большое распространение.

Образ девы-зари, который возникает в начале и в конце стихотворения, придает всему стихотворению глубокий драматизм. Метафоры создаются переносом значения глаголов действия, производимого обычно живыми существами, чаще людьми, на неодушевленные предметы и явления. Так, свежая утренняя заря поднимается, прихорашиваясь. Удод делится советами со степью, чистота воздуха ласкает грудь, вселенная шатается, будто раненый человек.

Описание сайгака строится на сравнении с другими животными и явлениями природы. Подобное описание характерно для калмыцкого фольклора, вспомним, к примеру, описания богатырских скакунов в эпосе «Джангар».

По справедливому замечанию исследователей, «сущностью поэзии Д. Кугультинова является его генетическая и подсознательная приверженность родным корням» [Топалова (Зумаева), Балданмаксарова, 2014. С. 49]. Поэт в своем творчестве мастерски сочетает традиционные народные приемы стихосложения (анафора, сравнения) с концевой рифмой, метафорой, графической изобразительностью. В данном случае ступенчатое написание и строфы разных размеров. Поэт продолжает тему природы и человека, взаимосвязи и взаимообусловленности всего живого.

Использованная литература

Зумаева, 2012: *Зумаева Д. Ю.* Человек в творчестве Д. Н. Кугультинова (на материале поэтического цикла «Жизнь и размышления») // Вестник Калм. ун-та. 2012. № 3. С. 60–66.

Zumaeva D. Yu. Chelovek v tvorchestve D. N. Kugultinova (na material poeticheskogo cikla “Jizn e razmmyshleniya”) // Vestnik Kalmytskogo univerteta. 2012. № 3. S. 60–66.

Zumaeva D. Y. Wise lyrics by D. N. Kugultinov (Based on the poetic series “The Life and Reflection”) // Bulletin of Kalmyk State University. 2012. № 3. P. 60–66.

Топалова (Зумаева), Балданмаксарова, 2014: *Топалова (Зумаева) Д. Ю., Балданмаксарова Е. Е.* Космичность бытия в лирике Д. Н. Кугультинова (на примере поэтического цикла «Жизнь и размышления») // Вестник Калм. ун-та. 2014. № 2 (22). С. 46–49.

Topalova (Zumaeva) D. Y., Baldanmaksarova E. E. Cosmicness bytija v lirike D. N. Kugultinova (na primere poeticheskogo cikla “Jizn e razmmyshleniya”) // Vestnik Kalmytskogo univerteta. 2014. № 2 (22). S. 46–49.

Topalova (Zumaeva) D. Y., Baldanmaksarova E. E. Cosmic Genesis on the poems by D. N. Kugultinov (based on the poetic series “The Life and Reflection”) // Bulletin of Kalmyk State University. 2014. № 2 (22). P. 46–49.

Көглтн Дава, 1971: *Көглтн Дава.* “Шүүхэд барлсн шүлгүд”: Хальмг дегтр харһач. Элст., 1971, 655 ж.

Kegltin Dava. “Shuuhad barlsln shulgud”. Halmg degtr harhach. Elst, 1971, 655 j.

Kugultinov D. “Selected verses”. Kalmyk books Publisher. Elista, 1971. 655 p.

Olga K. Bavaeva

Analysis of a poem by D. N. Kugultinov

**“Оонин үкл, эс гиж эвдрсн өрүн”,
“The death of a saiga, or the shotted morning”**

The article studies the poem by prominent Kalmyk poet David Kugultinov. The paper aims to show the beauty and variety of the Kalmyk language in general and the poetry by the writer in particular. Morphological, stylistic analyses have revealed that the author uses traditional Kalmyk means of versification as well as those that are characteristic of Russian and European poetry. Traditional anaphoric rhyming along with the means of syllabic-accentual prosody is characteristic of the poem; for e. g. a trimetric iamb which sometimes alternates with a trochee. As for stylistic devices, the poem is rich in comparisons, metaphors, personifications along with phonetic stylistic means like onomatopoeia and repetition. Philosophical and psychological depth of the poem along with elaborate use of poetic literary means makes the harmonious unity of the poem.

Key words: David Kugultinov, Kalmyk poet, trimetric iamb, trochee, onomatopoeia.

Olga K. Bavaeva — Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Institute of Foreign Languages, Moscow (9, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia).
olgabov97@yandex.ru; bavaeva_ok@pfur.ru

А. В. Зорин

Заяц «Тибетского сказа» А. М. Ремизова и его тибетские прототипы

© А. В. Зорин, 2021
DOI 10.25882/5w3f-3172

История создания сборника «Ё. Тибетский сказ», написанного А. М. Ремизовым в 1916 г. на основе шести тибетских сказок из публикации Г. Н. Потанина и дважды при жизни автора опубликованного отдельными изданиями (в 1921 г. в Чите и в 1922 г. в Берлине), подробно изложена в монографии И. Ф. Даниловой, представившей также свою интерпретацию сборника [Данилова, 2010. С. 164—172]. Данная статья предлагает несколько иную интерпретацию сборника, хотя и не опровергающую, а, скорее, дополняющую концепцию И. Ф. Даниловой. В ней более полно, с привлечением тибетологического материала, раскрывается тема амбивалентности заячьего образа в цикле сказок Ремизова и проводится параллель с образом другого популярного героя-трикстера тибетского фольклора — Аку (Дядюшки) Гонпы¹.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, «Ё. Тибетский сказ», Г. Н. Потанин, тибетские сказки, образ зайца.

Зорин Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18).
kawi@yandex.ru

Сборник А. М. Ремизова «Ё. Тибетский сказ» состоит из пяти сказок и заключения (последнее также можно трактовать как отдельную историю), заимствованных писателем из публикации известного исследователя Сибири и Центральной Азии Г. Н. Потанина [Потанин, 1912] и подвергнутых существенной литературной обработке². Сказки объединены

¹ Тиб. *A khu ston pa*. Варианты русского написания: Аку(-)Томпа, Аку-Тэмбэ.

² Вопрос о характере авторства, возникающий в связи с литературными обработками народных сказок А. М. Ремизовым, подробно рассмотрен И. Ф. Даниловой [Данилова, 2000; 2010].

С одной стороны, произведения фольклора в художественном пересказе Ремизова «являются незакавыченными цитатами. А состоящие из них сборники... как сверхтекстовое единство — гиперцитатами» [Данилова, 2010. С. 100]. С другой стороны, эти пересказы несут в себе «характерную авторскую интонацию» [Там же. С. 110, примеч. 164], преобразующую текст в отчетливо ремизовскую художественную прозу. «Алексей Ремизов внимательно вглядывается в фольклорный текст, подмечает характерные языковые обороты и обязательно вводит их в свою сказку. Вместе с тем его пересказы — авторские произведения, в которых легко улавливается ремизовская интонация. Особая стилистическая атмосфера этих текстов складывается из областных слов, просторечий, неологизмов, а также из разнообразных оттенков словоупотребления, рождающих ощущение многомерного изобра-

тем, что главным персонажем в них выступает заяц, который хитростью и обманом достигает своих целей, нередко нанося жестокий урон превосходящему его силой или числом противнику. Четыре сказки в публикации Потанина входят в состав сложной рамочной композиции (где части обозначены термином *булюк*³), но в совершенно ином порядке. В берлинском издании 1922 г. они расположены у Ремизова в следующей последовательности: булюк 6, булюк 4, булюк 3, булюк 5; ровно посередине вставлена сказка № 19 из издания Потанина, и в качестве заключения использована сказка № 14⁴.

Следует отметить, что в предыдущих публикациях структура цикла была несколько иной [Данилова, 2010. С. 167], однако данная последовательность представляется отражающей финальный вариант авторского замысла, на что указывает и возможность

жения на плоскости, изображения, созданного магией Слова» [Данилова, 2000. С. 617].

³ Монг. *bülüg* («глава, параграф»); монгольский термин, вероятно, был введен бурятом Б. Р. Рабдановым, который перевел для Потанина сказки, записанные со слов тибетского ламы из монастыря Дорчжичжа, что в окрестностях города Дацзяньлу (совр. Кандин) провинции Сычуань [Потанин, 1912. С. 389].

⁴ Детальные сведения о каждой из сказок цикла и их параллелях в издании Потанина см. в примечаниях И. Ф. Даниловой к изданию сказок в составе 10-томного собрания сочинений А. М. Ремизова [Ремизов, 2000. С. 692–699].

интерпретации цикла как именно связного развертывания заячьего образа. На это было указано И. Ф. Даниловой, охарактеризовавшей цикл (по крайней мере, в его берлинском варианте) как «политический памфлет», в котором заяц предстает как «щиник — кровожадный и безжалостный тип „нового человека“ революционной эпохи» [Данилова, 2010. С. 170]. Эта трактовка, однако, представляется не вполне исчерпывающей, поскольку амбивалентность заячьего образа, о которой справедливо пишет исследовательница [Там же. С. 169], при ней несколько теряется.

Попробуем рассмотреть содержание цикла с точки зрения развертывания заячьего образа.

1

Бог дал зверям миску с разумом, заяц хитростью добивается того, что миска достается человеку, а сам облизывает со стенок остатки. Звери негодуют и больше всех тигр, который молится о том, чтобы каждый день у него рождалось по девять детенышей и те поедали бы заячье и человеческое племя. Заяц ловко заставляет его поменять числительные в молитве, так что тигр вымалывает себе всего одного детеныша в девять лет. Тем самым заяц спасает и своих детей, и человеческих.

Образ: заяц — помощник человека, но и сам получает выгоду.

2

Овцу и ее ягненка угрожает съесть волк. Заяц, случайно пробегающий мимо, решает помочь. Он делает вид, что обладает царской грамотой, предписывающей убить волка. Волк в панике убегает, но встречает лису, которая убеждает его вернуться, однако заяц заставляет ее поверить, что царская грамота распространяется и на нее. Волк и лиса убегают, и лиса гибнет, так как они были связаны хвостами, а волк был сильнее и тащил ее волоком до смерти.

Образ: добровольный, но совершенно случайный («а бежал заяц») помощник более слабых зверей против хищников, не извлекающий из их наказания никакой очевидной выгоды.

3

Часть 1

Заяц портит урожай старухи, которая дважды ловит его и со второго раза собирается его прикончить, но он предлагает выполнить любое ее желание. Она просит найти жену ее сыну, заяц обеспечивает ему свадьбу с царской дочкой, при этом сын сначала обретает хорошее платье и коня (получены от путника, которого обманывает заяц), затем невесту (обманом заставляет ее поверить в богатство юноши) и наконец богатство (заяц изводит богача-людоеда и выда-

ет его дом и богатства за имущество юноши перед свитой невесты; нетрезвая свита удирает, испугавшись костей и узников, якобы поплатившихся за пьянство).

Часть 2

Заяц решает проверить благодарность юноши и, притворившись больным, говорит ему, что может спасти сына, только съев сердце его сына. Тот готовится убить сына, чтобы не лишиться благодетеля, однако заяц не дает ему этого сделать, открывает хитрость, после чего навсегда покидает их дом.

Образ: вредитель, который, чтобы не погибнуть, становится помощником, при этом оказывает невероятные благодеяния («все для тебя сделаю»); наконец он (словно со скуки) решает удостовериться в преданности юноши и, сделав это, исчезает. Можно предположить, что в случае недостаточной преданности его бывших подопечных ждала бы печальная участь.

4

Волк, обезьяна, ворона, лисица и заяц бедствуют. По предложению зайца они грабят ламу, получившего богатые дары от царя. Заяц хитростью присваивает себе еду, а компаньонам отдает религиозные атрибуты ламы, с помощью которых те, по его совету, пытаются раздобыть пропитание, однако все получают побои. Они решают наказать зайца, однако тот, трижды прикидываясь другим зайцем, направляет их по ложному следу, подвергая мучительным испытаниям, и в конце концов убивает, заставив их броситься в колодец.

Образ: отрицательный; сначала жертвой хитрости зайца становится лама, потом — его собственные компаньоны, которые расплачиваются жизнью за попытку отомстить обманщику. Заяц имеет очевидную выгоду.

5

Часть 1

Медведь ищет няньку для своего многочисленного потомства, по очереди отвергает претендентов, пока не нанимает зайца. Тот, поселившись в доме медведя, на следующий же день убивает всех медвежат, варит из них суп и кормит этим супом медведя. Тот обнаруживает злодеяние и бросается за зайцем, которого безуспешно пытаются спасти пастух и другой человек, роющий корни, наконец заяц спасает тигра, который в схватке убивает медведя. Заяц угощает тигра сладким плодом, украденным у второго человека, и говорит, что это глаз, после чего тигр соглашается съесть оба своих глаза, слепнет и заяц сбрасывает его в пропасть.

Часть 2

Заяц последовательно натравливает друг на друга купца, пастуха, волка, ворона, старуху и ветер и, увидев, как они кружатся по дороге в ветре, начинает хохотать, пока у него не разрывается губа.

Образ: всецело отрицательный; его жертвами (почти безо всякой выгоды для зайца) становятся как его благодетели, так и ни в чем не повинные персонажи, которым просто довелось оказаться у него на пути. Однако он наказывает себя сам, чрезмерным хохотом нанося увечье своей губе.

Градация образа:

намеренный помощник — случайный помощник — вредитель, ставший помощником и готовый по собственной прихоти причинить вред (но не причиняет) — вредитель ради своей выгоды — вредитель безо всякой выгоды.

Вариант (по количеству жертв):

никто не погиб (наоборот, устранена опасность для многих) — погиб главный враг (лиса) — погиб демон-людоед (убийство с целью присвоения его богатства); мнимая опасность для жизни ребенка (оказывается снята в финале) — погибли четыре эксконпаньона, попытавшиеся отомстить за обиду, — убиты подряд два благодетеля; несколько случайных встречных вредят один другому; заяц получает увечье от собственной неумеренности.

Постепенное нагнетание страстей и трансформация зайца из полезного героя в героя совершенно злодейского и иррационального разрешается в эпизоде разрыва заячьей губы. Это наказание зайца за жестокие проказы как бы закрывает повествование и дает возможность Ремизову завершить сборник нравоучительным и умиротворяющим финалом, которым является записанная верлибром притча о «четырех дружных»: слоне, обезьяне, зайце и вороне.

Ремизов не только выстраивает сказки о зайце в нужной ему последовательности, он их трансформирует стилистически, усиливая или сглаживая те или иные смысловые нюансы. Прежде всего это касается первых двух сказок. В оригинале первой сказки заячья помощь рисуется несколько шире: «Если б не он, то у тигра рождалось бы по девяти тигрят ежегодно и тигры так размножились бы, что не осталось бы на земле других тварей». Сказки, изданные Потаниным,

были рассказаны ламой, то есть буддийским священником. В буддийской литературе стандартным окончанием является т. н. «посвящение заслуг», в котором автор выражает просьбу, чтобы созданный им текст принес пользу другим живым существам. Не исключено, что расширение роли зайца до благодетеля всех зверей вызвано этим влиянием. Ремизов же сужает рамки заячьей помощи, так как это, по видимому, лучше подходило его концепции образа зайца.

Во второй сказке Ремизов, кажется, усиливает идею о случайности заячьей помощи овце. Интересно при этом указание на то, что овца его боится (это нет в оригинале):

А бежал заяц, видит, ни жива, ни мертва овца, а никого нет, приостановился.

— Что такое?

— Ой, Иваныч, смерть пришла!

— Какая такая смерть?

— Волк прошел, Волкович: не миновать — съест.

— Ну, вот еще! Я тебя выручу.

— Выручи, Иваныч!

— Ладно.

Заяц сел на овцу и поехал, а ягненок сзади бежит.

Куда едет заяц, овца ничего не знает, а спросить боится, так и везет зайца [Ремизов, 1922. С. 11].

Заяц решает помочь словно бы между прочим, чуть ли не из игривости. В тибетской сказке заяц кажется более сострадательным:

В это время подбегает заяц и спрашивает: «Что с тобой случилось? Отчего ты так дрожишь?» «Я вижу смерть свою», — говорит овца. «Не бойся, я спасу тебя!»

Заяц сел на овцу и поехал; ягненок бежит за ним [Потанин, 1912. С. 429].

Уже из этого примера видно, насколько значительной художественной обработке подвергал Ремизов исходный текст: нередко краткие констатирующие фразы из перевода Потанина разворачиваются Ремизовым в более объемные картинки. Приведем еще два примера, наглядно демонстрирующие мастерство Ремизова как писателя (слева приведены цитаты из текста Рабданова/Потанина, справа — из обработки Ремизова):

1

Звери стали расходиться [Потанин, 1912. С. 434].

Ну, а звери погломнили, погломнили и стали расходиться: кто в поле, кто в луга, кто в дубраву, слоны к слонам, крокодилы к крокодилам [Ремизов, 1922. С. 9].

2

«Я буду их гладить и приговаривать: вот придет ваша мать и принесет

Останусь я с твоими медвежатами. «Медведюшки, скажу, милые, мои медвежатушки-косолапушки, тихо сидите, не ворчите, лапками не топчите, вот

вам лакомых кусков» [Потанин, 1912. С. 431].	вернется из леса бая, принесет меду-малины: соты-меды сахарные, малина сладкая». Буду им говорить, буду их поглаживать по спинке, по брюшку по мякотькому. «И! медвежатки, у! медвежатки-косолапушки!» [Ремизов, 1922. С. 33–34]
--	--

Отметим также прием русификации заимствованных сказок: использованы русские имена для обозначения зверей (заяц — Иваныч, тигр — Еронымыч, медведь — Миша, Волк Волкович, Лисавна), русские реалии вместо тибетских («монастырь Загорье», «блаженный», «Бог» вместо Бурхана-Бакши, т. е. Учителя Будды). В одной из сказок (№ 4) прием обнажается: «А сидел у царя лама, по-нашему чернец», причем он может усиливаться за счет упоминания специфических буддийских культовых предметов («свирель такая из человечьих костей и бубен»).

Несмотря на некоторую трансформацию в сборнике Ремизова образов зайцев из тибетских сказок, следует признать, что сама по себе амбивалентность зайца заимствована им из оригинала. Благодаря своей ловкости и хитрости заяц в состоянии победить самого грозного врага и пользуется этой силой как во благо, так и во вред. Ему в тибетских сказках совсем не присуще чувство страха, в нем сильно игровое начало (Ремизов умело подчеркивает это его качество). При этом даже самые злодейские поступки зайца вписываются в буддийский контекст: тибетские сказки не живут в замкнутом и подавляемом пространстве народной культуры, а абсорбируются и преобразуются буддийским культом так же, как элементы народной религии, включая почитание духов мест и прочих мелких божеств, нередко злобных, однако якобы подчиненных великими йогинами и обращенных на защиту буддийского учения. Можно вспомнить, например, культ нагов, демонов полумеинового облика, которые могут причинять болезни, эпидемии, но могут и помогать людям, хранить секретные буддийские учения и т. д.¹

Однако очевидно, что хотя сказки, изданные Потаниным, приведены в «церковной» редакции, за ней легко угадывается специфически тибетское² архаическое отношение к образу зайца как своего рода

¹ Наиболее полным исследованием темы божеств и полубожеств, которые почитаются в Тибете как защитники Учения, остается работа Nebesky-Wojkowitz [Nebesky-Wojkowitz, 1956]. Из более поздних публикаций стоит отметить коллективную монографию, см.: [Kelényi, 2003].

² Вероятно, присущее всему ареалу распространения тибетской культуры. Достаточно упомянуть, что все те же сказки, которые зафиксированы Потаниным в исторической области Кам Восточного Тибета (в основном входит в состав провинции Сычуань КНР), содержатся и в сборнике тибетских сказок, собранных в Сиккиме (штат Индии с тибетоязычным населением, граничащий с Центральным Тибетом) и изданных в Дхарамсале в 1950-е гг. Русский перевод сборника [Крапивина, 2001] интересен в том числе и как более литературный, нежели текст Рабданова/Потанина, и потому еще ярче выявляющий авторскую интонацию Ремизова в его обработке сказок.

трикстеру. Внедрение его в контекст буддийского мировоззрения хотя и облегчается указанной выше повышенной способностью к адаптации буддизма к местным реалиям, в сущности, очень искусственно и его элементы легко можно отделить от исходного фольклорного субстрата³.

Говоря о тибетских зайцах, нельзя не упомянуть также, что вне сказочного жанра в фольклоре, а также в литературе, связанной с фольклором, можно встретить и совершенно иной образ зайца, связанный с распространенным среди некоторых восточных народов представлением о том, что на Луне обитает мифический заяц (на Луне есть пятно в виде зайца) — символ плодородия. Иногда в песенном творчестве тибетцев этот образ зайца смыкается с темой полнолуния, которое сулит счастье, в том числе в любовной сфере⁴. Однако в известном автору статьи сказочном материале из Тибета образ зайца как символа плодородия не встречается. Мы имеем дело с зайцем-плутом, обманщиком, и такой образ,

³ Здесь можно выделить по крайней мере одно исключение: в сказке № 3 (в цикле Ремизова) заяц пугает свиту невесты последствиями виновных возлияний [Ремизов, 1922. С. 20—21]. С одной стороны, это напоминает популярные сочинения о вреде пьянства, которые время от времени писали известные буддийские авторы для распространения трезвости среди народа (отказ от употребления опьяняющих напитков входит в число пяти основных обетов мирянина-буддиста). С другой стороны, в сказке нет прямого нравоучения и предположение о буддийском влиянии здесь довольно гипотетично.

То, что в изложении Ремизова «буддийская мораль и дидактическая направленность сказок исчезли», отмечено в статье Г. А. Сорокиной, посвященной краткому рассмотрению тибетской темы в творчестве Ремизова [Сорокина, 2014. С. 53]. Автор указывает также, что «писателю удалось сблизить, казалось бы, несовместимое: русскую и тибетскую фольклорные сказочные традиции... Обратившись к тибетским сказкам, Ремизов, очевидно, не ставил себе задачу передать их буддийский смысл. Скорее всего, писателю были интересны вариации на темы сказочной традиции с использованием экзотического материала тибетского фольклора» [Сорокина, 2014. С. 53]. Можно согласиться с тем, что исходной мотивацией Ремизова при обращении к публикации Потанина было творческое обыгрывание «экзотического материала». В то же время впоследствии цикл сказок о тибетском зайце определенно приобрел политическое измерение, на что было указано И. Ф. Даниловой.

⁴ В качестве примера можно привести одну из песен Шестого Далай-ламы: «Полпути прошедший, // Диск Луны сияет. // К источенью жизни // Близок лунный заяц». Смысл песни состоит в горечи лирического героя по поводу окончания любовного романа (заяц выступает как воплощение страсти), между тем как полнолуние, по народным представлениям, сулит любовникам счастье [Зорин, 2007. С. 107].

очевидно, мил сердцу тибетцев, потому что в несколько более позднем (как можно судить) фольклоре появляется образ хитреца, ловкача и развратника Аку Тонпы, истории о котором пользуются огромной популярностью среди жителей самых различных регионов, населенных тибетцами. Интересно, что в одной из сказок, приведенных Потаниным и использованных Ремизовым, он упоминается в роли хитреца-соблазителя монашек из женского монастыря⁵. Ремизов удаляет из своего повествования имя и, как было упомянуто выше, переносит действие на русскую почву: «А в том монастыре в Загорье как раз о ту пору чудил один, под видом блаженного, проходимец, монашки догадались да кто чем, тот и убежал из монастыря голый» [Ремизов, 1922. С. 17].

Так два самых популярных тибетских трикстера сошлись в одном тексте, причем заячье плодородие

словно бы воплотилось в человеческом образе веселого развратника Аку Тонпы.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что исходная амбивалентность зайцев тибетских сказок нашла отражение и в мастерском «Тибетском сказе» А. М. Ремизова. Тщательно выстроенная структура цикла выявляет различные грани «заяшного» образа: от хитрой, но благодетельной до бесшабашной и сугубо деструктивной. Частично этот образ действительно соответствовал духу революционного времени, свидетелем которого довелось стать Ремизову, однако он, вероятно, чувствовал в нем и веселую свежесть, и игровое начало, и всё то многое и непередаваемое, что скрывается за русским «ё», так удачно совпавшим с тибетским названием главного героя сказок⁶.

Использованная литература

Данилова, 2000: Данилова И. Ф. О сказках Алексея Ремизова // А. М. Ремизов. Собрание сочинений. Т. 2: Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 611–617.

Danilova I. F. O skazkakh Alekseia Remizova // A. M. Remizov. Sbornie sochinenii. T. 2: Dokuka i balagur'ie. M.: Russkaia kniga, 2000. S. 611–617.

Danilova I. F. On the Tales by Alexei Remizov // A. M. Remizov. Collected Works. Vol. 2: Endless Tales and Jokes. M.: Russkaia kniga, 2000. P. 611–617.

Данилова, 2010: Данилова И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010. (Slavica helsingiensia, 39). С. 164–172.

Danilova I. F. Literaturnaia skazka A. M. Remizova (1900–1920-e gody). Helsinki, 2010. (Slavica helsingiensia, 39). S. 164–172.

Danilova I. F. The Literary Tale by A. M. Remizov (1900s–1920s). Helsinki, 2010 (Slavica helsingiensia, 39). P. 164–172.

Зорин, 2007: Песни Шестого Далай-ламы. «Жизнеописание Цаньянг Гьяцо, составленное из стихотворных отрывков» / пер. с тиб., предисл. и прилож. А. В. Зорина. М.: Открытый мир, 2007. 222 с.

Pesni Shestogo Dalai-lamy. "Zhizneopisanie Tsan'yang G'yatso, sostavlennoe iz stikhotvornykh otryvok" / Perevod s tibetskogo, predislovie i prilozhenie A. V. Zorina. M.: Otkryty mir, 2007. 222 s.

Songs of the Sixth Dalai Lama. "The Biography of Tsangyang Gyatso Composed in Poetic Fragments" / Translation from Tibetan, preface and appendices by A. V. Zorin. Moscow: Otkryty mir, 2007. 222 p.

Крапивина, 2001: Сокровище дракона. Тибетские старинные сказки / пер. с тиб. Р. Н. Крапивиной. М.: Лосар, 2001. 83 с.

Sokrovishche drakona. Tibetskie starinnye skazki / Perevod s tibetskogo R. N. Krapivinoi. M.: Losar, 2001. 83 s.

The Dragon's Treasure. Old Tibetan Fairy Tales / Translated from Tibetan by R. N. Krapivina. M.: Losar, 2001. 83 p.

Потанин, 1912: Потанин Г. Н. Тибетские сказки и предания // Живая старина, год XXI, вып. 2–4. СПб.: Отделение этнографии ИРГО, 1912. С. 389–436; Отдельный оттиск — Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1914.

Potanin G. N. Tibetskie skazki i predania // Zhivaia starina, god XXI, vyp. 2–4. SPb.: Otdelenie etnografii IRGO, 1912. S. 389–436; Otdel'nyi ottisk — Petrograd: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1914.

Potanin G. N. Tibetan Fairy Tales and Legends // Living Antiquity, year XXI, nos. 2–4. St. Petersburg: Department of Ethnography, Imperial Russian Geographical Society, 1912. P. 389–436; An official offprint: Petrograd: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1914.

Ремизов, 1922: Ремизов А. М. Ё. Тибетский сказ. Берлин: Русское творчество, 1922. 42 с.

Remizov A. M. Io. Tibetskii skaz. Berlin: Russkoe tvorchestvo, 1922. 42 s.

Remizov A. M. Yo. A Tibetan Tale. Berlin: Russkoe tvorchestvo, 1922. 42 p.

Ремизов, 2000: Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 2: Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. 713 с.

Remizov A. M. Sbornie sochinenii. T. 2: Dokuka i balagur'ie. M.: Russkaia kniga, 2000. 713 s.

Remizov A. M. Collected Works. T. 2: Endless Tales and Jokes. M.: Russian book, 2000. 713 p.

Сорокина, 2014: Сорокина Г. А. Тибетская тема в произведениях А. Ремизова // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 2 (70). С. 48–54.

Sorokina G. A. Tibetskaia tema v proizvedeniakh A. Remizova // Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia. 2014. № 2 (70). S. 48–54.

⁵ В издании Г. Н. Потанина представлен также и цикл коротких историй (своего рода анекдотов) об этом персонаже [Потанин, 1912. С. 410–414].

⁶ Тиб. *yos* ('заяц').

- Sorokina G. A.* The Tibetan Theme in the Works by A. Remizov // Herald of the University of Russian Academy of Education. 2014. No. 2 (70). P. 48–54.
- Kelényi, 2003: Demons and Protectors. Folk Religion in Tibetan and Mongolian Buddhism / Ed. by B. Kelényi. Budapest: Ferenc Hopp Museum of Eastern Asiatic Art, 2003. 135 p.
- Nebesky-Wojkowitz, 1956: *Nebesky-Wojkowitz R.* Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. XV. Den Haag: Mouton, 1956. 666 p.

Alexander V. Zorin

The Rabbit of “A Tibetan Tale” by A. M. Remizov and His Tibetan Prototypes

The history of A. M. Remizov’s cycle “Yö. A Tibetan Tale” written in 1916, on the basis of six Tibetan folk tales borrowed from the publication by G. N. Potanin, and published twice during the author’s life as separate pamphlets (Chita 1921 and Berlin 1922) was described in the monograph by I. F. Danilova who also presented her interpretation of the cycle [Danilova, 2010: 164–172]. This paper contains a different interpretation that does not deny the former one but rather extends it. Thus, the ambivalent image of the rabbit (or hare) in Remizov’s cycle is more fully developed with use of some Tibetological data and a parallel is drawn between it and that of another popular Tibetan folk trixter, Akhu Tönpa (A khu ston pa).

Key words: A. M. Remizov, *Yo. A Tibetan Tale*, G. N. Potanin, Tibetan folk tales, the image of the hare.

Alexander V. Zorin — Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg (18, Dvdortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia).
kawi@yandex.ru

Б. В. Меняев, Б. Х. Борлыкова

Из истории записи сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» *

© Б. В. Меняев, 2021

© Б. Х. Борлыкова, 2021

DOI 10.25882/zj60-1188

В данной статье на основе архивных материалов рассматривается история записи сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар». Фольклорные записи А. В. Бурдукова и А. Ш. Кичикова представляют собой ценные источники по изучению устного народного творчества сарт-калмыков Киргизии XX в.

Ключевые слова: сарт-калмыки, Киргизия, фольклор, Джангар, мотивы, архивные материалы, магнитные ленты, олёты Синьцзяна, калмыки, А. В. Бурдуков, А. Ш. Кичиков.

Меняев Бадма Викторович — специалист, Международный научно-исследовательский центр «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве», Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, 11).

bmeuaev@mail.ru

Борлыкова Босха Халгаевна — кандидат филологических наук, специалист, Научный отдел, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, 11).

borlboskha@mail.ru

В Киргизии, вблизи озера Иссык-Куль в Ак-Суйском районе Иссык-Кульской области, в селах Челепек, Бурма-Суу, Таш-Кыя и Бёрю-Баш проживают сарт-калмыки — выходцы из долины Текес (Синьцзянь-Уйгурский автономный район КНР), переселившиеся сюда в 60-е гг. XIX в. (их называют также каракольскими или иссык-кульскими калмыками). В первой половине XX в. сарт-калмыки часто мигрировали из России в Китай и обратно. В отличие от большинства монгольских народов сарт-калмыки исповедуют ислам. Численность сарт-калмыков в 1889 г. составляла 1068 человек [Аристов, 1896. С. 390], в 1917 г. — 2405 человек, в 1929 г. — 3588 человек [Бурдуков, 1935. С. 68], в 1989 г. — 4593 человека, в 1999 г. — 5314 человек, в 2009 г. — 3801 человек [Перепись населения... 2010. С. 48]. В настоящее время точную цифру назвать практически невозможно, поскольку по паспорту они записаны киргизами. Предположительно можно сказать, что их гораздо больше (минимально 10 000 человек).

Каракольское ущелье. 2009 г. Фото Б. В. Меняева

Одно из первых упоминаний о сарт-калмыках встречается в труде подполковника Генерального штаба Д. Федорова «Опыт военно-статистического описания Илийского края» (1903):

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00537 А.

Среди цзурган-сумунов¹ есть калмыки, исповедующие ислам, тогда как все монголы ревностные буддисты, называются они здесь «сарт-калмыками», число их невелико. По образу жизни сарт-калмыки мало отличаются от остальных калмыков и в вере своей нетверды, среди них нет даже своих мулл, а для треб они вызывают их из ближайших селений (например, Джагустая) [Опыт военно-статистического описания Илийского края, 1903. С. 262–263].

История олётвов во второй половине XIX в. описана Н. П. Остроумовым в книге «Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского

края и распространение среди них православного христианства»:

Калмыки олётского рода, кочевавшие на р. Текес, еще в 1865 г. были разбиты и ограблены дунганями за помощь китайцам. Вынуждены были спасаться за русской границей, которую они перешли в количестве 2000 юрт [Остроумов, 1879. С. 19].

В период коллективизации в 20–30-е годы XX в. часть зажиточных сарт-калмыков вернулись в Китай, опасаясь «раскулачивания». Ныне их потомки проживают в уезде Монгол-Кюря СУАР КНР. Большая часть из них считают себя киргизами².

Фото из интернет-ресурса. URL: <https://i.ibb.co/Ns83wsS/1928.jpg>

Сарт-калмыки редко становились объектом исследования ученых России. В советское время их изучением занимались известные русские монголоведы, в частности, филологи А. В. Бурдуков (1929), У.-Ж. Ш. Дондуков (1975), этнограф Н. Л. Жуковская (1980), а также тюркологи, например Э. Р. Тенишев (1976). Интересный полевой материал собран калмыцкими (К. Э. Эрендженев (1935), А. Ш. Кичиков (1964), Т. Б. Бадмаева (1979), Б. Б. Оконов (1979), Д. А. Павлов (1982) и др.) и бурятскими (Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова (2011) и др.) исследова-

телями в результате экспедиций в места проживания сарт-калмыков.

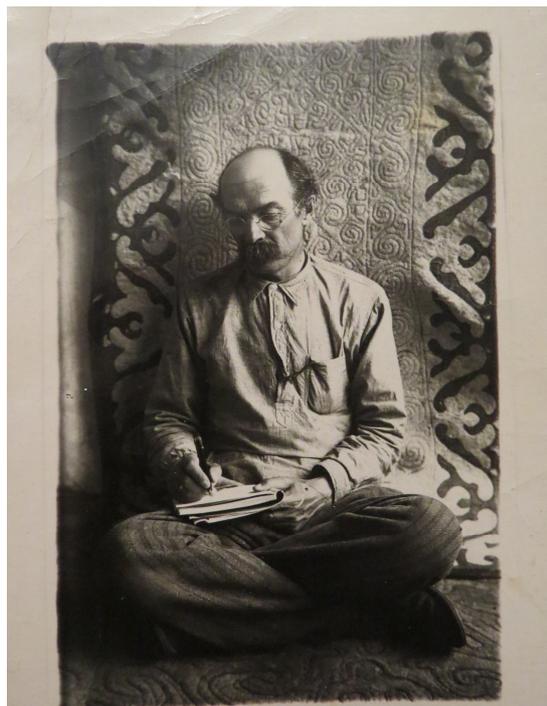
Первые записи образцов фольклора сарт-калмыков и их научное исследование связано с деятельностью известного монголоведа-филолога, прекрасного знатока этнографии и разговорного монгольского языка, общественного деятеля Алексея Васильевича Бурдукова. Работая в Ленинградском государственном университете, А. В. Бурдуков в 1929 г. совершил научную экспедицию к сарт-калмыкам, в то время малоизвестной ойратоязычной группе. А. В. Бурду-

¹ Цзурган-сумуны — шесть сомонов олётвов, кочевавшие во второй половине XIX в. по берегам р. Текес.

² Записано от: Тёрган Тёрменке, 1962 г. р., олёт, То сумун, из рода Данжин Дорлан элкн, г. Кульджа (Инин) СУАР КНР. Собрал Б. В. Меняев. 2009 г.

кову удалось записать у сарт-калмыков «5 былин, эпос „Джангар“, сказание о Зюнгар-хане, автобиографическое повествование былинщика Бакхи Сарпекова, около десятка разных рассказов и сказок, до 120 пословиц и поговорок, до 50 загадок, до 60 песен и благопожеланий», собрать «исторические сведения о каракольских калмыках... и т. д.» [Бурдуков, 1935. С. 47]. Т. А. Бурдукова перевела собранные ее отцом, А. В. Бурдуковым, сказки сарт-калмыков на русский язык (6 п. л.), в т. ч. и главу из эпоса «Джангар» [Нармаев, 2013. С. 14]. Сделанный Т. А. Бурдуковой перевод эпоса «Джангар» опубликован Т. Г. Басанговой в статье «Сарт-калмыцкая версия Джангара (текст, основные мотивы)». Исследователем рассмотрен сюжет эпоса и проанализированы некоторые мотивы данной версии эпоса [Басангова, 2011].

Краткое содержание сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар», записанной А. В. Бурдуковым, опубликовано в 1990 г. Н. Ц. Биткеевым в книге «Эпос „Джангар“» и переиздано в 2006 г. [Биткеев, 2006. С. 22–23, 106–108]. Исследователь вслед за Т. А. Бурдуковой считает, что «„Джангар“ у калмыков, проживающих в Киргизии, подвергся трансформации. Произошла путаница сюжетных линий ряда поэмы исконно калмыцких версий. Однако имена главных героев сохранились» [Биткеев, 2006. С. 23].

А. В. Бурдуков. С. Чельпек, 1929 г.
Фото из личного архива М. Т. Исламова
Переснято Б. В. Меняевым в 2009 г.

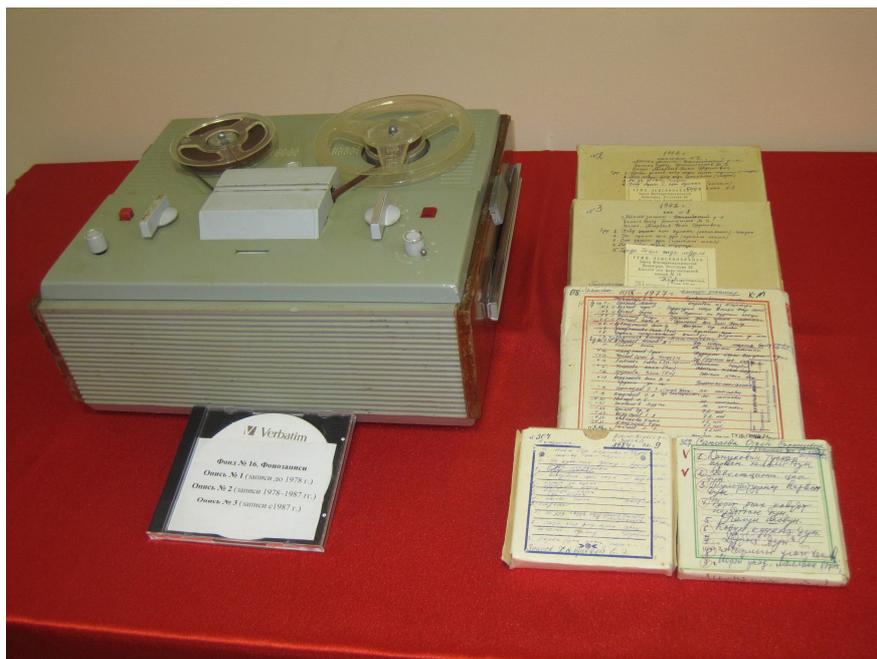
Семья сарт-калмыка - колмынджа

Фото из интернет-ресурса. URL: <https://i.ibb.co/5j2VcHR/1931.jpg>

В 1964 г. А. Ш. Кичиков в экспедиции, организованной Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ), записал две главы сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар»: «Эрк Улан баатр» («Богатырь Эрке

Улан») и «Сэн Шар баатр» («Богатырь Сайн Шара»). Фрагмент сражения богатырей Эрке Улана с Бёке Горгулдой был опубликован А. Ш. Кичиковым в статье «Хар холын хальмгуд» («Каракольские калмыки»):

<p><i>Буһан арсн шалвериг Бульчң талан татад имкрэд, Текән арсн шалвериг Тәкм талан татад имкрэд. Үкс гэд бэрлдэд Хонгин һазрас авлад — бээнэ. Одак хойран тооснд Хулмг Бунд тогтад, Орчлң Замб түмд Харңһу татад бээнэ... [Кичиков, 1964. С. 4].</i></p>	<p>Штанины из шкуры оленя-изюбря, К икрам скатав, подсучил, Штанины из шкуры дикой лошади <i>таки</i>, К коленному сгибу скатав, подсучил, Быстро схватившись, Боролись сутки... В пыли тех двоих Образовались песчинки, Во Вселенной, Стало темно...¹</p>
---	---

Аудиозаписи А. Ш. Кичикова из научного архива КИГИ РАН (ныне КалмНЦ РАН)
2014 г. Фото Б. Х. Борлыковой

В 1972 г. А. Ш. Кичиков от сказителя Сертенова Гапара (1892 г. р.) в с. Чельпек записал на катушечный магнитофон отрывок главы из эпоса «Джангар» — «Эрк Улан баатр» («Богатырь Эрке Улан») ². По мнению ученого, эпос «Джангар» каракольских калмыков близок «к версиям синьцзянских ойратов-элютов» [Кичиков, 1964. С. 3].

Сарт-калмыцкий текст героического эпоса «Джангар», записанный А. В. Бурдуковым, представляет собой версию из разрозненных микросюжетов. Песнь состоит в основном из фрагментов, если не трех самостоятельных песен, то двух, не имеющих зачина. В композиционном плане, если не учитывать отсутствие общего пролога и прозаическую форму изложения, исследуемая песнь имеет сходство с главами синьцзян-ойратской («Хар Тевгт хаани бөлг» 'Песнь о хане Хан Тевгту' [Джангар, 2006. С. 57–72]) и монгольской («Джангар» [Владимирцов, 1926. С. 99–

105]) версий эпоса «Джангар». Сюжеты перечисленных выше песен посвящены описанию борьбы с врагами-мангасами. «В эпическом творчестве монгольских народов имеются сходства и отличия. Сходства, естественно указывают на то, что у эпосов общий исток, своеобразие — результат самостоятельного пути их развития» [Биткеев, 2006. С. 31].

Сарт-калмыцкий текст героического эпоса «Джангар», записанный А. В. Бурдуковым, имеет небогатый состав художественно-поэтических средств (сравнения — *һунн хөөнэ чинэн һунн хар туссаг* 'чёрная кровь, как из трёхлетнего барана' ³, *Хээсн Толхо* 'голова величиной с казан' и др.; эпитеты — *Сээхн герл Миньмя*, букв.: 'Минмия, излучающий свет', *Бурхн Зеерд*, букв.: 'Божественный Рыжко', *нутгин иумр* 'свет нутука (владений)' и др.; гипербола — *көдәһин чинэн энтэ* '[стрела] с опереньем величиной с необъятную степь', *көтлин чинэн он* 'насека на конце стрелы величиной с холм' и др.; типические места — *Һунтадан һурвн бээр эвдлжэ* 'в трёхлетнем возрасте разрушь три крепости'; описания — *дээнэ көлд да-*

¹ Здесь и далее перевод авторов. — Б. М., Б. Б.

² Аудиозаписи А. Ш. Кичикова оцифрованы в 2010 году Б. Х. Борлыковой // КИГИ РАН (ныне НА КалмНЦ РАН). Ф. 16. Оп. 1. № 142 (133), 143 (134).

³ Здесь и далее перевод авторов. — Б. Б., Б. М.

сад уго, цагинь сээниг үзэд уго, махн махшад уго, шули шулиэд уго эр Хоңһр баатр ‘Эр Хонгор, не имеющий опыта в войне, не знающий лучшего времени, не возмужавший’), что вполне объяснимо утратой языка и ассимиляционными процессами, отмеченными А. Д. Гагариным и Т. М. Миллером в 1928 г., А. В. Бурдуковым в 1929 г., У.-Ж. Ш. Дондуковым в 1975 г., Э. Р. Тенишевым в 1976 г. и др.

В сарт-калмыцкой версии героического эпоса «Джангар» представлен комплекс мотивов богатырской тематики — ломка копья богатыря, ультиматум, богатырский поединок, прибытие героя в родную державу, наречение богатырским именем, исцеление, — которые встречаются в калмыцкой и синь-

цзян-ойратской версиях эпоса. Описания внутренних и внешних характеристик персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» с точки зрения их индивидуальных, семейных и сословных состояний рассмотрены в статье «К изучению персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса „Джангар“» [Борлыкова, Меняев, 2020. С. 231–242].

Таким образом, экскурс в область истории записи сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» позволил установить, что фольклорные записи А. В. Бурдукова и А. Ш. Кичикова представляют собой ценные источники по изучению фольклора сарт-калмыков Киргизии XX в. В дальнейшем предстоит более глубокий комплексный анализ исследуемых материалов.

Жаңһр ¹	Джангар ²
<p>1. Жаңһр жидин армгар Һунн Аюл Дөнн Аюл гидг хойр маңһста дээлдэд йовж. Жаңһран армгин иш хуһрад оч. Армгтан иш хээһэд Илин тохаһас олж ядж үркэд, Тексин экнэс хээж йовад олад авч, армган ясад ишлэд дэкод мордад Һунн Аюл Дөнн Аюлын ардас хээһэд некэд орва.</p>	<p>1. Джангар сражался копьем с мангасами Гунан Аюлом и Донен Аюлом. Сломалось древко у Джангарова копья. Не найдя древка в излучине Или, нашел [он] его у истока Текес, починив древко копья, он вновь отправился на поиски [мангасов] Гунан Аюла и Донен Аюла.</p>
<p>2. Нег һазрт күцэд ирвэ. Маңһсиг нааран хэләһэд цааран хэләгл, кесг күм дорцулад үрквэ. Маңһс ээмтәхн болво. Энчнь болш уго юмн санж билтэ гиж нутгиг хайж үркэд зулад маңһс гетләд одва. Алдр нойн Жаңһр нутган гедргән нүүләд ирвэ. Бүүр бүүрдән буулһад, сүүр сүүрдән суулһад авба. Жаңһрин сээхн герл Миньмья гидг нег күмн бээдг санж.</p>	<p>2. Настиг [он] их в одном месте. Пока мангасы озирались, [Джангар] поработил множество людей. Мангасы испугались. «Оказывается, его невозможно одолеть» — так подумали мангасы [и], бросив нутук, бежали прочь. Великий нойн Джангар вернул свой нутук обратно. Каждый семье определил свое место для установки юрты. У Джангара был прекрасный лучезарный богатырь по имени Минмия.</p>
<p>3. Нег цагин дөй дунд нарн орхин хөөт зүгэс Хээсн Толхо Манс³ Жаңһрин нутгур орад ирнэ. Күмн ирсэ медх биш. Өмнэс һарад бәрлдэд баатр уго, Жаңһран герт ирэд буува. Жаңһран герт орад ирвэ. Хөөмр бийд һарч зэмләд суува. Жаңһр хан, көөрк, ээж одва. Хойр түшмл бээсн санж. Түшмлән дуудлад авба. Түшмлнь гүүн гишкүлн күрэд ирвэ. «Мана хаана герт чи сург дажг уго ямр күмивч орад ирдг?» Хойр түшмл Хээсн Толхо Мансин хойр гертэс бәрдгиг бодод ирвэ. Хээсн Толхо Манс үкс гиж хойр түшмлин хойр далас татж бәрэд, хойр давхрдан /такмдан/ хавчж авад суува.</p>	<p>3. Однажды с северо-западной стороны в нутук Джангара прибыл Хайсан Толхо мангас. Никто не знал о его прибытии. Не было богатырей, равных ему. Слез он с коня у юрты Джангара. Вошел он в юрту Джангара. Скрестив ноги, он сел на почетное место. Бедный Джангар испугался. Рядом с ним оказались двое сановников. [Джангар] подзвал к себе сановников. Сановники спешно подбежали к [Хайсан Толхо мангасу]: «Кто ты таков[, чтобы] без приглашения входить в юрту нашего хана?» Сановники хотели схватить Хайсан Толхо мангаса. Хайсан Толхо мангас быстро схватил двух сановников за лопатки [и], зажав их коленным сгибом, сел.</p>
<p>4. Жаңһр хан эрк-чигэ, дарсна амтн сээнэс хураж ирэд мөргж-сөгдж: «мини түшмлин буруһинь өгч хээрлхнтн!» — гиж мухр өвдг(ән) сөгдж ирвэ. Хойр түшмлиг тэвэд үрквэ. Хойр түшмл ардан хэлэл уго һарн сөгдж өгвэ. Хээсн Толхо Манс келэд суува. Жаңһр ик ээж аргдж сууна. «Мини чини сурсичнь өгвэ. Хойр түшмдән тэвэд өгвэ. Ода над эсхи Бурхн Зеерд күлгән өг, эсхи Сээхн Герл Миньмьянан өг, эсхи Аав Герл хат(а)н өг», — гиж сурва.</p>	<p>4. Джангар, преподнеся араку, кумыс и лучшее вино, преклонив колени, взмолился и просил [Хайсан Толхо мангаса]: «Сжальтесь над моими сановниками». [Хайсан Толхо мангас] отпустил двух сановников. Двое сановников, не оглядываясь, вышли [из юрты], поклонились. Хайсан Толхо мангас молвил: «Я выполнил то, что ты хотел. Отпустил [твоих] двух сановников. Сейчас отдай мне либо скакуна Бурхан Зерде, либо Прекраснейшего во вселенной Минмию, либо ханшу Авай Герел». Джангар очень испугался.</p>
<p>5. Жаңһрин арһ баргдва. Бурхн Зеерд өгэд оркх йовһн яһнаб? — гиж зовбо. Сээхн Герл Миньмьянан өгэд оркх</p>	<p>5. Джангар не знал, что делать. Он стал переживать: «Если отдам [мангасу] скакуна Бурхан Зерде, то останусь</p>

¹ Запись осуществлена А. В. Бурдуковым в 1929 г. от Бакхи Сарпекова, машинописный набор Т. А. Бурдуковой «Сарт-калмыцкая и байтская версия „Джангара“» // КИГИ РАН (ныне НА КалмНЦ РАН). Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 6. Переложение на современный калмыцкий язык Б. В. Меняева.

² Перевод авторов. — Б. М., Б. Б.

³ Вероятно, опечатка, правильно маңһс ‘мангас’.

<p>нутгинм герл йовад одх болво гиж сана зовад суува. Аава Герл хат(а)н өгэд орх — нутгинм кишг йовад одх болну гиж санан зовж сууһад бээвэ.</p>	<p>пешим; если отдам красавца Минмию, то померкнет свет страны; если отдам ханшу Авай Герел, то может уйти счастье и благополучие моего народа».</p>
<p>6. Хээсн Толхо Манс келвэ: — Өгхнчн шулун өг. Өгхш гихнчн дээлднэб! — гиж келвэ. Жаңһр хан арһ баргдад, Бурхн Зеерд күлгэн көтлгэд тэвэд үрквэ. Хээсн Толхо Манс йовад одва.</p>	<p>6. Хайсан Толхо мангас сказал: — Быстрее отдавай. Если не отдашь, то силой заберу. Джангар не зная, что делать, отдал [мангасу] скакуна Бурхан Зерде. Хайсан Толхо мангас отправился домой.</p>
<p>7. Үүнэсн Жаңһрин нутгин захд йовгсн нег угата күмнэ көвүн шаһа наадж йовад соңсад үркнэ: «мана хаана нутгт нарн орх зүгэс Хээсн Толхо Манс гидг ирж гинэ. Мана Жаңһр хаана Бурхн Зеерд күлги көтлж хэрнэ гидг юмб?» — гиж соңсгдва. Шаһа наадж йовгсн көвүн бээдснд ажрһ тэвэд үркксн бээтл, бээхр буурл ажрһиг бэрэд, зээдн унад авба. Хээсн Толхо Мансан ардас хээж некэд орва. Нег эрмин цаһан көдэд харһж көөж йовад күцэд бэрвэ. Манстаһан мөрн деер холво-холво татлцад одва. Наар хэләһэд, цаар хэләтл, Хээсн Толхо Мансан ам хамрас һунн хөөнэ чинэн һунн хар туссаг үдин һазр цацрулад ирвэ. Хээсн Толхо Манс муудад, тевдэд, Бурхн Зеерд күлгиг тэвэд өгвэ. Гедргэн нутгтан көтлэд хэрвэ. Жаңһр хаана үүднд күрэд ирвэ.</p>	<p>7. На краю владения Джангара сын бедняка, играя в альчики, услышал: говорят, что со стороны захода солнца в нутук нашего хана прибыл Хайсан Толхо мангас. Кто он такой, чтобы увести Бурхан Зерде, скакуна нашего Джангар-хана? Мальчик, играющий в альчики, поймав чалого жеребца, сел на него без седла. Поскакал, преследуя Хайсан-Толхо мангаса. И настиг он его в бескрайней степи. Боролись они, не сходя с коней, тянули друг друга. Вдруг изо рта и носа Хайсан-Толхо мангаса хлынула чёрная кровь, как из трехлетнего барана, и лилась она полдня, окропляя землю. Хайсан-Толхо мангас, обессилев, отпустил скакуна Бурхан Зерде. Мальчик привел его обратно на родину. И достигли они дверей Джангар-хана.</p>
<p>8. Жаңһр хаана Аава Герл хатн хурдлж һарад ирвэ. Бурхн Зеерд мөрән авад ирснд, көвүг мөрнэсн буулһж авад, хойр самсгас шимн үмсэд, гертэн дахулад орва.</p>	<p>8. Жена Джангара Авай Герел поспешно выбежала им навстречу. [Она] помогла мальчику, вернувшему скакуна, сойти на землю. Понюхав обе его щеки, провела в юрту.</p>
<p>9. «Эн нойн алдр, Хээсн Толхо Манс гидг ирвэ», — гиж над юунд келсн уго билэт? — гиж сурад ирвэ. Эн үг келхд: — Көвүн мини кенэ көвүн билэч? Ал(б)кд бээсн көвүн билэч? Чамд иим зүрктэгичн медсн уго билэ би. Хойр түшмлэн дуудад ирх, Хээсн Толхо Манс зэмлэд суусн. Хойр өвдг доран дарж, хойр такмдан дарад хавчад суува. Бидн эәһэд татн, ухан тарад одва. Минин насн көгшрсн цагим санж билэ. Арвн ухан алдрад одва. Ухан сананасн төөрэд одгсн билэб. Келдг үгэн олж ядад, эрк дарсн гидг юмна амт сээнэс мөргж-сөгдж бээһэд эрж сурж. Хойр түшмлэн сулдхад авба. Эн үг келхд Хээсн Толхо Манс «чини сурсычн би өгв», - гиж келвэ. «Ода минн чамас сурдг үг бээнэ. Эски Аава Герл хатан өг», - гиж келгсн билэ. Эски Сээхн Герл Миньмьянан өг чи, - гиж келгсн билэ. Бурхн Зеерд күлгэн өгн гихнь, йовһн үлднэб гиж санва. Сээхн Герл Миньмьянан өгх нутгинм шумр йовад одна гиж биднэ арһ хорһ баргдва. Бурхн Зеердэн көтлгн тэвэд өгсн билэв. Чини герчнь хама билэ? — гиж сурва.</p>	<p>9. Мальчик спросил: «Ваша светлость, почему вы мне не сообщили о прибытии Хайсан-Толхо мангаса?» Когда он сказал это, [Джангар] спросил: — Мальчик мой, чей ты сын? Откуда ты? Я не знал, что есть такой храбрый. Когда я подозревал своих двух сановников, Хайсан-Толхо мангас, скрепив ноги, сел. В то время я уже состарился. Лишился десяти умов. Сознание мое затуманилось. Не найдя нужных слов, преподнеса лучшие араку и вина, стал [я] с мольбой просить. [Он] отпустил двух сановников. Хайсан-Толхо мангас сказал: «Я исполнил то, что ты просил. Теперь я хочу просить [тебя]: отдай мне либо ханшу Авай Герел, либо красавца Минмию, либо скакуна Бурхан Зерде». Так он сказал. Я подумал, что если отдать скакуна Бурхан Зерде, то останусь пешим; если отдам красавца Минмию, то померкнет свет страны. Все наши возможности были исчерпаны. И отдал я скакуна Бурхан Зерде.</p>
<p>10. — «Мини герм нутгин захд иим нег угата көгшн һагц көвүн билэб. Шаһа наадж бээсн һазрт мана Бурхн Зеерд күлгиг нарн орхин хөөт зүгэс Хээсн Толхо Манс ирж көтлэд йовба гиж йерү зүрб соңсгдад одв. Батта тэвсн бээн буурл ажрһиг (в оригинале азрһиг) бэрж унад, Манасын ардас көөж күцэд булаһад авад иргсн билэб», — гиж келвэ.</p>	<p>10. [Джангар] спросил: — Где твой дом? — Мой дом на краю [ваших] владений, я единственный сын бедного старика. Когда мы играли в альчики, то услышали весть о том, что прибывший со стороны захода солнца Хайсан-Толхо мангас увел нашего скакуна Бурхан Зерде. Я, поймав чалого жеребца, оседлал его. Догнав мангаса, отобрал [скакуна] и вернул.</p>
<p>11. Жаңһр хан зэрлг болва. Нутган хураж ик хурл кеж, көвүнэн эңг герин ард бийд буулһад амна. Көвүнэн нег цол тэвнэ гиж нутган хураж, хурл кеж көвүндэн йөрэл өгч, нер цол тэвнэ. Алдр сээхн цолчн арвн зүгт төрх белг болтха! Шулм хааг даву дарн авч төрхин белг болтха! Һунтадан һурвн бээр эвдлж төрхин белг болтха!</p>	<p>11. Джангар-хан повелел. Собрав нутук, провел большой хурал. Отца мальчика поселил к северу от своей юрты. Чтобы наречь мальчика именем, собрал нутук и на хурале дал благословение: — Пусть твое великое имя прославится в десяти сторонах света! Победив Шулум-хана, пусть твое имя прославится!</p>

<p>Гурвн кизэр нутгиг ээлж төрхин белг болтха! Жаңһр хан Бурхн Зеерд ке күлгэн өнчлэд унулад өгнө.</p>	<p>В трехлетнем возрасте, победив в трех битвах, пусть твое имя прославится! Овладев тремя дальними странами, пусть твое имя прославится! Джангар преподнес в дар [мальчику] своего прекрасного скакуна Бурхан Зерде.</p>
<p>12. Техдэ һунн Аюл Дөнн Аюл армгин иш хуһрад одхд мана нутгин дундур нүүлһэд авад йовж одво гиж келвэ. Түүн ардас би некэд одна гиж Хоңһр мордва. Хан хамг зер-зевинь белн кегэд имсүлэд (в оригинале имсүдэд) аксулад өгэд йовулва. Нарн һархин зүг суутл бээнэ гиж хээһэд йомна.</p>	<p>12. В сражении, когда древко копья сломалось, Гунан Аюл и Донен Аюл увели часть нашего народа. «Я верну их» — так сказав, отправился в путь [мальчик, нареченный именем Эр Хонгор]. Хан [Эр Хонгору] надел доспехи и вооружил его. [Эр Хонгор] в поисках [Гунан Аюла и Донен Аюла] направился в сторону восхода солнца.</p>
<p>13. Һунн Аюл Дөнн Аюлан нутгин захд өөртэд ирнэ. Түүнэс дээнэ көлд дасад уго, цагинь сээниг үзэд уго, махн махшад уго, шүли шүлшэд уго эр Хоңһр баатр сө манан хар нөр дотр маңһсан нутгиг нег захас таслж авад, хашгирч тууһад йовба. Йовад, нег хонгин һазрт күрэд ирхд ардас Һунн Аюл Дөнн Аюл күцэд өөртэд ирвэ. Идр шар нумиг Дөнн Аюл маңһс кедэһин чинэн эңтэ, көтлин чинэн онта көк һалвур сумиг идр шар нумнд онлн татад авба. Зулж йовгсн хар улан залуһин хойр далан хоорнд эмн улан һол гиж шившж татад ирвэ. Тевкин дун «тарт» гиж тэвхд эр Хоңһригэн дэлтрвэ — болсн уга. Тигэн дэлтрвэ — болсн уга. Хойр далан хоорнд көк һалвур сумн зурлдж орва. Көвүн түргүр унн гивэ. Хавтха сээхн сээрэрн дөннэд авба. Хэврһэдэн унн гивэ. Хэврһэрн дөннэд авба. Зөб бийэн хэврһэд унн гивэ. Хэврһэрн дөннэд авба. Нег цагин дөй дунд эр Хоңһр баатр көвүн уха санаган хураһад авба. Ар далан илэд бэрж үзх нег көк һалвр сумна иш һарт харһад одва. Суһу татад хаяд үркхд алтн башг хойр далан хоорндк махн дотр үлдэд одва. Көөрк Бурхн Зеерд күлг эзн нойн алдриг авч зулад маңһсасн гетлгэд ирвэ.</p>	<p>13. Приблизился он к окраине нутука [мангасов] Гунан Аюла и Донен Аюла. После этого еще не закаленный в сражениях, не познавший жизни и не окрепший богатырь Эр Хонгор подъехал к владениям Гунан Аюла и Донен Аюла, когда они пребывали в глубоком сне, и захватил большую часть народа. Когда [Эр Хонгор] провел в пути сутки, его догнали Гунан Аюл и Донен Аюл. Мангас Донен Аюл натянул свой желтый лук и вложил в него стрелу из зеленого сандала, шириной с поле, с выемкой с холм. Выстрелил между лопатками убежавшего красавца-юноши. Со звуком «тарт» тетивы стрела соскользнула рядом с Эр Хонгором. Еще раз пустил [Донен Аюл] стрелу — не попал. Стрела из зеленого сандала зацепилась между двумя лопатками. Юноша чуть не упал навзничь. [Скакун Бурхан Зерде] помог ему своим красивым плоским крупом. [Эр Хонгор] чуть не упал на бок. [Скакун Бурхан Зерде] поддержал его своим боком. В один момент юный богатырь Эр Хонгор собрался с мыслями. Нашупав на лопатке дротик стрелы из зеленого сандала, он резким движением руки извлек его, но в теле остался золотой наконечник. Бедный скакун Бурхан Зерде смог спасти своего ной-она от преследования мангаса.</p>
<p>14. Хатн сээхн ээж, хан сээхн аав мөрнэсн буулһад авба. Оруһинэн уснд орул саарл серк болад орад өгдг. Эр Хоңһр гиж эрклүлж гертэн авад орво. Нутгасн эмч хурава. Зөвчлэд ик баһ нутган хурава. «Эн көвүнэ хойр далан хоорндк сумна башгиг ямр күмүн авч хайһад билэ?» — гиж сурад ирвэ. Эн үг келхд нег көгшн келэд ирвэ: «Эн нутгт эрэсн ондан күмнд седклэн эс тэвсн бүсүгө күмн болх авад хайдг билэ» — гиж келвэ. Хан нутган зар тэвбэ. «Иим күмн бээдг болва?» гиж сурад ирхд, йир күмн һархш.</p>	<p>14. Прекрасная ханша-матушка, прекрасный хан-отец сняли [Эр Хонгора] с коня. «Во время наводнения впереди идет серый козел, будь ты лучшим из мужей, Эр Хонгор» — [так сказав,] они приласкали его и сопроводили в юрту. С нутука собрали лекарей. Спросили: «Кто может вытащить наконечник стрелы из спины [нашего сына]?» На это один старик ответил: «[Наконечник стрелы может вынуть женщина, которая была верна только своему мужу]». Хан приказал разыскать такую женщину во всем своем нутуке.</p>
<p>15. Тегэд хаана хатн: «Ондан күмнд седклм тусгсн уго билэ. Наа-цаа сээхн герл Миньмьян йовж йомна гиж нутг шуугллад одхд хурдлн босад, зүн эркэр шаһаж хэлэхдэн, нээмн товчм мөлтрэд одгсн билэ. Юм болувчиг эврэн бийм. Нег арһ хорһ кеж үзнэв» — гиж бурхндан зальврч, бийэн цеврлж, эдлсж, арц умлһж, бээсн махан усар уһаж цеврлж авад, көвүнэн түргүр кевтүлж үркэд, хойр далан хоорнд орад одгсн саадгин башгиг зууһад суһлн татад хаяд үрквэ. Эмэн кегэд көвүһэн эдгж амна.</p>	<p>15. Тогда ханша промолвила: «Ни к кому душа моя не лежала. Когда все в округе стали шуметь, что идет Красавец лучезарный Минмия, я быстро поднялась и посмотрела через дверную щель и восемь моих пуговиц сами по себе растянулись. В этом мой единственный грех. Я попытаюсь что-нибудь сделать», — сказав это, [ханша] помолилась бурханам, очистилась, возжгла можжевельник, омыла свое тело, положила юношу ничком и зубами вынула наконечник стрелы, вонзившийся между двумя лопатками юноши. Приготовив лекарственные снадобья, ищцелила юношу.</p>

Использованная литература

Аристов, 1896: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения о их численности // Живая старина. 1896. Т. III–IV. С. 277–456.

Aristov N. A. Zametki ob jetnicheskom sostave tjurkskih plemen i narodnostej i svedenija o ih chislennosti // *Zhivaja starina*. 1896, T. III–IV. S. 277–456.

Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and information on their numbers // *Living antiquity*. 1896. Vol. III–IV. P. 277–456.

Басангова, 2011: *Басангова Т. Г.* Сарт-калмыцкая версия Джангара (текст, основные мотивы). Текст : электронный // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. С. 131–139. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4198-basangova.html (дата обращения: 10.08.2020).

Basangova T. G. Sart-kalmyckaja versija Dzhangara (tekst, osnovnye motivy) // *Novye issledovaniia Tuvy*. 2011. № 4. S. 131–139.

Basangova T. G. Sart-Kalmyk version of Dzhangar (text, main motives) // *New studies of Tuva*. 2011. No. 4. P. 131–139.

Биткеев, 2006: *Биткеев Н. Ц.* Эпос «Джангар». Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар»; КалмГУ, 2006. 352 с.

Bitkeev N. Ts. Jepos “Dzhangar”. Elista: ZAO “NPP «Dzhangar»”; KalmGU Publ., 2006. 352 s.

Bitkeev N.Ts. “Dzhangar” Epic. Elista: ZAO NPP Dzhangar; KalmSU, 2006. 352 p.

Борлыкова, Меняев, 2020: *Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В.* К изучению персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» // Научный диалог. 2020. № 10. С. 231–242.

Borlykova B. H., Menyayev B. V. K izucheniyu personazhej sart-kalmyckoj versii eposa «Dzhangar» // *Nauchnyj dialog*. 2020. № 10. S. 231–242.

Borlykova B. Kh., Menyayev B. V. To the study of the characters of the Sart-Kalmyk version of the epic “Dzhangar” // *Scientific dialogue*. 2020. No. 10. P. 231–242.

Бурдуков, 1935: *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмыки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.

Burdukov A. V. Karakol'skie kalmyki (sart-kalmaki) // *Sovetskaya etnografiya*. 1935. № 6. S. 47–79.

Burdukov A. V. Karakol Kalmyks (Sart-Kalmaks) // *Soviet Ethnography*. 1935. No. 6. P. 47–79.

Владимирцов, 1926: *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Ленинград: Ин-т живых вост. яз. им. А. С. Енукидзе, 1926. 202 с.

Vladimircov B. Ya. Obrazcy mongol'skoj narodnoj slovesnosti (S.-Z. Mongoliya). Leningrad: In-t zhivyyh vost. yaz. im. A. S. Enukidze, 1926. 202 s.

Vladimirtsov B. Ya. Samples of Mongolian Folk Literature (N.-W. Mongolia). Leningrad: Institute of Living East. lang. named after A. S. Enukidze, 1926. 202 p.

Джангар, 2006: Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 т. Т. 2. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2006. 831 с.

Dzhangar. Geroicheskij epос sin'czyanskiх ojrat-mongolov: V 3-h tomah. T. 2. Elista: ZAO “NPP „Dzhangar“», 2006. 831 s.

Dzhangar. The heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols: In 3 volumes. T. 2. Elista: ZAO NPP Dzhangar, 2006. 831 p.

Кичиков, 1964: *Кичиков А. Ш.* Хар холын хальмгуд // Хальмг үнн. 1964. 18 августа. С. 3–4.

Kichikov A. Sh. Har holyn hal'mgud // *Hal'mg үнн*. 1964. 18 avgusta. S. 3–4.

Kichikov A. Sh. The kalmyks of kara-kol // *Hal'mg үнн*. 1964. august 18. P. 3–4 (In Kalmyk).

Кульганек, 2013: *Кульганек И. В.* А. В. Бурдуков, монголовед трудной и интересной судьбы // *Mongolica-XI*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 6–10.

Kul'ganek I. V. A. V. Burdukov, mongoloved trudnoj i interesnoj sud'by // *Mongolica-XI*. Cankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013. S. 6–10.

Kulganek I. V. A. V. Burdukov — a Mongolist of Difficult and Interesting Destiny // *Mongolica-XI*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2013. P. 6–10.

Нармаев, 2013: *Нармаев Б. М.* Т. А. Бурдукова: биографические материалы // *Mongolica-XI*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 11–14.

Narmaev B. M. T. A. Burdukova: biograficheskie materialy // *Mongolica-XI*. Cankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013. S. 11–14.

Narmayev B. M. T. A. Burdukova: Biographical Materials // *Mongolica-XI*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2013. P. 11–14.

Опыт военно-статистического описания Илийского края, 1903: Опыт военно-статистического описания Илийского края / сост. Ген. штаба подполк. Д. Федоровым; под ред. Ген. штаба ген.-майора Тихменева. Ч. 1–2. Ч. 1. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903. 300 с.

Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya Ilijskogo kraja / sost. Gen. shtaba podpolk. D. Fedorovym; pod red. Gen. Shtaba gen.-majora Tihmeneva. Ch. 1–2. Ch. 1. Tashkent: Tipografiya Shtaba Turkestanского voennogo Okruga, 1903. 300 s.

Attempt of the military-statistical description of the Ili region / Comp. by lieutenant colonel of General Staff D. Fedorov; Ed. by Major General of General Staff Tikhmenev. Ch. 1–2. Part 1. Tashkent: Printing House of the Headquarters of the Turkestan Military District, 1903. 300 p.

Остроумов, 1879: *Остроумов Н. П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань: Тип. Ун-та, 1879. 117 с.

Ostromov N. P. Kitajskie emigranty v Semirechenskoj oblasti Turkestanского kraja i rasprostranenie sredi nih pravoslavnogo hristianstva. Kazan': Tip. Un-ta, 1879. 117 s.

Ostromov N. P. Chinese emigrants in the Semirechensk area of the Turkestan region and the spread of Orthodox Christianity among them. Kazan: Type. University, 1879. 117 p.

Перепись населения... 2010: Перепись населения и жилищного фонда в Кыргызской Республике 2009 года. Книга III в таблицах. Регионы Кыргызстана. Иссык-Кульская область. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2010. 244 с.

Perepis' naselenija i zhilishhnogo fonda Kyrgyzskoj Respublike 2009 goda. Kniga III v tablicah. Regiony Kyrgyzstana. Issyk-Kul'skaja oblast'. Bishkek: National'yi Statischeškiy Comitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2010, 244 s.

2009 Population and Housing Census in the Kyrgyz Republic. Book III in tables. Regions of Kyrgyzstan. Issyk-Kul region. Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2010. 244 p.

Badma V. Menyaev, Boskha Kh. Borlykova**From the history of the recording of the Sart-Kalmyk version of epic “Jangar”**

The article considers the history of the recording of the Sart-Kalmyk version of the “Dzhangar” epic, basing on archival materials. Folklore recordings, made by A.V. Burdukov and A.Sh. Kichikov are valuable sources for the study of oral folk art of the Sart-Kalmyks of Kyrgyzstan in the XX century.

Key words: Sart-Kalmyks, Kyrgyzstan, folklore, Dzhangar, motives, archival materials, magnetic tapes, delets of Xinjiang, Kalmyks, A. V. Burdukov, A. Sh. Kichikov.

Badma V. Menyaev — specialist, International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, Pushkin St., Elista, 358000, Russia).
bmeyaev@mail.ru

Boskha Kh. Borlykova — Cand. Sc. (Philology), specialist, scientific department, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, Pushkin St., Elista, 358000, Russia).
borlboskha@mail.ru

Литература по калмыцкой фольклористике

© Т. Г. Басангова, 2021
DOI 10.25882/qq2d-dd29

Басангова Тамара Горяевна — доктор филологических наук, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Зав. сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве». Элиста (Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, 11).

Tamara G. Basangova — D. Sc. (Philology), Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Head of Sector of the International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”. Elista. (11, Pushkin st., Elista, 358000, Russia).

basangova49@yandex.ru

2019

МОНОГРАФИИ

Басангова Т. Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. 192 с.

Манджиева Б. Б. Хальмг баатрлг дуулвр «Жаңһр»: Шавалин Даван дурһгин шинжлт болн текстмүд (Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева). Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 264 с. На калм. яз.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Эльбикова Б. В. Калмыцкие сказки «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав»: жанровая специфика, композиционные и поэтико-стилевые особенности». 10.01.09. Фольклористика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ, 2019.

Сенглеев Б. Ю. Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография. 10.01.09. Фольклористика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ, 2019.

СТАТЬИ

Басангова Т. Г. Художественно-поэтические особенности благопожеланий хошутув Калмыкии (по материалам полевых исследований 2008–2009 гг.) // Материалы II Междунар. науч. конф. «Социальные и культурные трансформации в контексте современно-глобализма», посвященной 85-летию профессора

Х. И. Ибрагимова. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. SCTCGM 2019 — Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (14–15 June 2019). ISSN: 2357-1330 (совместно с Badma V. Menyaev, Boskha N. Borlykova, Mengkai, Bair M. Kovaeva).

Басангова Т. Г. Несказочная проза калмыков (история собирания, терминология) // В сб.: информационные технологии в фольклористике. Владикавказ, 2018. С. 7–15.

Басангова Т. Г. Верблюды // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона» в рамках Ассоциации гос. ун-тов Прикаспийских стран, которая состоится 18–20 апреля 2019 года в ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова». С. 678–681.

Басангова Т. Г. Журавль в фольклорной традиции калмыков // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та, 2019. № 2 (135). С. 212–217.

Басангова Т. Г. Кот/кошка в калмыцком фольклоре // Mongolica. 2019. Т. XXII. № 1. С. 55–57.

Басангова Т. Г. Лягушка в калмыцком фольклоре // Материалы Региональной науч.-практ. конф. «Бадмаев А. В. Вклад в сохранение письменного наследия калмыцкого народа», Элиста, 5 марта 2019 г. Элиста, 2019. С. 55–62.

Басангова Т. Г. Мир животных в калмыцком фольклоре // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. 2019. С. 372.

Басангова Т. Г. Об эволюции жанра благопожеланий в фольклорной традиции калмыков // Мате-

риалы III Междунар. конф. «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований», посвящ. 80-летию со дня рождения академика РАЕН, доктора филол. наук, проф. Валентина Ивановича Рассадина. Элиста: КалмГУ, 2019. С. 220–223.

Басангова Т. Г. [Рецензия] // Вестник Сев.-Вост. федеральн. ун-та имени М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2019. № 3 (15). С. 140–142. Рец. на: М. П. Яковлева. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода Бута: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Даг. гос. пед. ун-т. Махачкала, 2016. 21 с.

Болдырева И. М. Сибирь: выселение и возвращение (интервью 94-летней калмычки) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 2. С. 201–221.

Болдырева И. М., Аюушжав А. Предания о паломнике Джиджетене в Тибет (сравнительный анализ разновременных записей) // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 2. С. 287–321.

Борлыкова Б. Х. Калмыцкие песни из Научного архива Русского географического общества: опыт кластерного описания именной лексики // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 9 (142). С. 228–232.

Борлыкова Б. Х. Калмыцкие песни из фондов Научного архива русского географического общества // «Тюркомонгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы I Междунар. алт. форума, Барнаул — Горно-Алтайск, 12–14 сент. 2019 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 35–37.

Борлыкова Б. Х. О калмыцких письменных памятниках, хранящихся в научном архиве Русского географического общества // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию академика РАЕН проф. В. И. Рассадина, 30-летию создания тофаларской письменности и 20-летию сойотской письменности, Элиста, 11–14 нояб. 2019 г. Элиста: КалмГУ, 2019. С. 324–327.

Борлыкова Б. Х. Из истории записи калмыцких народных песен XIX — начала XX в. (по опубликованным и архивным материалам) // Из истории этномузыкологии: судьбы, события, перспективы: тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова и 30-летию открытия Музыкально-этнографического отделения в Санкт-Петербургской консерватории, Санкт-Петербург, 28 сент. — 01 окт. 2019 г. СПб.: Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 2019 г.

Борлыкова Б. Х. Из истории звукозаписи калмыцкого фольклора. Текст : электронный // Междунар. науч. конф. «Фольклор в аудиовизуальных исследованиях. От полевых записей к медиапроекту: методология и практика». Т. 14 (Москва, ИМЛИ РАН, URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/>

2019-14/materialy-nauchnoy-konferentsii-folklor-v-audiovizualnykh-issledovaniyakh-ot-polevykh-zapisey-k-medi/ (дата обращения: 10.08.2020).

Борлыкова Б. Х. Аудиозаписи калмыцкого героического эпоса «Джангар», хранящиеся в Научном архиве КАЛИМНЦ РАН // Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения сказительницы Натальи Черновой. 2019. С. 140–147.

Борлыкова Б. Х. О калмыцких благожеланиях, опубликованных в газете «Хальмг унн» в 90-е годы XX века // Материалы первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» / отв. ред. Р. И. Райкин. 2019. С. 41–44.

Борлыкова Б. Х., Меньев Б. В. Фольклорные материалы калмыков в Научном архиве Русского географического общества // Монголы: традиции и современность. Чтения памяти Е. С. Новик: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 11–13 сент. 2019 г. (Mongols: Traditions and Modernity. III Readings in the Memory of Elena S. Novik: abstracts, Moscow, September 11–13, 2019) / сост. и ред. А. А. Соловьева, О. Б. Христофорова (eds. A. Solovyova, O. Khrystoforova). М.: РГГУ, 2019. С. 4–5.

Борлыкова Б. Х., Меньев Б. В. Образцы письменного наследия калмыков (по материалам Научного архива Русского географического общества) // Mongolica. 2019. Т. XXIII. № 2. С. 73–80.

Бурькин А. А. Кошка в фольклоре калмыков и других монголоязычных народов // Oriental Studies. 2019. № 6. С. 1220–1230.

Бурькин А. А. Калмыцкая сказка об отце, сыновьях и сломанных прутьях (стрелах) в контексте фольклора и старинной литературы Евразии // Монголоведение. 2019. № 4. С. 1003–1011.

Манджиева Б. Б. Наука — ее призвание (К юбилею известного ученого-фольклориста Т. Г. Басанговой) // Вестник Сев.-Вост. федеральн. ун-та им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2019. № 3 (15). С. 143–146.

Манджиева Б. Б. Синоптический анализ прологов «Джангара» (Эпический репертуар джангарчи Ээлян Овла и Телтя Лиджиева) // Новый филологический вестник. 2019. № 2. С. 51–64.

Манджиева Б. Б. Сохранность эпической песни «Джангара» во времени: текст «певца-учителя» и «певца-ученика» // Новый филологический вестник. 2019. № 4. С. 82–97.

Манджиева Б. Б. Эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева // Бюл. Калм. науч. центра РАН. 2019. № 2. С. 168–187.

Манджиева Б. Б. Калмыцкий фольклор в свете новейших исследований // Сб.: Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнич-

ской среды: опыт и перспективы. Материалы Международ. науч.-практ. конф. 2019. С. 201–206.

Манджиева Б. Б. К вопросу изучения эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева // Сб.: Национальная литература России в поликультурном пространстве: духовно-нравственный и консолидирующий потенциал. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения калмыцкого писателя Михаила Хонинова. Элиста, 2019. С. 287–293.

Манджиева Б. Б., Сумба Р. П. Рукописный буддийский текст «Стослоговая мантра Ваджрасаттвы» на ойратском языке из Национального музея Тувы. Текст : электронный // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/874> (дата обращения: 10.08.2020).

Менкенова К. В., Хабунова Е. Э. Калмыцкие устные повествования о Бурхн Багши (Будде Учителе) и жизнеописание Будды Шакьямуни: сходства и различия // Вестник Адыг. гос. ун-та. Серия 2: «Филология и искусствоведение». 2019. № 3 (242). С. 178–186.

Селеева Ц. Б. Героическое сватовство в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 65–78.

Селеева Ц. Б. Функционально-семантические особенности типических мотивов в сюжете синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 53–64.

Селеева Ц. Б. Особенности сюжетологии в синьцзян-ойратской эпической традиции // Oriental Studies. 2019. № 43 (3). С. 478–491.

Селеева Ц. Б. Сюжетно-типологические особенности сказания «Богдо Чаңгар хаан» в традиции тувинцев и эпоса «Джангар» в национальных версиях калмыков России и ойратов Синьцзяна // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 133–139.

Селеева Ц. Б. Сказание «О Гесере Богдо-хане в фольклоре калмыков» // Бюл. Калм. науч. центра РАН. 2019. № 3. С. 230–252.

Селеева Ц. Б. Фольклор монгольских народов в записях А. В. Бурдукова // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: сб. докл. III Междунар. науч. конф. 20–22 апреля 2017 г. СПб.; УБ., 2019. С. 161–171.

Селеева Ц. Б. Проблемы сохранения историко-культурного наследия калмыков на современном этапе // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 окт. 2019 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. С. 295–301.

Селеева Ц. Б. К вопросу изучения поэтики синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» // Ежегодные науч. чтения Калм. науч. центра Российской академии наук. 2019. VIII. С. 122–125.

Сенглеев Б. Ю. Черты трикстера в образе Мазанбатыра (на материале калмыцкого фольклора) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 3. С. 330–351.

Сенглеев Б. Ю. Героическое детство в фольклорном цикле Мазан батыра // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 3. С. 119–130.

Убушиева Д. В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 57–69.

Убушиева Д. В. Элементы архаики в эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 73–80.

Убушиева Д. В. Матримониальные коллизии в калмыцком эпосе «Джангар» и сказаниях тюрко-монгольских народов Сибири // Oriental Studies. 2019. № 4. С. 707–715.

Убушиева Д. В. Волшебные помощники в калмыцком и тувинском эпосе. Текст : электронный // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/> (дата обращения: 10.08.2020).

Убушиева Д. В. Об указателе мотивов ранних записей эпоса «Джангар» // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2019. VIII. С. 128–131.

Убушиева Д. В. Предания из архива И. И. Попова // Бюл. Калм. науч. центра РАН. № 3. С. 271–281.

Убушиева Т. А. Старинная калмыцкая народная протяжная песня «Төвтэ теегм» в исполнении Валентины Ильцарановой // Монголоведение. 2019. № 3. С. 673–688.

Хабунова Е. Э. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: пути и возможности сохранения эпоса и сказительской традиции в современных условиях // Сб.: Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения сказительницы Натальи Черноевой. Горно-Алтайск, 2019. С. 118–126.

Хабунова Е. Э., Байгалсайхан Санжаа, Убушиева Б. Э. Монголо-ойратское сказание «Урьдын Улан Хонгор»: сохранность базовой модели эпического сюжета в разновременных записях // Oriental Studies. 2019. № 6 (46). С. 1211–1219.

Хабунова Е. Э., Геджин Ч. Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов // Oriental Studies. 2019. № 5 (45). С. 1026–1033.

Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Кунгаа М. Б. О., Аюушжавийин А. Тувинское сказание «Богда Чаңгар хан» и его константные сегменты в ойратской и калмыцкой версиях героического эпоса «Джангар» // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 9–10.

Эльбикова Б. В. Сказитель Муутл Буринов как хранитель традиции «обрамления» в калмыцком ска-

зочном фольклоре // Всерос. науч-практ. конф. с междунар. участием «Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация». Горно-Алтайск, 2019. С. 181–185.

Эльбикова Б. В. Изображение физической расправы героя с противником в калмыцких сказках «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») М. Буринова // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 3. С. 352–369.

Составила Т. Г. Басангова (Борджанова)

Вторые Ковалевские чтения. Казань, 1–2 декабря 2020 г.

© И. В. Кульганек, 2021
DOI 10.25882/b53s-q768

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, зав. сектором Центральной Азии, Институт восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18).

Irina V. Kulganek — D. Sc. (Philology). Head of the Section of Central Asian Studies at the IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia (18, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia).
kulgan@inbox.ru

1–2 декабря 2020 г. в Казани состоялись Вторые Ковалевские чтения, организаторами которых выступили Казанский федеральный университет, Институт международных отношений, Институт восточных рукописей Российской академии наук, Бу-

рятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Институт буддологии, монголоведения и тибетологии СО РАН, Институт исследований Центральной Азии.

Открытие торжественного заседания Вторых Ковалевских чтений.
Императорский зал Казанского федерального университета. 1 декабря 2020 г.

Международная научная конференция была посвящена выдающемуся российскому и польскому востоковеду, ставшему во главе монголоведческой школы в России, прекрасному знатоку культуры, религии и истории монгольских народов, организатору высшего образования и науки **Осипу Михайловичу Ковалевскому** (Kowalewski Józef Szczepan; 1801/01–1878). Выпускник Виленского университета, ректор Казанского университета, декан историко-филологического факультета Варшавского университета, О. М. Ко-

валевский был филологом, историком, антиковедом, востоковедом-буддологом. Среди его учеников — востоковеды Д. Банзаров, А. А. Бобровников, В. П. Васильев, Г. Гомбоев, Н. И. Зоммер, В. Л. Котвич, А. М. Позднеев. О. М. Ковалевский является одним из основоположников научного монголоведения и буддологии в России и Европе. Проблемы, поднятые ученым, были развиты его последователями и до настоящего времени остаются актуальными для современного научного сообщества.

Директор ИВР РАН И. Ф. Попова, ректор КФУ И. Р. Гафуров

Участникам конференции были предложены следующие тематические направления докладов и дискуссий: О. М. Ковалевский (1801/01–1878): историческое развитие монголоведения и центрально-азиатских исследований в России и Европе; монголоведение, буддология, синология и центрально-азиатские исследования в современном научном мире; проблемы развития классического востоковедческого образования в России и Европе; история и источниковедение, культура, языкознание, искусство, религия тюркских и монгольских народов Евразии; научные экспедиции в регионы Центральной Азии; изучение монгольского рукописного наследия.

Для проведения конференции был создан оргкомитет в следующем составе:

Сопредседатели: ректор Казанского (Приволжского) федерального университета, академик Российской академии образования, академик Академии наук Республики Татарстан И. Р. Гафуров; чл.-кор. РАН директор Института восточных рукописей РАН И. Ф. Попова; академик РАН директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б. В. Базаров; доктор техн. наук, профессор ректор

Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова Н. И. Мошкин.

Научные руководители конференции: директор Института международных отношений КФУ Р. Р. Хайрулдинов; доктор ист. наук, профессор Института международных отношений КФУ Р. М. Валева; доктор филол. наук зав. сектором Центральной Азии ИВР И. В. Кульганек.

Члены оргкомитета: доктор ист. наук декан Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений КФУ А. Г. Ситдииков; доктор ист. наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений КФУ Д. Е. Мартынов; канд. ист. наук, доцент зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова О. Н. Полянская.

Секретари конференции: канд. ист. наук зав. кафедрой алтаистики и китаеведения Института международных отношений КФУ Р. Р. Мухаметзянов; старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения КФУ З. И. Замалиева.

На открытии конференции, которое состоялось в Императорском зале Казанского (Приволжского) федерального университета была проведена торжественная церемония вручения медали КФУ имени Х. Д. Френа «За выдающиеся работы в области востоковедения» члену-корреспонденту РАН директору Института восточных рукописей РАН Ирине Федоровне Поповой. Золотая медаль имени Христиана Даниловича Френа, академика-востоковеда, арабиста, ираниста, тюрколога, нумизмата, была учреждена в Казанском федеральном университете (КФУ) в 2019 г. при поддержке академика РАН директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского. Вручается она ежегодно за заслуги в области ориенталистики. Ирина Федоровна Попова стала вторым обладателем золотой медали имени Х. Д. Френа. Золотую медаль вручил И. Ф. Поповой ректор Казанского федерального университета И. Р. Гафуров. В решении о награждении И. Ф. Поповой, принятом Ученым советом Казанского университета на заседании 15 октября 2020 г., был отмечен вклад директора ИВР РАН в развитие российского востоковедения, состоящий «в новизне и значимости ее научных работ», «в координации творческих усилий представи-

телей академических центров российского востоковедения», в воспитании «целой плеяды молодых ученых-востоковедов». В документе также подчеркнуто, что заслуги И. Ф. Поповой «широко признаются не только в России, но и за рубежом».

В актовой речи на тему «Востоковедение и культурный код России» И. Ф. Попова остановилась на истории создания и становления академической науки в Петербурге, Института восточных рукописей РАН, который ведет свое начало с 1818 г., когда был учрежден Азиатский музей. В своем выступлении, сопровождавшемся презентацией, докладчик вскрыл понимание необходимости изучения Востока и развития востоковедных дисциплин в России, которая на протяжении всей своей истории была открыта для уникальных культур восточных народов.

После награждения состоялось возложение цветов к памятнику Н. И. Лобачевского, российского математика, одного из создателей неевклидовой геометрии, деятеля университетского образования, который на протяжении 40 лет преподавал в Казанском университете и 19 лет руководил им в должности ректора.

Участники конференции в Императорском зале КФУ

На пленарном заседании были также заслушаны приветствия ректора Казанского (Приволжского) федерального университета академика Российской академии образования, академика Академии наук Республики Татарстан Гафурова Ильшата Рафкатовича, доктора технических наук ректора БГУ имени Доржи Банзарова Мошкина Николая Ильича, ректора университета Алааддина Кейкубат (Аланья, Турция) Экрема Калана и доклад доктор филол. наук

И. В. Кульганек на тему «Генеалогические таблицы чингисидов в „Истории монголов“ О. М. Ковалевского», посвященный единственному сохранившемуся до наших дней объемному неизданному труду ученого, хранящемуся в Архиве востоковедов ИВР РАН. Пленарное заседание завершилось презентацией коллективной монографии российских исследователей из Казани, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ и Красноярска «Биография и научное наследие монголоведа

О. М. Ковалевского». Главный редактор монографии и один из ее авторов доктор ист. наук Р. М. Валеев рассказал о том, как авторы пришли к этому обобщающему труду, в котором они осветили период, предшествовавший расцвету монголоведения в России, дали характеристику развития этого направления в Казанском университете, предложили очерк жизни О. М. Ковалевского, проанализировали его

научную деятельность и вклад в отечественное монголоведение. Р. М. Валеев отметил, что важное место в монографии уделено также эпистолярному наследию ученого, его неизданным материалам, хранящимся в архивах Казани и Санкт-Петербурга, в том числе впервые вводимым в научный оборот, к которым относятся письма, дневники, научные труды О. М. Ковалевского.

Ведущая торжественного заседания студентка КФУ И. Р. Усманова

Модераторы секции I доктор ист. наук Р. М. Валеев и доктор ист. наук Д. Е. Мартынов

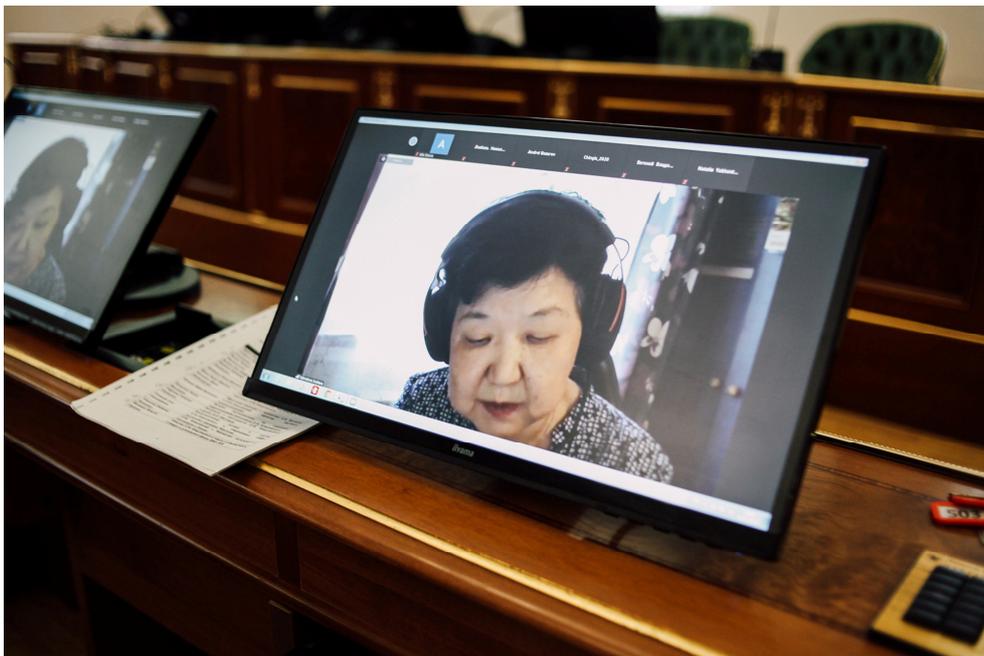
После пленарного заседания конференция продолжилась в актовом зале Казанского университета. Работали 4 секции: «Вклад О. М. Ковалевского в

русское востоковедение» (модераторы Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов); «Буддизм и ментальность монгольских народов в трудах О. М. Ковалевского,

его предшественников и последователей» (*модераторы* С. Л. Бурмистров, Ю. А. Мартынова), «Распространение российского влияния на Восток. Политика „мягкой силы“» (*модераторы* Д. Е. Мартынов, А. Р. Аликберова), «Язык и литературное наследие монгольских народов» (*модераторы* И. В. Кульганек, С. А. Силакова) и Международный круглый стол: «Политика и культура Средней и Центральной Азии XIX–XX вв.» (*модераторы* Р. Р. Мухаметзянов, С. А. Силакова). В конференции приняли участие докладчики из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Бурятии, Калмыкии, Монголии, работа проходила преимущественно в формате онлайн. Было заслушано 64 доклада по различным аспектам изучения истории, культуры, искусства монгольских народов. Причем среди них более десяти докладов прочитано сотрудниками Института восточных рукописей РАН, что представляется совершенно естественным, так как проблемы, поднятые О. М. Ковалевским, до настоящего времени продолжают оста-

ваться в поле внимания мирового научного сообщества и получают свое развитие в трудах сотрудников ИВР РАН. Это вопросы преподавания монгольского языка, исследование менталитета монгольских народов, путей распространения буддизма, а также философия буддизма, монгольская литература, история монголов и народов Центральной Азии.

Конференция стала одним из итогов многолетнего исследования творчества О. М. Ковалевского и работы ученых в различных областях монголоведения. Все доклады и выступления участников конференции были посвящены введению в научный оборот новых материалов и изучению различных аспектов монголоведения. Многие выступления докладчиков сопровождались дискуссиями и обсуждением. В ходе обсуждения были высказаны мнения о необходимости большего научного сотрудничества монголоведческих центров России и издания прозвучавших докладов.

Доклад онлайн научного сотрудника ИВР РАН С. С. Сабруковой

По итогам работы конференции была принята резолюция, в которой, в частности, говорится, что конференция имеет большое значение для дальнейших исследований по истории, культуре и языкознанию монгольских народов; данное мероприятие продемонстрировало новые возможности введения в научный оборот культурного наследия монголов, создания совместных научных трудов, проведения в дальнейшем специальных симпозиумов и конференций, осуществления более крупных проектов. Конференция явилась свидетельством заинтересованного внимания к работе востоковедов со стороны ведущих монголоведческих центров России; она стала чет-

вертой конференцией (две из них были проведены в начале 2000-х гг.), организованной Казанским (Приволжским) федеральным университетом, хранящим память о своем выдающемся ученом, работавшем в его стенах и возглавлявшем его на протяжении почти 10 лет. Конференция стала результатом сотрудничества казанских ученых с учеными Санкт-Петербурга, старейшего центра мирового монголоведения, а также с основными бурятскими монголоведческими центрами — Бурятским государственным университетом имени Доржи Банзарова, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, а также Калмыцким научным центром. Участники кон-

ференции поддержали решение и далее проводить ее один раз в два года в Казани; результатом должно стать издание докладов в отечественных журналах «Вестник Казанского (Приволжского) университета» и “Mongolica” Института восточных рукописей РАН.

Плодотворная работа конференции продемонстрировала большой интерес российского научного сообщества к сохранению письменного культурного наследия монгольских народов, показала разнообразные подходы к его изучению, представила инте-

ресные решения актуальных научных задач и показала высокий уровень отечественного востоковедения. Вторые Ковалевские чтения обогатили отечественное и мировое монголоведение новой ценной информацией, позволили еще раз представить масштаб и значение трудов Осипа Михайловича Ковалевского, гуманитария-энциклопедиста, подвижника науки, определившего развитие этой дисциплины в России на годы вперед.

И. В. Кульганек

Содержание: *Mongolica*. XXIII. 2020. № 2

Слово о Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и <i>лоувановцах</i> (Т. И. Султанов)	5
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Т. К. Абдиев, К. Ш. Табалдиев. Новые находки: тюркские рунические надписи на хуме и балбале	8
Т. А. Аникеева. Вольфрам Эберхард и тюркология: о неопубликованном исследовании В. Эберхарда по тюркскому эпосу.	14
М. Е. Dubrovina. Graphemes for vowel expression in the ancient turkic runic script.	20
Д. Коç, К. Yıldırım. The Word ‘Tatar’ in Various Forms in Chinese Sources	23
И. В. Кормушин. Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера.	26
А. А. Туранская. “Uigurische Sprachdenkmäler” В. В. Радлова: конкорданс	30
Ф. Г. Хисамитдинова. С. Г. Кляшторный и представления башкир о божествах и божественных силах Нижнего мира	39
А. Ш. Юсупова. Учебные словари татарского языка XIX в.	44
Т. И. Юсупова. Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е годы: цели и результаты	49
МОНГОЛОВЕДЕНИЕ: ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ	
Л. С. Дампилова, Д. Наранцэцэг. Символический язык шаманских песнопений бурят России и Монголии.	54
Ю. И. Дробышев. Образ Чингис-хана в средневековых европейских источниках	59
А. Мөнх-Оргил. Романтизм в творчестве монгольского писателя и драматурга Л. Вангана (1920–1968)	71
Д. А. Носов, Сэцэнбат. Сказки о Мастере-Аргачи на просторах Центральной Азии	76
В. З. Церенов. Изображение ворона на шлеме Хонгора, героя эпоса «Джангар»	82
СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	
Ю. А. Боев. О переводах тайской литературы в СССР и России	89
О. В. Лундышева. Фрагмент связанного с грешными деяниями Девадатты древнеуйгурского текста из коллекции ИВР РАН	98
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
И. Арванити, Ю. В. Кузьмин. Рец. на: Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX века: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2019. 321 с.	106
Т. Д. Скрынникова. Рец. на: Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В. Буддийский монастырь Аблай-хит / науч. ред. Д. А. Воякин. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. 400 с., ил. ISBN 978-601-7253-19-6.	107
Ж. М. Юша. Фольклорные традиции бурят Китая. Рец. на: Цыбикова Б-Х. Б. Фольклор шэнэхэнских бурят / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.	108